И. СТРЕЛКОВА

МЕЧ ПОЛКОВОДЦА

О т
О м
Кто
О те
Кто
И бе

О тех, кто первым ступил на неизведанные земли,
О мужественных людях — революционерах,
Кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше.
О тех, кто проторил пути в науке и искусстве,
Кто с детства был настойчивым в стремленьях
И беззаветно к цели шел своей.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1968

МИХАИЛ ФРУНЗЕ

Выпуск 11

И. СТРЕЛКОВА

МЕЧ ПОЛКОВОДЦА

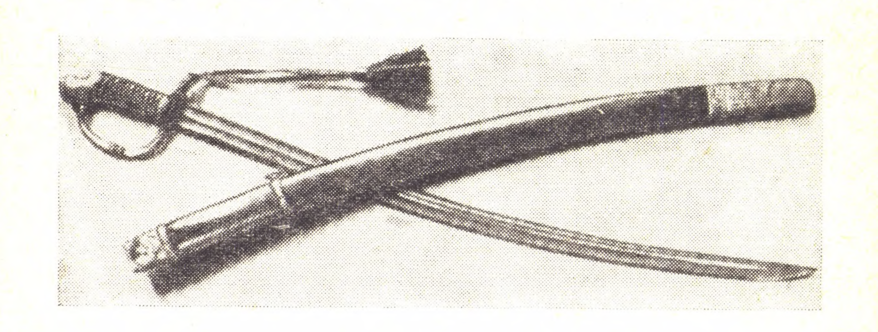
■ ЮНОСТЬ ■ БОРЬБА ■ СРАЖЕНИЯ ■

ЮНОСТЬ ■ БОРЬБА ■ СРАЖЕНИЯ

ЮНОСТЬ ■ БОРЬБА ■ СРАЖЕНИЯ

■ ЮНОСТЬ ■ БОРЬБА ■ СРАЖЕНИЯ ■

Р 2
С 84

Из лучшей стали выкован клинок. Сталь чуть отливает синевой, будто навечно отразилось в клинке ясное степное небо. Эфес украшен чеканным узором, и впаян в него первый орден революции — орден Красного Знамени.

Это почетное революционное оружие Советская республика вручила Михаилу Васильевичу Фрунзе — полководцу, не знавшему ни одного поражения.

Немногих полководцев назвала история великими.

И впервые великим был признан полководец, который не обучался военному искусству, не прошел смолоду солдатской школы, походов и сражений.

С юных лет Фрунзе стал революционером-подпольщиком, организовывал кружки для рабочих, печатал листовки, руководил забастовками, сражался на баррикадах. Годы провел он на царской каторге и в ссылке.

Это было его военной академией, его солдатской школой.

А меч полководца ему вложила в руки революция.

ЮНОСТЬ

БРАТЬЯ

Мальчик десяти лет — голубоглазый, светловолосый, обгоревший под солнцем до белого налета на скулах — сидел на верхушке воза, запряженного парой волов. Поскрипывали, вихляясь, колеса, мягко шлепали по пыли копыта волов, пронзительными голосами перекликались возчики.

Дорога была медленная, долгая. Обоз останавливался на ночевку в степи. Возчики зажигали костер, и мальчик шел к огню, неся охапку курая — сухой, звенящей в руках травы. Подбросив в трескучее пламя свою охапку, он садился у костра как равный. Из ночной степи на огонь подъезжали всадники в войлочных колпаках. Они говорили с возчиками по-киргизски, и мальчик прислушивался, все понимая. Он родился и вырос здесь, на дальней окраине огромной Российской империи, в маленьком глинобитном городке Пишпеке *. Он хорошо знал язык киргизов и знал жизнь степи, ее простые законы: идешь к огню, прихвати топлива; увидишь ядовитую змею — убей; незнакомого человека встречай как друга.

Ехал мальчик один, без провожатых. Дорога была тихая, скучная, обыкновенная. Но все равно даже в такую дорогу десятилетнего мальчика не посылают одного, а если посылают — значит случилось что-то неладное.

Случилось же вот что.

---

* Теперь город Фрунзе, столица Киргизской ССР.

Отца мальчика — фельдшера Василия Михайловича Фрунзе — уволили со службы. По распоряжению самого генерал-губернатора. Фельдшер провинился в том, что принимал в Пишпекскую городскую больницу киргизов, дунган и всех прочих «инородцев». Конечно, если бы фельдшер чистосердечно покаялся и обещал, что впредь у него в больнице ни один «инородец» приюта не найдет, его бы простили и оставили на службе. Для такого захолустья знающий фельдшер — редкость, а Василий Михайлович в своем деле был мастер и к тому же безотказный человек — ехал к больному в любую даль, в любой час — днем ли, ночью ли. Сказывалась в нем армейская выучка — ведь Василий Михайлович много лет был военным фельдшером и в этот дальний угол России дошагал пешим походным порядком, вместе со своим полком.

Не такой характер был у Михаила Васильевича, чтобы каяться и просить прощения.

— Перед болезнью все равны, — твердил он.

Генерал-губернатор усмотрел в словах фельдшера опасную крамолу. Что значит «все равны»? Никакого равенства нет и быть не должно!

Работа для непокорного фельдшера нашлась только далеко от Пишпека, в селе Мерке. Жена Василия Михайловича Фрунзе — Мавра Ефимовна никак не решалась перебраться туда вслед за главой семьи. Ведь семья-то не маленькая: пятеро детей. А в Пишпеке — свой дом, хозяйство. Попробуй брось все это. Да и уживется ли Василий Михайлович на новом месте?

Мавра Ефимовна с детьми по-прежнему жила в Пишпеке. Но сводить концы с концами ей становилось все труднее, хоть и выручало хозяйство — огород, корова, куры. И тогда десятилетний Миша стал упра-

шивать мать, чтобы отправила она его к старшему брату Косте, который учился в соседнем городе Верном *. Там была единственная в тех краях гимназия.

— Костя у нас самостоятельный. Мы с ним вдвоем не пропадем, — уговаривал Миша.

И Мавра Ефимовна решилась отправить Мишу с попутным обозом к Косте в Верный. Дома с ней остались дочери: Клаша, Люша и Лида.

Костя был старше Миши ровнехонько на четыре года. Оба они родились 21 января (по старому стилю): Костя в 1881 году, а Миша — в 1885.

Живя в Верном, Костя зарабатывал уроками — репетиторством, как тогда говорили. За жилье Костя тоже расплачивался занятиями с сыном хозяйки дома. Только благодаря своему репетитору этот лентяй еще не вылетел из гимназии, поэтому хозяйка хоть и с неудовольствием, но все же согласилась пустить на квартиру и Костиного брата.

Так с осени 1895 года четырнадцатилетний Костя стал младшему брату за мать и за отца. Три дня встречал он на окраине Верного обозы, подходившие со стороны Пишпека.

— Мальчика с вами нет? — спрашивал он возчиков. — Беленького такого. Глаза голубые...

На третий день, к вечеру, из облака густой горячей пыли послышался радостный крик:

— Костя-а-а!

Младший брат кубарем скатился с верхушки воза, ткнулся носом в Костину серую гимназическую курт-

---

* Теперь Алма-Ата, столица Казахской ССР.

ку. Таких нежностей при встречах в Пишпеке, когда Костя приезжал на каникулы, не бывало.

Подошел возчик, которому в Пишпеке мать поручила Мишу, оглядел Костю недоверчиво:

— Братья? Непохожи.

Они и в самом деле были непохожи. Костя — смуглый, узколицый, в отца-молдаванина. Миша — широкая кость, в мать, в воронежскую крестьянку.

— Ладно, — махнул рукой возчик, — забирай брата, забирай поклажу.

Братья поспорили немного, кому нести Мишин деревянный сундучок, потом продели палку в железное кольцо, ввинченное в крышку, и понесли вдвоем.

Верный был изрядным захолустьем, но для приезжего из Пишпека — большой город. На главных улицах, обсаженных деревьями, стояли двухэтажные дома, разъезжали лакированные коляски, на отличных лошадях гарцевали офицеры. Офицеров встречалось много — Верный был городом военным, пограничной крепостью.

Костя все показывал Мише, все объяснял.

— А это кто? — спросил Миша.

По другой стороне улицы шел длинноволосый человек в черной рубашке-косоворотке на мелких белых пуговицах, в высоких сапогах и с палкой — тяжелой и корявой.

— Этот господин из политических ссыльных, — шепотом ответил Костя. — Их тут немало. Карл Романович, террорист из Петербурга, у нас в гимназии музыку преподает.

— А что значит террорист?

— Мал ты еще понимать.

— Кто мал? Я? — возмутился Миша. — А кто приехал один, без провожатых из самого Пишпека?

Костя нахмурился — неизменно спокойный, серьезный Костя.

— Террористы, — сказал он ровным учительским голосом, как будто объяснял совершеннейшему тупице таблицу умножения, — террористы убивают важных сановников. Ими был убит государь император Александр Второй.

— А зачем убили?

— Долго объяснять тебе это... — осмотрительный Костя решил переменить тему. — Ты не устал? А то давай, я один понесу. И расскажи про наших... Как они там?

Мише не хотелось рассказывать Косте, что вечером сидят в темноте — нет денег на керосин, что у Клашиных туфель отлетели подметки, а сапожник сказал: «Больше чинить нельзя». Нет, Миша вспоминал только хорошее, смешное:

— Клаша зубрит ужасно. Уши заткнет и выкрикивает французские глаголы на весь дом. И теперь хоть Люшу, хоть Лиду спроси — любой глагол как песенку пропоют. Мама сказала, что Клаша тоже поступит в гимназию. Люша как заплачет: «А я? А я?»

— И мама что?

— Мама ей обещала: «И ты. И Лида».

Костя слушал и улыбался.

— А мне, — сказал он, — мама знаешь что наказывала, когда я в гимназию уезжал: «Отец у нас фельдшер, но ты будешь непременно доктором». И теперь я уж твердо решил: пойду на медицинский факультет. Представляешь, как мама будет счастлива! Костя — доктор! Я к вам приезжаю... Конечно, в чер-

ном сюртуке. Везу всех к себе. На дверях моего дома табличка: «Доктор К. В. Фрунзе. Бедным бесплатно».

— У-у, — восхищенно протянул Миша, представив себе и сюртук, и табличку, и Костю — взрослого и толстого.

— А вы как, ваше превосходительство? — ткнул его в бок Костя.

Дразнилка была старая. Маленького Мишу спросили, кем он станет, когда вырастет. Миша почесал макушку и выпалил: «Генералом!» Все смеялись. А он и вправду тогда собирался стать генералом, скакать перед войском на белом коне. Но теперь Миша опять не знал, быть ли ему генералом или лучше сделаться, как Костя, доктором.

* * *

Через год Миша закончил с наградой Верненское городское училище и был принят в первый класс гимназии.

Костя достал из своего сундучка аккуратно пересыпанные нафталином брюки и куртку с серебряными пуговицами — гимназический мундир, который он носил в младших классах. Костя был бережлив. На локтях, на коленях, даже на известном месте, особо страдающем от усидчивости, — ни одной дырки.

— Желаете примерить, ваше превосходительство?

Миша с готовностью растопырил руки. Честное слово, мундир выглядел не хуже нового. В дальнейшем «его превосходительство» поддерживал блеск своего мундира и щеткой, и утюгом, и кулаками — если нужно было кому-нибудь растолковать, что это вовсе не обноски со старшего брата.

В гимназии Мишу встретили хорошо. И все потому, что у него такой старший брат. Каждый учитель выражал надежду, что Миша пойдет по стопам Кости, будет примерным и старательным. Только Костя не разделял пока эти надежды учителей, хотя в классном журнале у Миши стояли сплошные пятерки. Костю тревожила беззаботность младшего брата, его неусидчивость. Тревожила странная дружба Миши с Костей Суконкиным — первым на всю гимназию озорником. С этим новым другом Миша нередко удирал сразу после занятий в горы и возвращался затемно. Костя к этому времени уже успевал все выучить и брался за любимую свою скрипку. Он водил смычком, закрыв глаза, склонив голову набок. С лица слетала озабоченность, появлялась застенчивая улыбка...

Миша приходил через сад и бесшумно влезал в окно. Он садился на свою кровать, слушал, как играет брат, и просил:

— Еще, еще...

Когда Костя убирал скрипку в футляр, Миша отрывисто выкладывал:

— Я в горах был. Ночь светлая, светлая. Снег на вершинах так и сверкает под луной. За кузнецовской мельницей мы барсука спугнули. Вот бы ружье! Охотников встретили, они там ночуют у костра... А знаешь, кто эти охотники? Ссыльный, который у Суконкиных живет, с ним Карл Романыч и еще один — новый. Они спорили...

— О чем же? — сонным голосом спрашивал Костя.

— О путях... — неуверенно отвечал Миша.

В споре ссыльных ему не все было ясно. Зато главное он все-таки понял — это люди спорили не о своих собственных путях и не о своем будущем. Они говорили

Фрунзе — гимназист.

о будущем России и о путях, которыми должен пойти народ, чтобы свергнуть царя и зажить свободно.

Смысл этого спора стал понятен Мише много позже. Но слова, услышанные ночью у костра, жили в памяти, не тускнея со временем, а, наоборот, проступая все четче и ясней.

На каникулы братья отправлялись домой, в Пишпек. Триста верст то с попутным обозом, то пешком.

Однажды по пути домой они заночевали в муллушке — небольшом глинобитном домике, какие киргизы ставили в степи над могилами. Утром Костя проснулся первым и ужаснулся, увидев мохнатого черного паука на руке спящего Миши. Каракурт! Сейчас, весной, его укус смертелен!

Костя боялся пошевельнуться. Сбросить паука? Нет. Его только тронь — и сразу вцепится Мише в руку. Разбудить Мишу? Боязно. Он дернется спросонок, прижмет каракурта...

Косте казалось, что он уже несколько часов сидит и смотрит на отвратительного паука. И вдруг Костя заметил, что Миша не спит, а, прищурив глаза, внимательно следит за каракуртом. Вот паук медленно пополз по руке. Ниже, ниже... Каракурт на земле. Миша вскочил, прихлопнул паука.

— Ты давно проснулся? — спросил Костя.

— Порядком. Как только эта гадина начала играть в щекотку, — ответил Миша потягиваясь. — Ну, что ты так смотришь на меня, будто раньше никогда не видел?

— Да...— ответил Костя.— Выдержка у тебя...

И больше ничего не сказал. А про себя подумал: «Крепкий характер будет у Мишки».

Это было их последнее летнее путешествие из Верного в Пишпек. Весной следующего года в Мерке умер Василий Михайлович. Ничего больше не оставалось Мавре Ефимовне, как перебираться с девочками в Верный, к Косте, который стал теперь главой семьи.

Костя купил хорошей бумаги и сел писать старательным почерком первого ученика:

«Прошение вдовы фельдшера Мавры Ефимовны Фрунзе.

Решаюсь обратиться к покровительству Вашего превосходительства и нижайше просить, не признаете ли Вы возможным помочь мне выдачею пособия из какого-либо источника по Вашему усмотрению».

Мише казались унизительными все эти старательно обдуманные Костей и матерью слова: «решаюсь обратиться», «нижайше». Но если не попросить «нижайше», обоих братьев завтра же отчислят из гимназии. И не быть Косте доктором, а если не станет Костя доктором, то кто же тогда вырастит, выведет в люди сестренок.

Мавра Ефимовна неутомимо ходила по городу с нижайшими просьбами, написанными красивым Костиным почерком. Только подпись внизу была выведена коряво: Мавра Фрунзе. Мать еле умела писать. Но ученье детей она считала самым главным делом своей жизни.

Косте дали в гимназии пособие на бедность — тридцать рублей — и обещали выдавать стипендию — десять рублей в месяц. Мишу освободили от платы за обучение. Теперь можно было кое-как прожить всей семьей на Костины репетиторские заработки.

А тут еще Мише вдруг повезло — он тоже получил стипендию. Не ждал, не мечтал — как с неба она свалилась. Весной 1899 года вся Россия праздновала столетие со дня рождения Пушкина. Пишпекская городская управа тоже решила почтить память великого поэта и учредила Пушкинскую стипендию, которую должен был получить уроженец Пишпека, обучающийся в Верненской гимназии и достигший наивысших успехов.

Уроженец Пишпека? Наивысшие успехи? В гимназии стипендию отдали ученику третьего класса Михаилу Фрунзе.

Это были первые заработанные им деньги. Заработанные пятерками.

ОТЛИЧНЫЕ УСПЕХИ...

Костя закончил гимназию и поступил на медицинский факультет Казанского университета. Учителя собрали ему на дорогу 122 рубля, но Миша видел, как перед отъездом Костя почти все деньги отдал матери — знал, что ей без него придется трудновато.

Вскоре от Кости пришло письмо: хожу на лекции, жилье нашлось, уроки есть. Уже совсем недалеко был Костин докторский сюртук, медная табличка на дверях.

А в Верном за старшего остался пятнадцатилетний Миша. Надо было всерьез думать о заработке.

После уроков к Мише подошел его одноклассник Сенчиковский, у которого было двойное имя Николай-Сигизмунд. В гимназии его звали Колькой, а дома Сигизмундом.

— Мой отец просит тебя зайти, — сказал Колька-Сигизмунд.

Колькин отец был провизором, владельцем единственной в городе аптеки.

— Не согласитесь ли вы репетировать моего лодыря? — спросил Сенчиковский. — По латыни и всем другим предметам. Жить будете у меня, столоваться вместе с нашей семьей. Не отказывайтесь, молодой человек.

За спиной отца Колька-Сигизмунд корчил рожи: «Соглашайся». Он думал, что Мишка будет снисходительным репетитором. Но ошибся.

Перебравшись к Сенчиковским, новый репетитор в первое же утро поднял приятеля спозаранку с постели, чтобы растолковать алгебру, а на ночь принялся вдалбливать нудную латынь. Но это не мешало им жить дружно. До самого окончания гимназии Михаил прожил у своего одноклассника Кольки-Сигизмунда.

В доме Сенчиковских по вечерам собирались друзья Колькиного отца, польские революционеры, сосланные в Верный за участие в восстании 1863 года *. Они попали сюда, потому что были самыми молодыми и не самыми главными. Руководителям восстания выпала иная доля: смертная казнь, каторга, Сибирь...

Со времени восстания прошло больше тридцати лет. В Верный их привезли юнцами, а теперь они уже старики. Все эти годы надо было как-то жить. И вот у Сенчиковского — аптека, а остальные — кто служит в канцелярии губернатора, кто приказчик в частной конторе.

* Польша тогда входила в состав России. Восстание 1863 года за свободу и независимость Польши было жестоко подавлено царским правительством.

Но когда друзья встречаются у Сенчиковского — им снова всем по двадцать лет, они снова скачут тайными гонцами через всю Польшу, снова сражаются за свободу.

— Ах, если бы во главе наших отрядов встал Ярослав! Тогда бы...

Все жарче становится разговор. Кто-то откидывает крышку пианино. Услышав мелодию давней, но незабытой песни, все встают и начинают петь — сначала почти шепотом, а потом все громче, громче...

— Помни, Сигизмунд! — говорит сыну Сенчиковский.

Колька-Сигизмунд кивает головой. Михаил сидит рядом с ним. Гости Сенчиковского к нему привыкли, а он уже отлично понимает польскую речь.

Когда гости уходят, старый провизор тоскливо обводит глазами комнату. Праздник кончился — снова надо идти взбалтывать микстуры, развешивать порошки... И тут Сенчиковский ловит настойчивый взгляд Михаила.

— Ты о чем-то хотел меня спросить?

— Да. О Ярославе... Кто это?

— О, Ярослав!

Сенчиковский просто счастлив, что может снова говорить о Ярославе Домбровском. Если бы Михаил мог представить себе, что это был за человек! Блестящий офицер, получил на Кавказе орден за храбрость. Да, да, на Кавказе. Ярослав был офицером русской армии. Окончил одним из лучших Академию генерального штаба. Вот кто должен был бы командовать польскими повстанцами. Но незадолго до восстания Домбровского арестовали, посадили в крепость. Потом его должны были судить вместе со всеми, но ему уда-

лось бежать. Ярослав поселился в Париже, а там...

Хрипло бьют стоячие часы, узорчатая стрелка уперлась в цифру «два» на медном циферблате. Старый провизор рассказывает Михаилу о Парижской коммуне. Ярослав Домбровский был генералом коммуны, ее главнокомандующим... Парижане ему сначала не доверяли — зачем поляку сражаться за свободу Франции? Но свобода есть только одна — для всех людей. Ярослав погиб на баррикадах коммуны...

Флегматичный Колька-Сигизмунд уже давно спит, свернувшись в кресле. Михаил расталкивает его, тащит в постель. Он слышит, как в кабинете Сенчиковского звенят склянки — провизор ищет в шкафчике сердечные капли. Без них он сегодня не уснет. Михаилу жаль старика. За год борьбы — десятки лет тусклого прозябания в ссылке... Но разве нельзя было бежать из Верного? Ярослав бежал бы отсюда обязательно, непременно! Ярослав... Русский офицер. Генерал коммуны. Бывает же такая удивительная судьба!

Другой мир, другие интересы, другие увлечения встречали Михаила в доме одноклассника Эраста Пояркова. Отец Эраста Федор Владимирович Поярков — известный ученый, этнограф, путешественник — основал в Верном отделение Русского географического общества. У Поярковых с величайшим уважением произносили имя вице-председателя общества — знаменитого путешественника Семенова, восхищались подвигом исследователей Азии Пржевальского, Козлова. Здесь останавливались проездом географы и естественники, здесь собирались местные любители археологии.

Каждое лето Федор Владимирович уезжал в экспедиции. Он привозил из своих странствий древнюю утварь, украшения, изъеденное ржавчиной оружие. Эраст и Михаил помогали Федору Владимировичу упаковывать его находки и отправлять в Петербург, в географическое общество. Иногда Поярков брал мальчиков с собой на раскопки. Ему был очень по душе горячий интерес Михаила к истории. Эраст — тот больше тянулся к естественным наукам, к физике, математике. Если они выезжали втроем в степь, то уже заранее можно было сказать, что Эраст со своим неизменным сачком, со своими банками и морилками отправится ловить насекомых, змей, ящериц, а доктор Поярков и Михаил поднимутся на курган, и Федор Владимирович будет рассказывать внимательнейшему из слушателей, что за племена кочевали когда-то по этой степи, какие сторожевые посты стояли вот здесь, на курганах, как они сигналили кострами, завидев врагов... А какие только полчища тут не проходили — Чингисхан, Тимур...

В доме Поярковых была отличная библиотека. Михаил по нескольку раз перечитывал классические биографии великих полководцев. Ему нравилась мудрая неторопливость повествования Квинта Курция Руфа — «История Александра Македонского». У Александра Македонского было отлично обученное войско, его пехота имела прочный строй — фалангу... Александр дошел до города Мараканды... Мараканды? Это же нынешний Самарканд. А Бактры? Там сейчас стоит Бухара... Вот бы где побывать!

...Михаил закрыл книгу. В ушах еще звон мечей, скрип боевых колесниц. А на террасе поярковского

дома тишина. За дощатым столом Эраст препарирует очередную ящерицу.

— Эраст! Послушай!

Но Эраст только молча затряс головой — не мешай. Куда пойти теперь Михаилу? Может, к Косте Суконкину?

У Кости собирались самые отчаянные гимназисты. Его отец — отставной солдат — держал небольшую лавочку. Он любил рассказывать, как били турок, как шли пешим порядком через чертову пустыню и как генерал Перовский приказал живьем закопать в песок солдата, который сказал, что нет сил дальше идти... Пока в лавочке немногие посетители слушали рассказы бывалого солдата, в летней кухне заседал «военный совет». Гимназисты готовились провести очередную вылазку, поменять местами городские вывески.

Ночью Михаил вместе со всеми принимал участие в задуманной операции. Вывеску «Трактир» водрузили на дом полицмейстера, трактир обрел изящную, в вензелях и цветочках вывеску модной лавки. Под пересвист городовых гимназисты со всех ног улепетывали к дому Суконкина. Костин отец их никогда не выдавал, он сам выходил к городовым и говорил, что ничего не слышал и не видел, что в доме никого из чужих нет, а если и есть, то все уже давно спят.

У дружной ватаги гимназистов что ни день были новые забавы. Обстрелять из самодельной пращи дом инспектора гимназии. Затеять в степи скачки на необъезженных лошадях. Ходить над пропастью в горах по узкому, шаткому бревнышку.

Во всех забавах один из первых — Михаил Фрунзе. У него широкие плечи, крепкие кулаки, меткий глаз. По утрам он обливается у колодца ледяной водой, его

кровать стоит в саду под яблоней до самых заморозков. А на каникулах он косит траву на горных склонах, управляется с лошадьми. И целыми неделями пропадает на охоте. Бродит по горам, высматривая, где прячется осторожный снежный барс. В камышах на берегу быстрой и мутной реки Или подкарауливает диких кабанов. Кабаны идут на водопой. Их приближение выдает треск, с которым они продираются через камышовые заросли, чавканье прибрежной топи под острыми копытцами. И Михаил сжимает в руках отцовское ружье — промахнуться нельзя, потому что раненый кабан кидается на охотника...

Михаилу нравится испытывать силу, испытывать храбрость. Однажды он и Костя Суконкин взяли ружья, ушли, никому не сказавшись, в горы. Здесь, в зарослях осины, они устроили американскую дуэль — как в недавно прочитанном романе Жюля Верна «Из пушки на Луну». Хорошо еще, что ружья были заряжены только дробью. Несколько дробинок впились в лицо Михаилу. Маленькие шрамы, похожие на следы оспы, остались на всю жизнь.

И еще осталась на всю жизнь в его характере мальчишеская черта — рисковать, испытывать судьбу.

... И ПРИМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Весной, когда в Верном буйно цвели яблоневые сады и весь город будто окутывало белыми облаками, в гимназии проводили торжественный акт вручения наград лучшим ученикам. В зале выстраивали всех гимназистов, впереди, в креслах, усаживали городское начальство и других почетных гостей.

— С наградой первой степени переводится ученик Фрунзе Михаил...

И Михаил шел принимать из рук директора награду — книгу с золотым обрезом, с надписью: «За отличные успехи и примерное поведение».

Наградных книг у него уже набралась целая стопа. Еще бы! Михаил Фрунзе — гордость Верненской мужской гимназии. Первый ученик. Лучший в городе репетитор.

И только инспектор гимназии Павел Герасимович Бенько все подозрительнее приглядывался к ученику Фрунзе.

Инспектор преподавал латынь. И особое удовольствие ему доставляло допекать Костю Суконкина.

— Ну-с, душа моя Тряпичкин, — вызывал он Костю на уроке.— Пожалуйте за двойкой к доске.

Костя багровел. «Душа Тряпичкин» — надо же выискать у Гоголя в «Ревизоре» такую пакость, такое издевательство над Костиной фамилией! Ну да, Суконкин! Не граф, не дворянин! Сын солдата, внук крестьянина...

Но вместо того чтобы выпалить все это в самодовольную физиономию инспектора, Костя покорно поднимался и шел к доске. В лихих проделках он держался храбрецом, а инспектора боялся. Все гимназисты побаивались мелочного и злопамятного инспектора. И молча опускали головы, чтобы не смотреть на Костю Суконкина.

Но однажды Михаил не выдержал:

— У Хлестакова одолжаетесь? — оборвал он забаву инспектора.

Разъяренный Бенько вылетел из класса — к директору. Но неожиданно для инспектора все учителя

приняли сторону гимназиста. Словесник Стратилатов с чувством сказал Михаилу:

— Вы поступили честно.

Стратилатова гимназисты любили. В старших классах он рассказывал о Добролюбове, Чернышевском, которых не было в программе, и даже о молодом Максиме Горьком, чтение книг которого было гимназистам строжайше запрещено.

После истории с Бенько Михаил решил доверить Стратилатову очень большую свою тайну: он показал учителю стихи, которые начал писать с недавних пор.

За ответом Михаил был приглашен к Стратилатову домой. Словесник говорил, дирижируя сложенными очками:

— Ясность слога есть ясность мысли.

Михаил понял, что стихи понравились.

— А вот эти спрячьте. Нет, лучше сожгите. При мне. Если такие стихи попадут к инспектору, вы рискуете вылететь из гимназии, несмотря на все ваши пятерки.

Учитель открыл дверцу круглой печи. Михаил бросил в огонь листок. Там были строки про свободу, про мщенье тиранам.

Пусть горит листок — эти опасные слова все равно живут в памяти Михаила!

Получив одобрение Стратилатова, Михаил решился прочесть стихи на собрании гимназического кружка самообразования. Кружок обычно собирался у Суконкина. Костин отец заговорщически подмигивал проходившим мимо него гимназистам. Он думал, что они затевают очередное озорство. А в летней кухне на этот раз говорились иные речи:

Свобода, свобода! Одно только слово,
Но как оно душу и тело живит!

К Михаилу, с жаром декламировавшему стихи, приглядывался исподлобья молодой человек в синей форменной тужурке — студент из Москвы Владимир Павлович Затинщиков.

Выслушав поздравления товарищей, бурно приветствовавших рождение нового поэта, Михаил подошел к Затинщикову и сказал напрямик:

— А вам стихи не понравились!

Затинщиков пожал плечами — ничего не поделаешь, не понравились. И ждал, что голубоглазый гимназист самолюбиво напыжится, отойдет. А гимназист, смущенно усмехнувшись, сел рядом.

— С кем-нибудь из ссыльных дружите? — спросил Затинщиков.

Михаил кивнул головой.

— С Лебедевым, с Никифоровым. Они высланы сюда за участие в студенческих беспорядках. Потом тут еще террорист один есть, отставной бомбардир. Он у нас давно. Отбывает ссылку за участие в группе «Пролетарий».

— Знаю, — сказал Затинщиков. — Славный старик.

— Офицер, разжалованный в рядовые, служит здесь в горной батарее... Смотритель нашей гимназии Петров тоже из политических...

— Да, — задумчиво протянул Затинщиков. — Чуть ли не вся история российского революционного движения в образе ссыльных из разных партий прошла через ваш город.

Затинщиков все чаще стал приходить на собрания кружка гимназистов, приносил нелегальную литературу — тоненькие книжки, обрезанные у самого

шрифта, чтобы меньше занимали места меж двойных стенок чемоданов или под переплетами дозволенных книг. Пряча за пазухой такую книжку, Михаил представлял себе длинную-длинную цепочку людей, протянувшуюся от Москвы и Петербурга во все уголки России. По этой цепочке — прочной, неразрывной — движутся книжки, движутся листовки, передаются слова правды.

А Затинщиков повторял Михаилу и его товарищам:

— Читайте, больше читайте. Революции не нужны восторженные верхогляды. Предстоит огромная работа, трудная борьба. Вы Лафарга читали? Воспоминания о Марксе? Нет? Плохо! Ведь чуть ли не впервые в России эти воспоминания напечатала газета «Степной край», которую в Верном получают чуть ли не в каждом доме. Как удалось напечатать? В редакции работают все те же ссыльные, сумели протащить... Найдите номера 44 и 45 за 1897 год. Обязательно!

...Газету Михаил решил посмотреть у Поярковых. В домашней библиотеке Федора Владимировича сохранялись аккуратно переплетенные номера «Степного края» за многие годы. Михаил нашел: «Поль Лафарг. Воспоминания о Марксе».

«Мозг его был подобен военному кораблю, стоящему в гавани под парами: он был всегда готов отплыть в любом направлении мышления».

— «...был всегда готов отплыть в любом направлении мышления», — прошептал Михаил.

Рядом, за письменным столом, Федор Владимирович Поярков писал отчет о недавней экспедиции. Он отложил перо, внимательно посмотрел на Михаила.

— Что тебя, Миша, заинтересовало в старой газете?

— Послушайте, какие слова: «Работать для человечества». Просто и мужественно! И дальше... К коммунистическим убеждениям Маркс пришел не путем сентиментальных рассуждений о тяжелой участи рабочего класса, а путем изучения истории и политической экономии. «Всякий беспристрастный ум придет к тому же».

— Твой ум беспристрастен? — шутливо спросил Федор Владимирович, и ему сразу же стало неловко от взятого им снисходительного тона. Ведь Миша Фрунзе уже не мальчик, серьезный юноша. Поярков встал, подошел к книжному шкафу.

— Ты знаешь — я не ввязываюсь в политику. Я ученый. И как ученого меня интересовал когда-то Маркс. Вот, полистай.

Михаил взял в руки тяжелую плотную книгу. «Капитал». Критика политической экономии. Перевод с немецкого. Издано в 1872 году в С.-Петербурге».

«Всякий беспристрастный ум придет к тому же». Какие спокойные, какие уверенные слова!

* *
*

Главным автором кондуита * — гимназической ябедной книги, куда записывались все проступки и наказания, — был, конечно, инспектор Бенько. В поисках очередной жертвы он рыскал по городу с утра до позднего вечера, не гнушался высиживать в засаде.

Однажды он вошел в учительскую со скорбным

---

* Кондуит Верненской гимназии сохранился в архиве до наших дней. И многое, о чем здесь рассказано, взято из кондуита.

лицом, неся брезгливо, кончиками пальцев, испачканный в земле листок.

— Полюбуйтесь, господа, что я нашел на берегу Алмаатинки.

Вместе с другими подошел словесник Михаил Андреевич Стратилатов. Революционная листовка. Синие расплывшиеся буквы. «Обращение Партии Вольных Соколов в городе Верном ко всем гимназистам и гимназисткам. Долой царя! Да здравствует республика!»

Стратилатов пробежал глазами листовку, привычно отметив и грамотность и красоту слога. «Ясность слога есть ясность мысли», — вспомнились ему собственные высокие слова, которые он говорил только самым достойным своим ученикам. И Стратилатов отошел подальше от инспектора, как будто тот мог подслушать фамилии, прозвучавшие в памяти учителя словесности.

Павел Герасимович Бенько поспешил в полицию. Там ему показали еще один листок с синими расплывшимися буквами:

— Отпечатано на гектографе. Вам известно, господин инспектор, как это делается? Ваши воспитанники, очевидно, осведомлены лучше. Кого вы могли бы назвать?

Инспектор никого назвать не смог. Но обещал, что приложит все силы к искоренению крамолы.

Верный был небольшим городом. Новости, особенно тайные, там распространялись быстро. Все уже знали, что в гимназии ищут подпольное революционное сообщество. Верненские телеграфисты передали гимназистам, что полностью им сочувствуют и окажут поддержку. По вечерам под окнами телеграфа слышался хруст веток. Дежурный высовывался в окошко:

— Прокурору опять была телеграмма из Ташкента.

— О чем? — шепотом спрашивали из темноты.

— Шифром переписываются! — с досадой отвечал телеграфист. — Цифры, цифры, а потом вдруг какое-нибудь слово.

— Какое?

— Сегодня, например, Ташкент отстучал: «Произведите 674».

Гимназисты ломали головы: что может быть скрыто за цифрой 674?

А тем временем, опередив полицию и прокуратуру, на верный след напал Бенько. Он узнал, что гимназисты занимались в тайном кружке самообразования, что один из его организаторов — семиклассник Михаил Фрунзе, это он прочел в кружке реферат о Максиме Горьком и закончил свое выступление возмутительными словами: «Пусть сильнее грянет буря!»

Дальше — больше. Бенько удалось разузнать, что на занятиях кружка гимназисты читали нелегальную революционную литературу.

По вечерам в своем домашнем кабинете инспектор сочинял подробный донос по начальству. Но тут он допустил оплошность — забыл запереть на ключ ящик письменного стола. Сын Бенько, гимназист-первоклассник, удивленно посвистывая, прочел папашины записи. Не такое уж счастье быть сыном всеми ненавидимого инспектора. Единственная возможность сохранить дружбу с другими гимназистами — это время от времени предупреждать их о кознях дорогого папаши.

Младший Бенько во весь опор помчался на Алма-атинку. Было уже тепло — май. Костя Суконкин,

сбросив рубашку, загорал на валуне, огромном как слон.

— А я что зна-а-ю! — зазывающе пропел младший Бенько.

— Что же? — лениво поинтересовался Костя. Однако же сел, свесив вниз босые ноги.

Инспекторский сын выложил Косте все, что было написано в папашином доносе. Суконкин проворно скатился с валуна, пожал руку младшему Бенько.

— Ты поступил как благородный человек!

Гордый похвалой самого Кости Суконкина, инспекторский сын припустился обратно. Костя, озабоченно шмыгая носом, натягивал рубашку...

Вечером Павел Герасимович Бенько возвращался из купеческого клуба, где имел обыкновение играть в карты. По случаю выигрыша инспектор был настроен благодушно.

Вдруг из-за темных кустов сирени вышли двое в масках, загородили дорогу.

«Грабители!» — инспектор замер от страха.

— Господа... — Трясущиеся руки уже отстегивали цепочку карманных золотых часов.

— Не трудитесь, — глухим голосом сказал один из грабителей. — Нам часы не нужны.

— Что же вам угодно? — услужливо спросил инспектор.

— Нам угодно, — инспектору этот голос казался все более знакомым, — нам угодно, чтобы сочиненный вами донос не был передан по начальству. Не советуем рисковать жизнью.

— Даю честное, благородное слово, — прошептал

инспектор. Он был до смерти напуган, растерян и потрясен. В одном из «грабителей» он узнал Михаила Фрунзе. Гордость гимназии! Какой позор!

674 по шифру означало обыск.

Ночью полиция нагрянула к трем гимназистам. Одним из трех был Костя Суконкин. Видно, все-таки выследили, что у него часто собирались товарищи. Но обыск ничего не дал. Костин отец привычно отпирался: не знаю, не видел.

Дело о листовках затягивалось.

Павла Герасимовича Бенько терзали сомнения: может, все-таки донести? Он пришел к директору гимназии и осторожно намекнул, что мог бы назвать некоторые имена...

— Но при чем тут воспитанники нашей гимназии? — изумился директор. — Листовки — дело рук приезжих...

Бенько все понял. Пока он следил, подкарауливал, рисковал жизнью в конце концов, директор, пользуясь своими связями, спешил замять историю с листовками. Конечно, не ради того, чтобы выручить замешанных в политическом деле гимназистов. Директор спасал собственную карьеру. По настойчивому совету директора неблагонадежные подали прошения о переводе в другие гимназии.

Костя Суконкин написал уклончиво: «По домашним обстоятельствам прошу уволить меня из гимназии».

— Где собираетесь продолжать образование? — спросил директор.

— Желал бы поступить в Семипалатинскую мужскую гимназию.

— Не возражаю против перевода, — сказал директор, подписывая Костины бумаги.

На ступенях Костю ждал Михаил. У него в руках тоже было прошение. Проходивший мимо Бенько злорадно поинтересовался:

— И вы, Фрунзе, переводитесь? По домашним обстоятельствам?

— Зачем же? — искренне изумился Михаил. — Я с просьбой от матери, чтобы меня отпустили в научную экспедицию.

Экспедицию снаряжало верненское отделение Императорского географического общества. Целью экспедиции было изучить растительный и животный мир Тань-Шаня, до сих пор еще мало известный науке.

— Горными тропами пройдете от Верного к озеру Иссык-Куль, а оттуда спуститесь в Ферганскую долину. Всего примерно три тысячи верст, — говорил Федор Владимирович Поярков, показывая по карте маршрут экспедиции.

Рядом с ним склонились над картой четверо гимназистов: Эраст Поярков, Михаил Фрунзе и еще два их товарища по классу. Четверо гимназистов — это и был весь состав научной экспедиции. Сам Федор Владимирович отправиться с юношами не мог, начальником экспедиции он назначил Эраста.

— Рискованное предприятие, — говорили многие в Верном. — Посылать юношей одних в опаснейшее путешествие по совершенно диким горам... Да и что они сумеют собрать?

Поярков в споры не вступал. Но Михаил слышал, как, перебирая походное снаряжение, Федор Владимирович бурчит себе под нос:

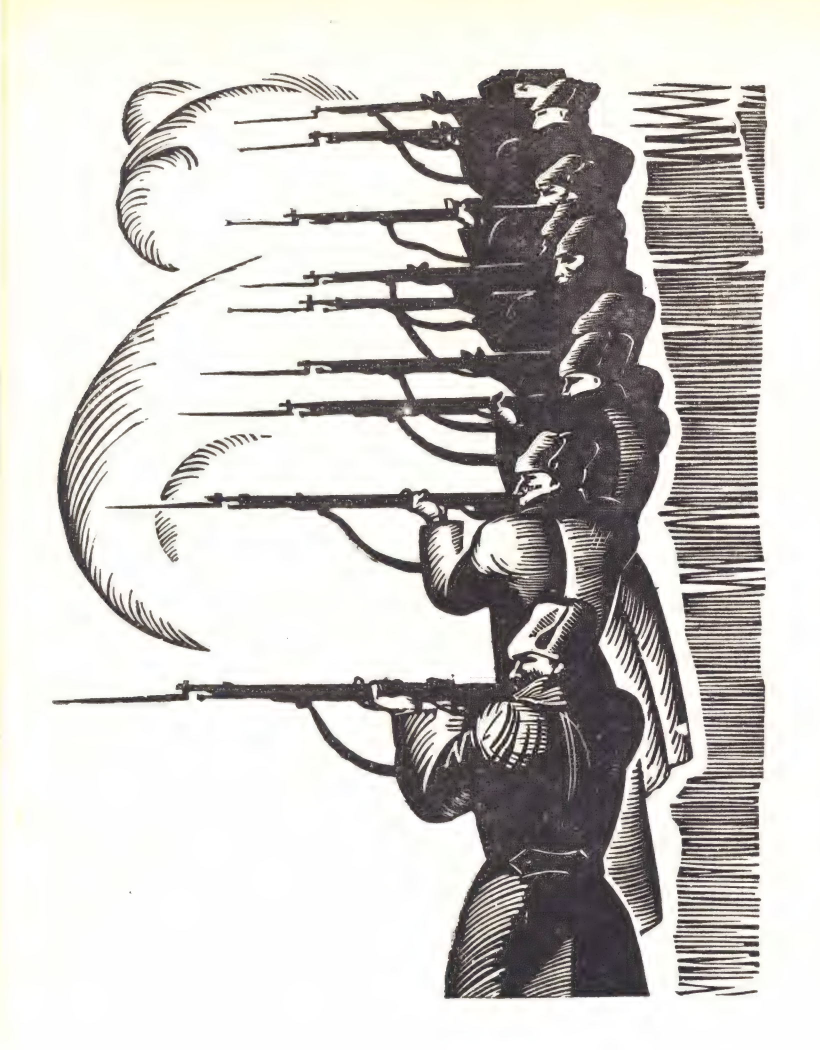
— Сумеют, не сумеют! А откуда прикажете взять у нас в Верном более образованных людей, чем мои гимназисты? И что значит — опаснейшее? Кое-кому опаснее всего сейчас торчать в Верном, на глазах у прокурора...

Опытный путешественник, Федор Владимирович отлично снарядил гимназистов в дальнюю дорогу, дал им и палатки и удобные вьюки. Юноши сами выбрали в табуне лошадей. Собственно, выбирал за всех Михаил. Он понимал толк в лошадях, и табунщик лишь одобрительно крутил головой, вылавливая арканом тех лошадей, на которых указывал Михаил,— малорослых, но выносливых, умеющих легкой поступью, не уронив и камешка, пройти любой горной тропой.

Верхами, ведя в поводу вьючных лошадей, гимназисты поднимались по ущелью. Перед ними открылся альпийский луг — джайляу. Воздух здесь был удивительно прозрачен. Надышавшись им, человек становился веселым и беззаботным. И еще что-то странное было в этом воздухе, потому что все, даже очень далекое,— вершины со снеговыми шапками, темные провалы ущелий, — казалось гораздо ближе, чем было на самом деле.

Посредине джайляу стояла белая юрта бая, а поодаль разбросаны были латаные прокопченные юрты чабанов. Бай вышел навстречу всадникам. Увидев гимназические фуражки с гербами, он принял юношей за важных чиновников. Бай поил путешественников кумысом, кормил жирной бараниной, сам ел и пил за троих, гордо выпячивая грудь, на которой болталась огромная царская медаль.

Потом пришел хмурый джигит, сел перед ними на кошму, скрестив ноги в стоптанных остроносых сапогах, рванул струны домбры и начал петь высоким голосом хвалу хозяину и его гостям. На голос певца подходили чабаны и садились поодаль. Под пронзительное пение бай задремал, клевали носами гимназисты... и вдруг Михаил рассмеялся.

— Ты что? — спросил Эраст сонным голосом.

— А ведь он поет уже не хвалу хозяину, а песнь о герое, который освободит народ! Понимаешь? Освободит! Всюду люди думают об этом...

Утром они снова были в пути. Пересекали вброд ледяные реки, пробирались заснеженными перевалами и через две недели вышли к огромному, как море, озеру Иссык-Куль с синей, теплой водой. А от Иссык-Куля двинулись дальше через горы. Карта безбожно врала, они ее исправляли на ходу. Край был еще мало изучен, только киргизы ходили этими тропами, этими ущельями, только киргизы знали, куда текут эти речки и откуда берут они начало.

След четырех юных исследователей окончательно затерялся в горах. От них не было никаких вестей... Прошло два месяца, прежде чем Федор Владимирович Поярков получил долгожданную телеграмму. Она была составлена с тем лаконизмом, который ярче самых убедительных слов свидетельствовал о финансовом положении экспедиции: «Прибыли Эраст».

Телеграмму они отправили из Андижана. Отсюда уже рукой подать и до Самарканда.

...Небо над Самаркандом было оранжевым. На нем четко вырисовывались силуэты древних мечетей и мавзолеев... Маракенд — крепость, которую штурмо-

вали воины Александра Македонского. Самарканд — столица великого Тимура.

Юноши бродили по городу. Сквозь обвалившийся купол мечети Биби-ханым они увидели первые зеленые звезды. И было уже совсем темно, когда они пришли к мавзолею Тимура Гур-Эмир. Старик в толстом теплом халате, дремавший у входа в Гур-Эмир, пошел впереди них, держа в руках свечу. Он поднес желтый пляшущий язычок пламени к темно-зеленому полированному камню.

— Здесь...

Это была гробница великого полководца. Тимур, великий завоеватель. Льстецы называли его Мечом Справедливости. А он был жесток и недоверчив. Хромой злющий старик. Железный Хромец.

— Пошли, — нетерпеливо потянул его за рукав Эраст.

— Еще немного, — попросил Михаил. Он осторожно прикоснулся к холодной каменной плите... Великий завоеватель вселенной! В юности Тимур был рабом. Он охромел не в битве — в рабстве. И при каждом его неровном шаге гремела тяжелая цепь на ногах. Хромой раб! Как он, наверное, мечтал о свободе. А добыв ее — обращал в рабство целые народы... Железный Хромец. Как точны имена, которые дает история...

В Верный они вернулись как раз к началу занятий в гимназии. Оставался последний выпускной класс.

Первая же разведка принесла самые утешительные сведения. 20 августа заседал педагогический совет. По настоянию директора в книгу протоколов совета было записано: «Вредного направления мысли среди

учащихся в старших классах не замечалось, не встречалось также случаев прямого нападения учащихся на лиц педагогического персонала».

Верный чествовал четырех гимназистов как героев. Юношей наперебой приглашали во все дома. Гимназистки ахали, слушая их рассказы про то, как одолевали шестнадцать перевалов — из них девять снеговых, как охотились на волков, на горных козлов и были не раз на волосок от гибели.

— Помнишь, Эраст, — небрежно начинал Михаил, — в тот вечер на перевале Тодор...

— Ну как же,— подхватывал Эраст.— Моя лошадь поскользнулась, и я чуть не сорвался в пропасть...

Скоро им надоело рассказывать о своих приключениях. Они оставили все почести, все восторги гимназисток двум своим спутникам, а сами засели за разбор коллекций. Михаил привез из экспедиции тысячу двести листов гербария. Эрастовых жуков они ловили вчетвером, а с травами Михаил возился один, и теперь самому было удивительно, как он успел столько собрать.

Собранные юношами коллекции Федор Владимирович отправил в Петербург. Вскоре оттуда гимназисту 8-го класса Михаилу Фрунзе пришло очень лестное письмо: коллекция признана весьма ценной и включена в ботанический фонд университета и академии. Михаилу Фрунзе настоятельно советовали в дальнейшем посвятить себя естественным наукам, к которым он проявил столь незаурядные способности...

В 1904 году он закончил гимназию. С золотой медалью. С примечанием в аттестате об особых успехах в науках историко-филологических.

— Вижу вас в будущем блестящим литератором! — напутствовал Михаила учитель словесности Стратилатов.

— У тебя, Миша, способности к естественным наукам, — напоминал Федор Владимирович Поярков.

Старший брат Костя, заканчивавший в Казани медицинский факультет, ждал, что и Михаил посвятит себя медицине.

И мать хотела, чтобы он стал доктором.

Решение Михаила было для всех неожиданным. Он поступил в Петербургский политехнический институт на экономический факультет.

ОТДАЮ СЕБЯ РЕВОЛЮЦИИ...

(Три письма Михаила Фрунзе из Петербурга)

Первое письмо — в Казань, брату.

Ты спрашиваешь, почему на экономическое отделение? Милый Костя, экономика — это основа всего. Мы будем с тобой лечить больного, а через год или через месяц он погибнет от голода, от грязи, от холода в своем убогом жилье! Лечить надо глубже — изменить всю жизнь, чтобы не было бедности и лишений, ни у кого, никогда... Я не ищу в жизни легкого. Я не хочу сказать себе на склоне лет: «Вот и прожита моя жизнь, а к чему? Что стало лучше в мире в результате моей жизни? Ничего? Или почти ничего?»

...Нет, глубоко познать законы, управляющие ходом истории, окунуться с головой в действительность, слиться с самым передовым классом современного общества — с рабочим классом, жить его мыслями и надеждами, его борьбой и в корне переделать все — такова цель моей жизни...

Второе письмо — в Семипалатинск, Косте Суконкину.

$$19\frac{15}{XI}04 \text{ г.}$$

Извини, Костя, что я долго не отвечал тебе. Но ты не поверишь, что у меня положительно нет времени писать письма; сейчас у нас идет сильное брожение, да не только у нас, но и во всех слоях общества; в печати теперь пишут так, как никогда не писали; везде предъявляются к правительству требования конституции, отмены самодержавия; движение очень сильно. Не нынче, так завтра конституция будет дана; не дадут в этом году, дадут в следующем. 6 ноября в Петербурге было назначено заседание представителей от всех земств; это заседание, хотя и не было разрешено правительством, все-таки состоялось и выработало программу, исполнения которой потребует у правительства. Между прочим § 1 этой программы заключает требование созыва учредительного собрания для выработки им конституции. Сейчас среди студенчества и рабочих, а также среди частных лиц идут приготовления к грандиозной манифестации; ряд частичных демонстраций уже был как у нас в Питере, так и в других городах, но это только не что иное, как прелюдия к самому главному, которое имеет быть в начале декабря.

Вчера был устроен вечер в здании Инст., была масса народу, профессоров, студентов, курсисток и вообще всякой публики; после вечера собралась сходка, на которой присутствовало свыше 2 тысяч человек. В этой сходке было решено вверить руководительство главному комитету социал-демократ. партии. От него в нужный момент и пойдут приказания. Я принялся за устройство Семиреченского землячества, дело идет на лад. Через неделю у нас соберутся все верненцы, которые только находятся в Питере, курсистки и студенты. Тогда окончательно обсудим и вырешим все. В это землячество должны вступить не одни петербуржцы, но и вообще все верненцы, находящиеся во всех универс. России, так что землячество обещает быть грандиозным. Сейчас написал письма в Москву, Одессу и

Казань, чтобы узнать отношение тамошних наших студентов к этому вопросу, думаю, что их отношение будет безусловно благоприятно. Землячество первой целью будет иметь взаимную поддержку, для чего будет образована касса взаимопомощи; эта цель самая главная, но, конечно, не она одна имеется в виду...

...О Кольке нет ни слуху, ни духу, что с ним и где он Бог знает. У меня в окт. был сам Поярков, он уехал на Дальний Восток. Эраста я почти не вижу. Ну, до свидания. Пиши чаще, не обижайся, если иногда не получишь ответа, сам видишь, что я занят.

Т. д. М.

(Подпись замазана чернилами)

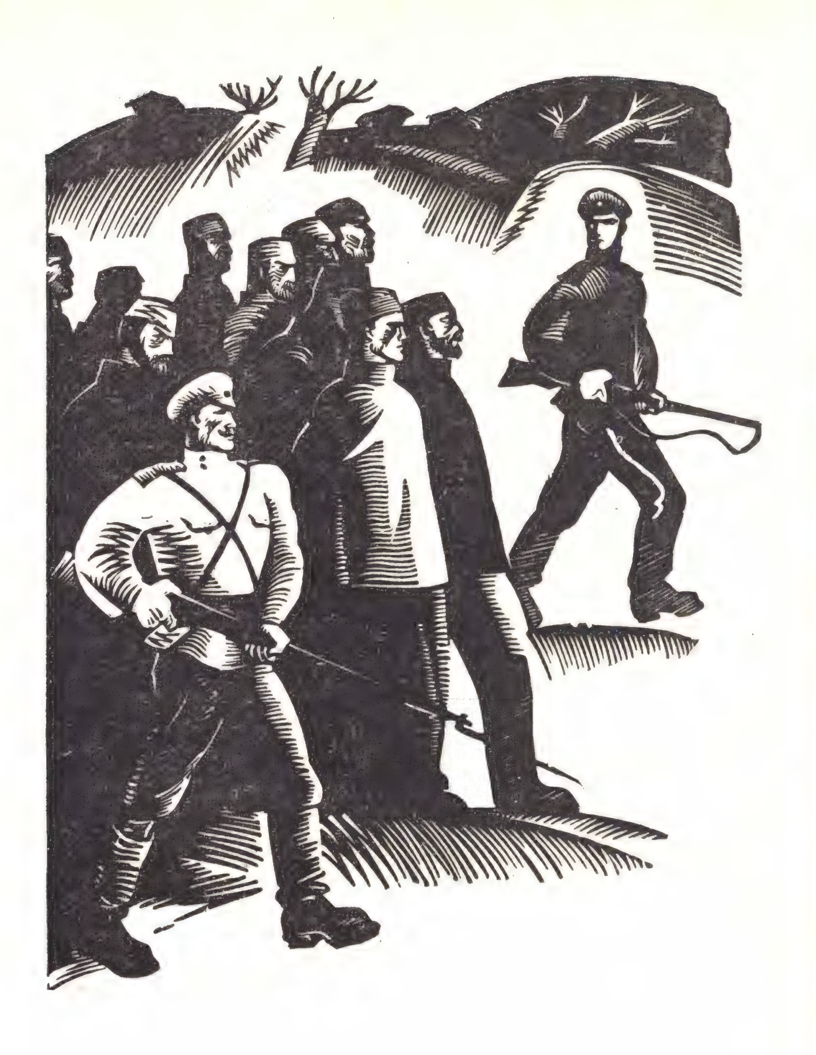
Подпись, старательно замазанная чернилами, — это конспирация, пока еще не очень умелая. Михаил Фрунзе с недавних пор причастен к подпольной работе — он ведет занятия в рабочем кружке на Выборгской стороне.

Третье письмо — в Верный, матери.

Он написал эти строки после 9 января 1905 года, после Кровавого воскресенья. Он был в тот день у Зимнего дворца, видел расстрел мирного шествия, сам был ранен в руку.

Еще накануне Михаилу Фрунзе казалось, что он недостаточно подготовлен для революционной работы. Но теперь... Осталось только одно.

Милая мама, у тебя есть сын Костя, есть и дочери. Надеюсь, что они тебя не оставят, позаботятся о тебе в трудную минуту, а на мне ты, пожалуй, должна поставить крест... Потоки крови, пролитые 9 января, требуют расплаты. Жребий брошен, рубикон перейден, дорога определилась. Отдаю всего себя революции...

БОРЬБА

СТАЧКА

Ткачу Федору Афанасьевичу Афанасьеву еще не было пятидесяти, но выглядел он гораздо старше. Изможденный, сгорбленный, он ходил, тяжело опираясь на клюку, выставив вперед седую клочковатую бороду. Носил очки в простой железной оправе. Дужки очков были поломаны и обмотаны суровой ниткой.

Отец — такая партийная кличка была у Федора Афанасьева. На какой бы фабрике ни появлялся Отец, там возникал подпольный кружок, там рабочие читали революционные брошюры, листовки, а потом вся фабрика бурно поднималась против хозяев, против царских порядков.

Федор Афанасьев был участником первой русской маевки в Петербурге. Из Петербурга его выслали. Афанасьев поселился сначала в Шуе, потом перебрался в Иваново-Вознесенск.

В Иваново-Вознесенске, в окрестных городах и поселках ткали на всю страну ситец и другие ткани из хлопка. Нигде в России не платили так мало за работу, нигде так жестоко не измывались над людьми, как на иваново-вознесенских фабриках.

А вокруг этих фабрик разрастался город — угрюмый, грязный, разрезанный пополам зловонной речкой Уводью, по которой текли краски из красилен и прочие отходы текстильного производства. В центре города стояли богатые особняки с лепными фасадами, с зеркальными окнами. А окраины были похожи на нищие

деревни, которые приползли сюда со всей округи и прилепились к городу. Звались окраины тоскливо: Ямы, Рылиха, Завертяиха. Здесь жили по десять человек в маленькой комнатушке, спали на полу, а тюфяк, набитый соломой, служил двоим: один работал в дневную смену, другой — в ночную.

И было таких обездоленных людей в Иваново-Вознесенске, в окрестных городках и поселках — десятки тысяч.

Федор Афанасьевич знал, что настанет час и кончится терпение иваново-вознесенских ткачей, они поднимутся против хозяев. Этого часа он ждал.

Пришел 1905 год. После расстрела рабочих у Зимнего по всей России вспыхнули забастовки. Старый бунтарь Федор Афанасьевич примечал, что иваново-вознесенские ткачи стали вести себя с хозяевами смелее, дерзче, увереннее.

Так всегда бывало накануне стачек.

...Ночью раздался условный стук в окно дома, где жил Отец. Он неторопливо прошаркал темными сенями, открыл дверь. Поздний гость прошел в комнату. Отец зажег керосиновую лампу и увидел, что гость совсем молодой, веселый и круглолицый, в студенческой тужурке со светлыми пуговицами.

— Здравствуйте, Отец, — сказал он. — Я — Трифоныч. Привез литературу, немного оружия.

— Это хорошо, — неопределенно протянул Отец. Он ждал приезда Трифоныча и думал, что из Москвы пришлют опытного борца, а увидел зеленого новичка. Понимает ли юноша, какая тут предстоит работа? Указывая глазами на студенческую тужурку, старый ткач проворчал: — Неосторожно. У нас не столица, все здешние студенты наперечет. Вас сразу приметят.

— А у меня больше нечего надеть, — признался гость.

— Пиджак вам добудем, сапоги, картуз. Это можно, — сказал Отец. — Да вы надолго ли к нам?

Он спрашивал, как спрашивают случайно заехавшего гостя.

— Насовсем! — сказал Трифоныч.

— Вы не обижайтесь, — строго продолжал Отец. — У нас молодые интеллигенты подолгу не уживаются. Наши ткачи народ малограмотный. Вам известно, к примеру, что значит «поликан»?

— Нет.

— Вот вы «поликан». И я тоже. Потому что политикой занимаемся. Некоторые еще и «поликарпами» зовут.

— А пусть называют, как получается, — ответил студент. — Тут скоро такие дела пойдут, что все этому слову научатся...

Ответ Афанасьеву пришелся по душе. «Видно, не прост. Совсем молодой, а имя себе придумал стариковское», — думал Афанасьев.

Под партийной кличкой Трифоныч в Иваново-Вознесенск приехал Михаил Фрунзе. Но настоящего его имени в те годы почти никто из ивановознесенцев не знал.

Здесь — Трифоныч. А в Петербурге, в Политехническом институте, по-прежнему числится и даже появляется два раза в год, чтобы сдать экзамены, студент Михаил Фрунзе. Отличная конспирация! Ну кто может догадаться, что это один и тот же человек!

Уважая правила конспирации, будем и мы в этой

книге называть того, кто приехал в Иваново-Вознесенск, Трифонычем. А имя Михаила Фрунзе пусть на время исчезнет со страниц.

В старом пиджаке с чужого плеча, в картузе с лаковым козырьком Трифоныч походил на фабричного парня. Беспрепятственно пропускали его стражи фабричных ворот. Как свой бывал он в тесных рабочих казармах. Жилья постоянного у Трифоныча не было. Зато и в Рылихе и в Ямах встречали его как желанного гостя в любом доме.

Близился день, назначенный партийным комитетом для всеобщей стачки иваново-вознесенских ткачей. 9 мая 1905 года в лесу собрались представители всех фабрик. Решили: 12 мая останавливаем фабрики!

В этот день Трифоныч привычно поднялся по гудку.

По кривым улочкам, как и каждое утро, стекался к фабрикам народ. Трифоныч пошел со всеми, присматриваясь к радостным, возбужденным лицам, прислушиваясь к разговорам.

У ворот самой большой в городе фабрики Бакулина охранники покрикивали: «Проходи! Проходи!»

Трифоныч прошел вместе со всеми. Застучали, загрохотали было станки, но, перекрывая шум станков, раздался призыв:

— Кончай работу!

И сразу все смолкло, стихло. Будто только и ждали этого сигнала. Из красных кирпичных корпусов выбегали во двор рабочие. У фабричных ворот появились двое полицейских, они пытались закрыть, запереть ворота, но толпа ткачей смела их и двинулась по улице, к центру города. В толпу вливались рабочие с других фабрик. Разрастаясь и набираясь сил,

лавина забастовщиков двигалась по городу, заполняла главную площадь.

Трифоныч, взбудораженный, счастливый, пробирался через толпу к столу, вытащенному на середину площади и ставшему трибуной. Там уже был Отец. С трибуны читали список требований хозяевам фабрик. И каждое требование площадь подтверждала криками одобрения.

Восьмичасовой рабочий день... Правильно!

Отмена ночных работ... Правильно!

Долой все штрафы... Верно! Долой!

Повысить заработки... Правильно!

— Все фабрики забастовали, — услышал Трифоныч. — Все до единой.

Одним прыжком вскочил он на стол, служивший трибуной.

— Товарищи!

В его молодом взволнованном лице, в высоком, срывающемся голосе, в резком взмахе будто рубящей воздух крепкой ладони людям открылись и решимость, и сила, и вера в победу.

— Товарищи! Семьдесят тысяч ткачей — огромная сила. Не дадим раздробить ее на части! Ни на одной фабрике рабочие не должны договариваться со своим хозяином. Наша сила в единстве! За нами пойдут рабочие других городов России. Да здравствует всероссийская стачка!

Это было первое его выступление на таком огромном митинге. И стачка, которая вошла потом в историю России, была его первой стачкой. Все, все было впервые! И как счастлив был он, что выбрал такой путь. Как верил, что победа революции уже совсем, совсем близко...

Пусто и тихо было на фабриках. Не дымили над Иваново-Вознесенском фабричные трубы. А ткачи, одетые по-праздничному, с утра уходили за город — туда, где тихая речка Талка, изгибаясь, обмывала лесистый полуостров.

Здесь каждый день шли митинги. Выступали агитаторы. Слово «политика» стало вдруг понятным тысячам людей. Забастовщики начали с требований сократить рабочий день, а теперь уже заговорили о том, что надо изменить порядки во всей России — свергнуть царя, поставить у власти свое рабочее правительство.

В полиции не сомневались, что кто-то очень опытный руководит ткачами. Но кто именно — установить не могли. Отца ткачи нарочно не выбрали в Совет уполномоченных, чтобы его не заприметили шпики. Но без Отца не проходило ни одно заседание Совета. И всегда вместе с ним был Трифоныч.

Иваново-Вознесенский Совет управлял городом, как настоящее правительство — первое в России рабочее правительство, первая Советская власть. Заботился о хлебе для семей рабочих. Для охраны порядка организовал боевую дружину. Дружинники носили одинаковые рубашки из черного ластика и широкие кожаные пояса, на которых висели револьверы в самодельных кобурах.

Устав боевой дружины взялся писать Трифоныч. «Боевая дружина формируется прежде всего для того, чтобы служить ядром для будущей революционной армии восставшего народа...»

— Эко ты хватил! -- изумился дружинник Степа Каширин, парень с широким добродушным лицом, беловолосый и белобровый.

— Какая ж мы с тобой армия? — посмеиваясь, продолжал Степа. — У армии пушки, генералы и разное там прочее... А мы?

Степа оглянулся на парней, обступивших его и Трифоныча. Те навострили уши: ну-ка, что скажет Трифоныч.

— Вот именно, — отвечал тот Степе. — Эти самые генералы с пушками добром рабочему классу власть не отдадут. За нее воевать придется. Слыхал такие слова: «вооруженное восстание»? Как же рабочему классу восставать без своей-то армии?

Трифоныч всерьез взялся обучать дружинников. В лесу устроили стрельбище. Трифоныч с двадцати шагов попадал из револьвера в самое «яблочко».

— Метко! — восхищался Степа.

— Куда там метко! — отвечал Трифоныч. — Револьверы у нас дрянные. Только жуликов пугать.

А после Степиных выстрелов мишень, как правило, бывала целехонька.

— Твои пули теперь по лесу как ягоду собирать! — смеялись дружинники.

Однажды на стрельбище Степа отозвал Трифоныча в сторону.

— Меня сегодня один мордатый спрашивал, где найти Трифоныча.

— А ты что ответил?

— Я спросил: «Какой он из себя? С бородой?» Мордатый обрадовался: «Вот, вот, с бородой». Я сказал: «Видел — бородища рыжая. А где живет — не знаю».

Трифоныч рассмеялся: молодец, ловко ответил.

Это был первый сигнал, что им интересуется полиция. Но, судя по всему, полиции, кроме имени, ни-

чего не известно. А под именем Трифоныча, конечно, разыскивают кого-нибудь постарше. Недаром шпик сразу клюнул на «рыжую бородищу».

Дружинники Трифоныча теперь постоянно несли охрану на Талке. Положение становилось все тревожнее. В Иваново-Вознесенск прибыли казаки.

Солнечным июньским утром на Талке, как всегда, было людно. Сюда уже привыкли идти как на праздник. Брали с собой детей — пусть играют в сторонке. Приносили баяны, балалайки, чтобы попеть, потанцевать.

Ясное было утро. Столбы солнечного света стояли в лесной чаще. А на берегу Талки мальчишки с крутого берега бросались в утреннюю ледяную воду.

— Казаки! — крикнул дружинник, стоявший в дозоре.

Все кинулись в глубь леса. Думали, что казаки скачут дорогой, ведущей из города. А они еще с ночи прятались в лесу. Казаки хлестали людей нагайками, били шашками, топтали копытами коней. Старались выгнать всех на широкую открытую дорогу — там уже никто не спрячется и не скроется.

Дружинники отстреливались. Но старенькими револьверами не остановишь конницу! Единственное, что смогли дружинники Трифоныча, — это пробиться с частью рабочих из казачьего кольца.

Все труднее приходилось иваново-вознесенским ткачам. Хозяева торговались, не шли на уступки. Город начал голодать. Совет был вынужден принять ре-

шение — 1 июля всем выходить на работу. Уступки, добытые у хозяев фабрик, были не очень значительными: сократили штрафы, немного повысили заработки...

Ткачи притихли, но не смирились. Хозяева фабрик держались осторожно — понимали, что малейшая несправедливость может вновь раздуть огонь — вовсе не погасший, лишь подернутый пеплом.

Беспокойно было во всей России. Бастовал рабочий Петербург. Поднимались на борьбу крестьяне. Начались волнения в армии, во флоте. И в октябре 1905 года испуганный царь издал манифест — обещал свободу слова, печати, собраний, неприкосновенность личности.

— Дождались! — радостно воскликнул Отец, прочитав царский манифест.

Иваново-Вознесенск праздновал свободу. Люди обнимались, поздравляли друг друга. Все громче раздавались голоса:

— К тюрьме! Освободим политических!

Демонстранты с красными флагами двинулись к тюрьме. Впереди шел Отец, рядом с ним Трифоныч. День был по-осеннему серый. Моросил мелкий колючий дождь.

На берегу Талки демонстрацию встретила орава молодцов с портретом царя в золоченой раме. Этих молодцов рабочие называли «черной сотней».

«Черная сотня» загородила дорогу. Поодаль торчали казаки на конях.

Отец обернулся к товарищам, раскинул руки, чтобы остановить демонстрантов.

— Я с ними поговорю. Ведь теперь свобода! Они поймут.— И сгорбленный старик с выбивающимися

из-под картуза седыми волосами, опираясь на свой неизменный костыль, пошел к молодцам из «черной сотни».

Не дав Отцу даже слова сказать, они накинулись на него, сбили с ног... Это было сигналом к расправе. «Черная сотня» и казаки напали на демонстрантов. Десятки людей остались лежать на сырой осенней земле.

Трифоныча товарищи увели силой.

— Никогда, никогда не прощу себе, что не уберег Отца! — повторял он.

Старого ткача похоронили на Талке, обернув голову красным знаменем. Прискакали казаки и разорили могилу. «Черная сотня» хозяйничала в городе. Врывались в дома, избивали всех, кто был известен еще со времени стачки.

Партийный комитет решил, что самым заметным вожакам надо немедленно скрыться. Но Трифоныч наотрез отказался уезжать. Не мог он отступиться от того, что обещал Отцу в первый день встречи. «Насовсем!» Это слово было теперь как клятва, которую дают, принимая знамя от скошенного пулей товарища.

В лесу за городом Трифоныч собрал дружинников.

— Хотите из окошечка смотреть, как избивают и убивают ваших товарищей? Тогда сдайте револьверы!

— Не для того брали,— обиделся Степа Каширин.

В город дружинники пошли группами, держась плотно, плечом к плечу. По улицам валялись черепки посуды, летел пух. Но молодцов из «черной сотни» как ветром сдуло. Храбры были против безоружных, а дружинников испугались.

* * *

Иваново-Вознесенск жил как в осаде. Только враг был не за стенами, а хозяйничал внутри города. По улицам разъезжали казачьи патрули, шагала пехота с полной боевой выкладкой.

Однажды Трифоныч возвращался ночью с конспиративного собрания. На пустынной дороге его задержал разъезд казаков. Обыскивали тогда всех подряд. И у Трифоныча тоже вывернули карманы. Нашли прокламации, шифрованное письмо.

Старший разъезда приказал молодому казаку:

— Доставишь в полицию.

Казак накинул на шею Трифонычу аркан:

— Теперь не убежишь.

Сначала казак ехал шагом, а потом, лихо свистнув, пустил коня вскачь. Трифоныч бежал за конем, обеими руками растягивая петлю, чтобы не задушила. На ухабе споткнулся, упал, и аркан поволок его по заледеневшей дорожной грязи.

Очнулся Трифоныч в участке. Полицейский и казак отливали его водой. Увидев, что арестованный поднял голову, один схватил нагайку, другой полено. Под их ударами Трифоныч опять потерял сознание.

Утром полицейский следователь допрашивал его, делая вид, что не замечает синяков и кровоподтеков.

— Имя? Звание?

Трифоныч ответил:

— Фрунзе, студент Петербургского политехнического института. Я арестован незаконно! Заявляю протест!

Дело показалось следователю мелким и неприятным. В участке явно перестарались. История с избие-

шпем студента может угодить в газеты — и тогда попадет от начальства. Конечно, у студента нашли в карманах прокламации и шифрованное письмо. Но он мелкая пташка. А сейчас надо искать Трифоныча.

— Что же это вы, молодой человек... Заводите опасные знакомства... — снисходительно допытывался следователь. — С Трифонычем давно виделись?

Арестованный раздраженно пожал плечами. Если бы он сделал удивленное лицо, если бы спросил: «Кто такой Трифоныч?», была бы у следователя зацепка: «Что-то этот юнец знает!» А тут ничего.

— Вот что... — тянул следователь. — Из сочувствия к вашей молодости советовал бы немедленно покинуть Иваново-Вознесенск.

— Я и так здесь проездом, — отрывисто отвечал студент.

Огромных усилий стоил Михаилу этот разговор со следователем. Хотелось кричать, драться, стрелять в этих негодяев. А надо было быть спокойным. «Надо! Надо!» — повторял он себе.

— Чтобы через двадцать четыре часа вас не было в городе.

— Вызовите извозчика, вы же видите, мне вывернули ногу, я не могу идти...

Он с трудом доковылял до извозчика. Сначала к врачу. Тот осмотрел, сказал сочувственно:

— Повреждена коленная чашечка... Заживет ли? Не совсем. При быстрой ходьбе нога будет подворачиваться.

Хромота... Лишняя примета ни к чему подпольщику!

Он поехал на вокзал. Билет до Казани, как и при-

казано господином следователем. Вон тот, с липкими глазами, что тащится за Михаилом от самого участка, сейчас проводит поезд и побежит докладывать господину следователю, что студент Фрунзе отбыл в Казань... Пусть докладывает!

Шпик и в самом деле доложил следователю, что приказание исполнено. А следователь, как полагалось, отправил в казанскую полицию бумагу: «Сообщите, прибыл ли высланный из Иваново-Вознесенска студент Фрунзе».

«Фрунзе не обнаружен», — пришел из Казани ответ.

Следователь понял, что его одурачили. Но так и не догадался, что упустил самого Трифоныча. Просто постарался скрыть от начальства свой мелкий промах и засунул «Дело о студенте Фрунзе» подальше. Найдено оно было только после революции.

...А студент Фрунзе вскоре вернулся в Иваново-Вознесенск.

БАРРИКАДЫ

Декабрьской ночью из Иваново-Вознесенска в Москву на всех парах летел необычный состав — паровоз и два вагона. Не было на всем пути ни встречных, ни попутных составов. Дорога бастовала. Один этот поезд мчался с притушенными огнями, не замедляя хода перед станциями, не подавая гудков. И стрелочники, угадывая, куда он держит путь, без приказов начальства переводили стрелки на Москву...

В Москве восставшие рабочие сражались на баррикадах с царскими войсками. Им на подмогу и спешила из Иваново-Вознесенска боевая дружина. Вагоны на ходу бешено качало. Дружинники слушали рассказ гонца, который был послан за ними военно-боевым штабом рабочей Пресни:

— Первую баррикаду сложили у старых Триумфальных ворот. Драгуны ее разбили, нас оттеснили. А ночью дружинники с фабрики Прохорова забаррикадировали Большую Никитскую... По всей Москве сейчас баррикад не счесть, может, тысяча, а то и больше...

Тысяча баррикад!

Михаилу казалось, что поезд идет слишком медленно. Там, в Москве, началась революция! Наконец-то осуществляется его мечта... Он уже видел Москву городом-коммуной. Видел, как присоединяются к ней другие рабочие города. Видел площадь перед Зимним дворцом — на эту площадь, теми же улицами, какими шло мирное, расстрелянное царем шествие рабочих, вступают вооруженные отряды. Революционная армия восставшего народа штурмует царский дворец!..

Он был убежден, что царскому строю остались считанные дни...

До самой Москвы поезд с иваново-вознесенскими дружинниками не дошел: неизвестно было, в чьих руках Ярославский вокзал. Высадились утром на пригородной станции и двинулись строем по шоссе.

— Бухает... — удивленно пробасил Степа Каширин.

— Бухает... — передразнил его старый ткач. — Пушки это бьют...

— А... — сказал Степа. Михаил оглянулся на него. Совсем еще мальчишка этот Степа. Выпростал из-под

шапки ухо и прислушивается. И никаких у него тревог — пушки так пушки...

Стали слышны беспорядочные ружейные выстрелы. На одной из окраинных улочек ивановознесенцы увидели баррикаду: столбы, бочки, кусок литой чугунной ограды, ворота, снятые с петель. На высоком шесте — красное полотнище.

Горел костер, около него грелись рабочие, перепоясанные ремнями поверх зимних курток, несколько студентов, подростки.

— Миша? Откуда?

К нему подбежал человек в зимнем пальто, в меховой шапке пирожком, в пенсне на черном шнурке.

— Владимир Павлович!

Это был Затинщиков. Тот самый, что приезжал в Верный, бывал на собраниях гимназистов.

— Владимир Павлович! Как я счастлив, что мы встретились здесь, на баррикаде...

— Вы останетесь здесь?

— Нет, нас ждут на Пресне.

Иваново-вознесенские дружинники пробирались узким проходом, оставленным меж баррикадой и стеной дома. Вся стена была оклеена листовками.

«Не вступайте в открытый бой, — читал на ходу Михаил. — При встрече с сильным противником обстреливайте его и скрывайтесь...»

Рядом с листовками был прилеплен к стене номер «Известий Московского Совета»: «...не действуйте толпой, не занимайте укрепленных мест, пусть нашими крепостями будут проходные дворы...»

Всё о том, как обороняться.

А как наступать?

Они миновали еще одну баррикаду... Еще одну...

Гонец Пресненского военно-боевого штаба вел отряд запутанными проходными дворами с входами и выходами во все стороны. Михаил настороженно оглядывал лабиринты из сараев и покосившихся флигелей. Крепости? Ну, нет. Скорее похоже на лесную чащу — то ли ты зверя подстерегаешь, то ли он тебя.

Чем ближе к Пресне, тем слышнее была стрельба.

— Будто ситец рвут, — прислушался Степа Каширин.

Это с чердака углового дома бил пулемет.

— Надо бы к нему с тыла подобраться, — сказал Михаил гонцу. — Вы эти места знаете?

— А то! — ухмыльнулся гонец. — Каждая крыша знакома. И голубей здесь гонял и снег сбрасывать нанимался.

— Вот именно! — обрадовался Михаил. — Крыши нам как раз и понадобятся.

Гонец вывел Михаила и нескольких дружинников на крышу, напротив того дома, где из узкого чердачного оконца высовывался пулемет. Михаил прикинул глазом расстояние, взвесил в ладони самодельную гранату. А ну, как они с Костей Сухонкиным камнями умели швыряться? Граната угодила точнехонько в оконце. Ухнула, свистнула осколками. Сквозь щели в крыше полез змейками дым...

С захваченным пулеметом явился отряд в Пресненский военно-боевой штаб.

— Ивановознесенцы пришли! Ивановознесенцы!

Ликование было такое, словно вся рабочая Россия сюда пришла. Надеялись на Пресне, что за ивановознесенцами явятся на подмогу и боевые дружины

других городов. Тогда можно будет ударить по царским войскам. Но больше на Пресню никто не пришел. И не было вестей, что началось вооруженное восстание в других городах. И оборвалась связь с другими рабочими районами Москвы. А потом горстки дружинников, пробившиеся оттуда, принесли печальные вести: рабочие заставы уже захвачены царскими войсками.

Пресня осталась одна.

Пушки обстреливали ее с трех сторон. Снаряды рвались на улицах. На подмогу боевым дружинам вышла вся рабочая Пресня. Женщины пробирались на баррикады, приносили еду. Мальчишки сражались рядом со взрослыми.

Михаил понимал — скоро конец. И еще крепче сжимал в руках взятую в бою солдатскую винтовку — настоящую, трехлинейную, не какой-то там револьвер.

У Ваганьковского моста дружинники Пресни пошли в контратаку, отбили у солдат пушку. Развернуть ее в противоположную сторону было делом одной минуты. Но тут оказалось, что никто не умеет ни заряжать пушку, ни стрелять...

— Ивановововознесенцы, может, среди вас есть артиллерист?

— Нет у нас артиллериста, — с горечью ответил Михаил. Теперь он знал: не готова была его дружина к битвам революции.

...В военно-боевом штабе писал последний приказ командир пресненских дружинников Литвин-Седой.

«Пресня окопалась. Ей одной выпало на долю еще стоять лицом к врагу... Это единственный уголок на всем земном шаре, где царствует рабочий класс, где

свободно и звонко рождаются под красными знаменами песни труда и свободы...»

Он потер лоб ладонью и продолжал писать, выговаривая вслух каждое слово:

«Мы начали. Мы кончаем. В субботу ночью разобрать баррикады и всем разойтись далеко... начальники дружин укажут, где прятать оружие.

Мы непобедимы! Да здравствует борьба и победа рабочих!»

Приказ унесли, чтобы размножить на гектографе.

В штаб собрались командиры дружин. Пришел и Михаил.

— Фугасы в баррикаду заложены? — отдавал последние распоряжения Литвин-Седой. — Не торопитесь взрывать. Пусть враги подойдут поближе... Баррикада должна взлететь вместе с ними... А потом уходить, уходить... Винтовки отдайте спрятать товарищам из прохоровской дружины. Прохоровцы, выведите ивановознесенцев. А потом рассыпьтесь поодиночке, товарищи. Не спешите на вокзалы, там будет облава...

Михаил одним из последних уходил с Пресни.

Нет больше у него дружины. Той, что должна была стать ядром будущей революционной армии восставшего народа. Он уходил с Пресни проходными дворами, которые так и не стали крепостями. Да и зачем восставшему народу крепости? Они для осажденных. Народ будет штурмовать крепости, тогда он победит. Оборонительная тактика еще никого не приводила к победе... Защищаясь, нельзя разгромить врага... И одной отваги еще мало для победы. Ведь Пресня захватила в бою даже не одну, а три пушки

и не смогла повернуть их против врага. Это непростительно! Три пушки... Их можно было поставить... Но разве он знал, где лучше поставить пушки?..

И, как слабое утешение, всплыли в памяти слова древнего историографа, автора жизнеописания Александра Македонского: «Судьба учит военному искусству также и побежденных».

Также и побежденных...

Побежденных...

А за спиной зарево пожара. За спиной треск ружейных залпов:

«Рота, пли! Ро-о-о-та-а-а... пли!»

На Пресне начались расстрелы. По всей Москве началась лютая расправа. Ничком упал на обледенелую мостовую молодой человек в студенческой шинели. Любой одетый в студенческую шинель может быть убит на улицах Москвы, потому что солдатам внушили: бунт затеян студентами... Выстрелом в упор убит рабочий паренек. Любой рабочий паренек может быть расстрелян без суда и следствия. Только потому, что он рабочий. Что взглянул смело. Что не свернул в сторону, встретив солдат, или, наоборот, опасливо их обошел...

Выстрелы, выстрелы гремят по Москве.

По улицам скрипят полозья саней. На санях тела расстрелянных.

Михаил несколько дней скрывался в Москве. Прятали его земляки, студенты-верненцы. На одной из студенческих квартир Михаил встретился с Затинщиковым. Владимир Павлович в отчаянной тоске вышагивал по комнате из угла в угол:

— Горстка безумцев с револьверами против пушек! Все кончено! Все погибло!

Он остановился напротив сидевшего за столом Михаила и беспомощно спросил:

— Почему вы со мной не спорите? Почему не доказываете, что ничего не погибло?

— Я не хочу спорить! Я хочу работать. Вы сами меня учили. Работать, работать, работать... Мы начнем все сначала!

— Куда вы теперь?

— Домой. В Иваново-Вознесенск.

— Не опасно?

Михаил пожал плечами: детский вопрос.

Казалось, они поменялись ролями. Когда-то Затинщиков учил юного гимназиста, что значит быть настоящим революционером. Встреча с ним помогла Михаилу выбрать тот путь, которым он идет... Сколько уже идет он этим путем? Разве всего лишь год? Каким он оказался огромным — этот год, с осени 1904-го до декабря 1905-го. Он вместил в себя Крававое воскресенье, иваново-вознесенскую стачку, собрания на Талке, гибель Отца, первый бой с самодержавием и первое поражение... Неужели Михаилу всего лишь двадцать лет?

Утром он разбудил Владимира Павловича.

— До свидания. Сегодня уезжаю.

— Простите за вчерашний разговор, — смущенно пробормотал Затинщиков.

— Я вчерашнего не помню, — дружески обнял его Михаил.

Эта их встреча была последней. Через год товарищи сообщили, что Затинщикова нет в живых. Владимир Павлович застрелился, написав друзьям, что не в силах пережить поражение революции.

* * *

Весной 1906 года в Стокгольме собрался IV съезд партии. Фрунзе был послан на этот съезд делегатом от иваново-вознесенской партийной организации. Здесь, в Стокгольме, он встретил командира пресненских боевых дружин Литвина-Седого.

Литвин-Седой подвел Фрунзе к Владимиру Ильичу Ленину:

— Вот юноша, о котором я вам говорил.

— Расскажите об Иваново-Вознесенской стачке, — попросил Ленин.

Фрунзе начал рассказывать. Он заметил, что Ленин короткими точными вопросами будто ставил вешки на пути его рассказа. Потом он видел Ленина в спорах с идейными противниками, с теми, кто струсил, кто считал, что не надо было браться за оружие. Противники Ленина говорили словами круглыми и гладкими, как шары. Ленинские ответы были острыми, угловатыми, колючими — они врезались в память.

Это были снова споры о путях. И в этих спорах Фрунзе был с Лениным во всем. Решил, что будет идти за Лениным всегда, всю жизнь.

Владимир Ильич Ленин запомнил юношу из Иваново-Вознесенска, самого молодого среди делегатов съезда. Когда Фрунзе рассказывал Ленину о боях на Пресне, невозможно было не заметить, с какой заинтересованностью, с каким пониманием говорил он о военных действиях, о тактике, об оружии. И Владимир Ильич сказал ему:

— Вам надо изучать военное дело. Революции нужны свои офицеры.

АРСЕНИЙ

За поимку Трифоныча была обещана высокая награда. Усерднее всех охотился за наградой старший стражник полиции Никита Перлов. Ему удалось разузнать, что Трифоныч как будто перебрался из Иваново-Вознесенска в Шую.

В последнее время стало считаться, что из всех окрестных городов Шуя — самый беспокойный. Ткачи то и дело объявляли стачки, держа хозяев в страхе. Так что были у Никиты Перлова причины искать здесь Трифоныча. Увидел на улице незнакомого молодого человека — и сразу:

— Ты кто таков? Давай документы.

...Молодой человек пошарил по карманам, достал бумаги:

— Корягин Иван Яковлевич. Приехал по торговым делам.

Перлов придирчиво перелистал документы, поглядел на свет. Все было в порядке. Обозрел Корягина, чтобы запомнить: лицо широкое, вроде чуть оспой тронуто, глаза то ли серые, то ли голубые, держится спокойно, даже весело. Самостоятельный человек, швейными машинами фирмы «Зингер» торгует.

— Можете идти, — сказал Перлов, переходя на вежливый, даже почтительный, тон. — Желаю вам успешно торговать! Себе и хозяевам не в убыток.

— Благодарствую! — важно ответил Корягин.

А Трифоныч Перлову никак не попадался. Однако кое-какие слухи все же дошли.

— Трифоныч уехал, — доложил Перлов начальству. — По приказу своего комитета.

— Кто же тогда действует на фабриках? Чьи в городе листовки?

— Новый у них агитатор появился. Зовут Арсений. Трифоныч, говорят, постарше был, а этот молодой.

— За Арсения будет та же награда, что за Трифоныча.

Перлов ночей не спал — боялся, что награду получит не он, а кто-нибудь другой. От усердия старшему стражнику даже начало мерещиться. Как-то вечером он встретил на улице Шуи компанию гимназистов. Они уже мимо прошли, когда Перлову вдруг ударило в голову: один из гимназистов — вылитый Корягин, тот самый, что приезжал по торговым делам. На другой день стражник все утро проторчал напротив мужской гимназии, но ничего подозрительного не обнаружил, если не считать, что сверху из окна влепили ему в лицо мокрой скисшей тряпкой, которой вытирают доску.

Став Арсением, Михаил Васильевич Фрунзе вскоре заметил, что это редкое и красивое имя никто не воспринимает как партийную кличку. «Трифоныч» было кличкой. «Арсений» приросло, как собственное, настоящее имя. Близкие друзья стали звать его Арсюша.

Что полиция его ищет, Арсений, конечно, знал. Погоня за ним шла, как в детской игре: «холодно, горячо». В игре тому, кто искал спрятанную вещь, кричали: «Холодно!» — значит он был далеко от спрятанного. А потом: «Тепло! Еще теплее! Еще, еще! Горячо».

Арсений был уверен, что для полиции пока еще «холодно».

Перлов столкнулся с ним носом к носу — не узнал.

Другой полицейский чин торчал на рабочем собра-

нии и не заметил, что и Арсений там. Спохватился только тогда, когда увидел Арсения на трибуне, а задержать — рабочие не дали.

На митинге, на собраниях рабочих кружков — всюду появлялся неуловимый Арсений. И вся рабочая Шуя его знала, вся Шуя его берегла. По сей день живут в этом городе предания о том, как Арсений уходил от полиции.

РАССКАЗЫ ОБ АРСЕНИИ, ЗАПИСАННЫЕ В ШУЕ

Арсений часто ночевал в доме рабочего Личаева. Однажды он пришел очень поздно. Хозяйка заохала: как устроить гостя поудобнее. А в доме, ясное дело, теснота. Кроме хозяев, еще и квартиранты.

— Я с ребятишками лягу, — сказал Арсений. Он дружил со смышлеными мальчишками, приносил им книги и леденцы.

— Они у меня на полу спят, — смутилась хозяйка.

— Значит, не жарко будет, — рассмеялся Арсений.

Ребята спали мало того что на полу — под стол залезали, чтобы впотьмах на них не наступили. Арсений полез к ним под стол.

Ночью постучала полиция. Хозяйка открыла дверь, зажгла тусклый светлячок. Полицейские обшарили нары, на которых спали квартиранты, слазили на полати. А под стол к ребятишкам и не заглянули.

Зима в Шуе всегда была голодной. В окрестных деревнях хлеба не хватало даже до дня Аксиньи-полухлебницы (был в крестьянском календаре такой день — как раз посередь зимы). И мужики подавались на фабрики. Топтались в лаптях на снегу у ворот, готовые на любую плату. А меж тем городские торговцы все набавляли и набавляли цену на хлеб.

И вот, помнится, в январе 1907 года по предложению Арсения вся Шуя собралась на площади митинговать против повышения цен. Площадь оцепили солдаты. Городскому голове ткачи говорить не дали — свистом проводили с трибуны.

На трибуну поднялся Арсений.

— У нашего головы нет головы! — начал он озорной мальчишеской шуткой, а потом заговорил серьезно: — Товарищи! Будем бастовать. Пусть городские власти установят твердые цены на хлеб. Тогда фабрики снова заработают.

Какой-то ретивый солдат решил выслужиться перед офицером, вскинул винтовку.

— Ваше благородие! Разрешите, я его, смутьяна, сейчас пулей сниму.

— Берегись! — крикнули Арсению из толпы.

Он резко обернулся.

— Стреляйте, негодяи! Вы можете убить меня, но не убьете революционного духа рабочих!

В спину Арсению солдат бы пальнул, а так — не посмел. Арсений постоял в открытую, а потом исчез в толпе, и невозможно было пробиться к нему — ткачи не расступались ни перед солдатами, ни перед полицейскими. Так и ушли с площади, уводя Арсения в сердцевине толпы.

А цены на хлеб уже назавтра снизили...

В Иваново-Вознесенске полиция разгромила подпольную большевистскую типографию.

— Мы все равно выпустим наши листовки! — обещал комитету Арсений.

Он жил тогда у своего друга, старшеклассника Шуйской гимназии Виктора Броуна. Вечером надел гимназическую шинель, сказал, что пойдет прогуляться по городу.

Прогуливался Арсений в центре. Там, напротив церкви, стояло двухэтажное здание с саженными буквами по карнизу: «Типография Лимонова». Сквозь бумагу, которой были завешаны окна, пробивался желтый свет. Типография работала допоздна, заказов было много: конторские бланки, объявления.

Вернувшись, Арсений попросил у Виктора чернила.

— А красные у тебя есть? — он любил писать листовки красными чернилами.

Весь следующий день Арсений писал, а когда стемнело, его вызвал на улицу шуйский слесарь-большевик Павел Гусев.

— Все на местах. Пора.

Гусев шагал осторожно. У него в кармане лежала самодельная бомба.

Наборщики и печатники типографии Лимонова заканчивали

работу. Неожиданно в типографию вошли люди в масках, с револьверами.

— Спокойно, — сказал один из вошедших. Это был Арсений. — Работа продолжается. Надо выполнить небольшой заказ.

Хозяин типографии взял листок, взглянул на подпись — «Иваново-Вознесенский комитет РСДРП».

— Листовка?! — возмутился он и потянулся к телефону.

— Не советуем, — сказал Арсений и ткнул револьвером в сторону кресла. — Садитесь и не шумите.

Хозяин плюхнулся в кресло.

Рабочие с удивительным проворством набирали листовку. Хозяину показалось, что они заранее подготовились к этому неожиданному заказу: все было у них под рукой — и шрифт подходящий и узкие полоски бумаги.

Пока набирали, пришли несколько заказчиков. Их усадили рядышком с хозяином. Пришли два гимназиста — заказать программу литературного вечера. Им посоветовали не шуметь. Подъехала в санях жена Лимонова, вошла с сердитым восклицанием:

— Сколько можно тебя дожидаться!

Увидела людей в масках и чуть не упала в обморок.

— Уступите даме место! — укоризненно сказал Арсений одному из гимназистов. Тот оторопело вскочил, шаркнул и подал жене Лимонова стул.

А меж тем на улице начался переполох. Жена хозяина оставила у дверей типографии лошадь, запряженную в сани. Лошадь постояла, постояла и побрела вдоль улицы, затащила сани на тротуар. Мимо шел полицейский:

— Это что за беспорядок?! Чья лошадь?

Ему сказали:

— Лимонова.

Полицейский взял лошадь под уздцы, повел ее к типографии. Увидел свет, пробивающийся сквозь бумагу, которой было завешено окно, постучал в раму.

— Господин Лимонов! Эй, господин Лимонов!

Никто, конечно, не откликнулся. Полицейский, прикинув, какой штраф он слупит с хозяина, вошел в типографию. С двух сторон его вежливо взяли под руки.

— Ваше оружие?

Со страху он слова вымолвить не мог. Послушно отдал револьвер, встал, как приказали, носом в угол.

Через два с половиной часа рабочие кончили печатать листовки.

— Сколько с нас за работу? — спросил хозяина Арсений. — Вот, получите. Точно, до копейки. Через десять минут можете звонить в полицию.

Когда уходили, Павел Гусев помахал бомбой.

— Бросить, что ли, эту штуку?

Ему надоело таскать ее в кармане. Но Арсений сказал, что бомба была нужна только на крайний случай. Пришлось Павлу уносить опасный груз домой. А на пороге он для смеху оставил завернутую в бумагу жестяную банку.

Хозяин позвонил в полицию через одиннадцать минут. Полицейские нерешительно остановились перед чем-то круглым, лежавшим на пороге типографии. С великими предосторожностями один из полицейских взял «бомбу», понес ее в участок. Там пакет вскрыли и, чертыхаясь, вытряхнули из жестяной банки гнилую морковь.

А утром по всему городу были разбросаны листовки. Вокруг грамотных собирались десятки людей:

— Читай скорее, что пишет Арсений.

Усердный стражник Перлов продолжал охотиться за обещанной наградой. Ему удалось разузнать, что Арсений бывает на конспиративных собраниях в земской больнице. Это было удобное для тайных встреч место. Красное кирпичное здание больницы стояло на краю города.

Вечером Перлов на санях подъехал к больнице.

— Отворите.

Не сбив снега с огромных сапог, он ходил по коридорам, рывком открывал двери палат, грубо сдирал с больных одеяла.

Ничего подозрительного Перлов не обнаружил. В палатах лежали настоящие больные.

Стражник сел в сани, хлестнул лошадь. От больницы к городу надо было возвращаться через железно-

дорожный переезд. Там тускло светил единственный фонарь. Перлов заметил — две тени метнулись в сторону от переезда.

— Стой! — заорал он и выстрелил.

В ответ щелкнул выстрел, другой. Перлов растянулся в санях. Испуганная лошадь поскакала по дороге.

— Глупо! — с досадой говорил Арсений. — Но у меня просто в глазах помутилось, когда я увидел этого подлеца. И, как назло, первый раз промахнулся. А на второй — осечка. Маузер отказал.

— Мой-то в порядке, — отвечал Гусев. — Но ты знаешь, какой я стрелок. Наверняка промазал.

За выстрелы Арсению и Гусеву партийный комитет объявил выговор.

— Сами знаете, какое сейчас время, — сказали им в комитете. — Нам в партии надо держать самую строгую дисциплину.

Зимой 1907 года Арсению пришлось уехать из Шуи — таков был приказ партийного комитета. Но вскоре Арсений снова вернулся: надо было провести в Шуе выборы делегата на Лондонский съезд партии. Делегатом рабочие выбрали Арсения. С радостью думал он об отъезде в Лондон, о том, что опять увидит Ленина.

23 марта Арсений до часу ночи был на заседании шуйской партийной группы. Ночевать пошел в дом одного мелкого лавочника, где и раньше живал как Иван Яковлевич Корягин, торговый агент фирмы швейных машин. У хозяйки попросил лампу — сказал, что будет сверять счета.

Арсений еще не кончил писать, как вдруг в дверь постучали. Полиция...

КАМЕРА СМЕРТНИКОВ

Михаила Васильевича Фрунзе готовились судить двумя судами.

Первым — особым, военным судом — за покушение на убийство полицейского Перлова.

Вторым — вместе с группой иваново-вознесенских большевиков — за пропаганду среди рабочих, за подготовку вооруженного восстания.

Первый суд состоялся в городе Владимире 26 января 1909 года — через два года после ареста. Но сколько ни старалось следствие, улик против Фрунзе никаких не было. Перлов не мог рассмотреть в темноте, кто тогда стрелял. Свидетели, которых он представил, путались в показаниях, а один даже признался, что видеть ничего не видел и что Перлов его запугал и подучил показать на Фрунзе.

Казалось бы, суд скажет: невиновен.

Но это был царский суд. И не просто царский, а еще и особый, военный. Пусть все обвинение рассыпалось, как карточный домик. Пусть подсудимый Фрунзе спокойно заявляет:

— Виновным в покушении на убийство себя не признаю...

Для суда куда более существенным является то, что Фрунзе открыто признал — он руководитель иваново-вознесенской организации большевиков. Что даже судебное заседание Фрунзе использовал для пропаганды своих революционных убеждений, заявив: «Победа революции неизбежна».

Секретарь суда читает приговор: «...Михаила Фрунзе лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение».

Из зала суда его увели в камеру смертников, заковали в кандалы.

Камеры смертников были в самом дальнем, самом глухом углу Владимирской тюрьмы. По ночам приговоренные к казни, не смыкая глаз, ждали, когда раздадутся шаги по коридору.

Шаги громыхали всегда под утро. Услышав их, каждый холодел от ужаса: «За мной?»

Распахнута дверь камеры. Названа фамилия. И вот уже кто-то покорно поднялся, пошел к двери. Белое лицо, остановившиеся глаза. И последний отчаянный крик:

— Прощайте, товарищи!

Страшно было видеть, как они уходили. Мучительно было отдавать товарищей на смерть — без последнего боя.

В камере смертников одни весь день лежали ничком на нарах. Другие метались из угла в угол. Фрунзе, зажав ладонями уши, сидел над учебником английского языка.

— Зачем тебе английский язык? Тебя завтра повесят!

— Но пока я жив! И я буду работать...

За ним явились в неурочный час:

— Фрунзе, выходи!

В коридоре он крикнул:

— Прощайте!

Камеры смертников отозвались:

— Прощай, Арсений!

Арестованные били табуретами в кованые двери, зарешеченные окна:

— Товарищи! Арсения уводят на казнь!

Поднялась вся владимирская тюрьма.

— Прощай, Арсений!

Его вели бесконечными коридорами, лестницами. Он шел строго выпрямившись, глядя прямо перед собой. «Спасибо, товарищи, за то, что не оставили вы Арсения одного в эти тяжкие, в эти последние минуты...»

Конвойные свернули к тюремной конторе. Зачем это? Наверное, последние формальности... Вот и адвокат. Бросился на шею, обнимает...

— Вы спасены! Приговор отменен!

— Не надо меня утешать, — отшатнулся от него Фрунзе. — Не надо гуманно готовить к смерти. Пусть палачи делают свое дело.

— Приговор отменен! — повторял адвокат. — Неужели вы меня не слышите?

Он все слышал. Но жизнь возвращалась к нему медленно, медленно. Как будто его успели убить и теперь воскрешали живой водой...

Приговор не был отменен окончательно. Только отсрочили казнь. Дело о покушении на Перлова отправили на доследование. Царский суд искал новые улики против Фрунзе. Новых свидетелей, которые не собьются.

Следователи не торопились. Ведь обвиняемый все равно был у них в руках, сидел за решеткой.

Сестра Людмила приезжала на свидания, привозила книги. Она была худенькая, измученная хлопотами, в чиненых-перечиненых ботинках.

— Спасибо, что пришла,— ласково говорил ей брат.— Спасибо за книги. Привези еще, вот список.

Он был всегда такой спокойный и веселый, что Людмиле становилось легче.

— Смотри, чтобы маму никто не уговорил писать прошение царю. Она столько раз ходила за нас кланяться.

— Не надо,— тихо соглашалась Людмила.

5 февраля 1910 года во Владимире начался суд над иваново-вознесенскими большевиками.

— Примерным поведением на этом суде, — сказал следователь Михаилу Васильевичу Фрунзе, — вы можете повлиять и на приговор предстоящего вам затем военного суда...

Но вопреки расчетам следователя Фрунзе не пожелал вести себя «примерно». Он держался на суде смело, выступил с яркой революционной речью. И другие товарищи, глядя на него, вели себя все увереннее, дружнее.

Фрунзе приговорили к четырем годам каторги. Но он понимал, что главная расправа — впереди.

Товарищей угнали на каторгу, а Фрунзе остался во Владимирской тюрьме. Ждать военного суда. 22 сентября 1910 года состоялся суд. И снова не было у суда никаких доказательств, что стреляли в Перлова Фрунзе и Гусев...

— ...к смертной казни через повешение... — монотонно прочел секретарь суда.

Опять камера смертников.

Опять ночи в мучительном ожидании, шаги на рассвете, прощание с товарищами, уходящими на казнь...

Разрешено прощальное свидание с Людмилой, с Костей. Фотография, сделанная в тюрьме, послана матери.

Сколько ему еще осталось жить? Он считал не годы, а дни, часы. Но все равно каждое утро упрямо садился за книги. И каждый день был как выигранное сражение.

Он боролся со смертью один на один в глухом безмолвии корпуса смертников.

А на воле товарищи боролись за жизнь Михаила Фрунзе. В его защиту выступил писатель Владимир Короленко. Профессора Политехнического института не забыли студента, который так редко появлялся в аудиториях и так блестяще отвечал на экзаменах. Они были поражены, узнав, что Михаил Фрунзе провел эти годы не в уединении, за книгами, а в напряженной, опасной подпольной борьбе. Этот юноша может стать гордостью русской науки! Ученый совет института обратился с ходатайством сохранить жизнь Михаилу Фрунзе.

Владимир — Москва — Петербург — Владимир. Казалось, Людмила успевала быть одновременно всюду — с протестами, просьбами, заявлениями...

И вот Людмила плачет, уткнувшись в грубую куртку Михаила:

— Отменили... Отменили казнь.

Смертную казнь Михаилу Фрунзе заменили шестью годами каторги.

Каторга! Какое страшное слово! А для него оно прозвучало как «жизнь».

ГОДЫ

В неволе Михаилу Васильевичу Фрунзе исполнилось двадцать три года.

Двадцать пять...

Двадцать шесть...

Двадцать семь...

Двадцать восемь...

Двадцать девять...

Лучшие годы жизни.

Двадцать...

Несколько раз он пытался бежать с каторги, но неудачно. Обострилась болезнь желудка. Слезились глаза. Кашель становился все мучительнее. Даже не склонный к жалости тюремный врач признал: туберкулез легких. Но Фрунзе держался стойко. Близился день освобождения.

ИЗ ПИСЕМ НА ВОЛЮ

Знаете, я до сих пор как-то не верю, что скоро буду на свободе. Ведь больше 7 лет провел в неволе и как-то совсем разучился представлять себя на воле. Это мне кажется чем-то невозможным. Я страшно рад, что к моменту освобождения не превратился в развалину. Правда, временами хвораю и даже сильно, но теперь в общем и целом чувствую себя совершенно здоровым. Одно меня удручает — это глаза. Болят уже более 4 лет. Неужели же не вылечу их на воле? Сейчас все время ощущаю прилив энергии. Тороплюсь использовать это время в самых разнообразных отношениях...

...Я ведь чем-чем только не был на каторге. Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра, был затем садовником, огородником, а в настоящее время занимаюсь починкой водопроводов, сигнализации и, кроме того, делаю ведра, кастрюли, чиню самовары и пр. Как видите, обладаю целым ворохом ремесленных знаний...

...Итак, скоро буду в Сибири. Там, по всей вероятности, ждать долго не буду. Не можете ли... позондировать почву, не могу ли я рассчитывать на поддержку... на случай отъезда из Сибири. Нужен будет паспорт и некоторая сумма денег... Ох, боже мой! Знаете, у меня есть старуха мать, которая ждет не дождется меня, есть брат и 3 сестры, которые мое предстоящее освобождение тоже связывают с целым рядом проектов, а я... А я, кажется, всех их обману.

Весной 1914 года кончился срок каторги. Фрунзе был отправлен в Сибирь, в село Манзурку — «на вечное поселение».

Вечное? Ну уж это как сказать...

В августе 1915 года он бежал из ссылки.

ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

На окраине Читы, у солдатских казарм, маршировали новобранцы, мешковатые сибирские парни. Шел второй год войны с Германией.

В городском саду играл оркестр. Из дощатого сарая, где помещался тир — модная забава в духе военного времени, — слышались выстрелы. Красуясь перед барышнями, читинские кавалеры били по мишеням. На полках сверкали призы — расписные чашки, вазы,

пузатый самовар. У тира изнывали мальчишки. Горящими глазами они смотрели на главный приз — охотничью двустволку. Чтобы ее добыть, надо попасть в жестяную утку, которую хозяин тира, безногий отставной солдат, запускал по проволоке.

— У тебя, хозяин, ружья кривые! — с досадой бросил один из кавалеров, прострелявший попусту гривенник.

— Сейчас проверим, — сказал, подойдя к тиру, незнакомый мальчишкам молодой человек, в чиновничьей форменной фуражке. С ним была девушка. Ее мальчишки знали: Софья Алексеевна. Местная, читинская, служит в переселенческом управлении.

— Кто это с ней?

— Недавно приехал. Василенко Владимир Григорьевич, тоже в переселенческом служит, — тут же сообщили мальчишки.

Василенко сдвинул на затылок фуражку.

— Разрешите?

Он взял одно ружье, отложил, присмотрелся к другому, потом неторопливо прицелился.

Дзинь! — упала мишень.

Хозяин тира подал приз — позолоченную чашку.

Дзинь!

Хозяин снял с полки вазу.

Дзинь!

Хозяин полез за самоваром.

— Дяденька, теперь утку... — ныли мальчишки.

Василенко попросил хозяина запустить утку. Хозяин дернул за проволоку, с ржавым визгом вылетела жестяная утка. Хлопнул выстрел, утка кувырнулась.

Фрунзе в ссылке.

— Ура! — заорали мальчишки. Хозяин дрожащей рукой потянулся за двустволкой.

— Не надо, — остановил его Василенко. — И эти вещи тоже расставьте по местам, — указал он на все добытые призы.

Мальчишки онемели. Такого им еще видеть не приходилось!

Василенко и Софья Алексеевна быстро шли по садовой аллее.

— Послушайте, — взволнованно выговаривала Софья Алексеевна. — Вы невозможный человек! Вы легкомысленный человек! Завтра о вашем поступке заговорит весь город. Зачем обращать на себя внимание?

Василенко в ответ только посмеивался.

— Просто я, как говорят актеры, вошел в роль. Вы же знаете, кто я по паспорту: Василенко, дворянин. Вы только представьте себе этакого недоросля, сына разорившегося помещика. Ну, чем он может поразить барышню, которая ему нравится? Разумеется, меткой стрельбой. Видите ли, этот самый Василенко в папашином поместье целыми днями стрелял ворон. Истинная дворянская забава. Честное слово, мое поведение вполне конспиративно.

— Михаил Васильевич, очень прошу вас, будьте осторожней.

— Где вы видите Михаила Васильевича? — удивился Василенко. — Здесь нет Михаила Васильевича! — И он добавил торжествующе: — Вот вы как раз и нарушаете конспирацию. Еще, глядишь, погубите меня! Ага, покраснели!

В Чите Фрунзе решил переждать, пока жандармы перестанут подкарауливать его на станциях по дороге к Москве.

Работа в переселенческом управлении ему показалась подходящей — проверяя, как живут в Сибири крестьяне-переселенцы из Центральной России, он много ездил по всему краю. Но главной целью было теперь — перебраться на запад, в действующую армию, чтобы вести революционную работу среди солдат.

Читинская полиция начала приглядываться к Василенко: кто такой, куда ездит, с кем встречается. Но тут случилось происшествие, о котором заговорил весь город.

...День был ясный, морозный. По главной улице Читы на щегольских санках раскатывали богачи. Вдруг послышались отчаянные крики:

— Берегись!

Разбрызгивая снег, мчался по главной улице запряженный в сани рысак. Спутанные вожжи хлестали его по ногам. Женщина с перекошенным от страха лицом вцепилась в передок саней. Видно, не удержала рысака, и он понес. С улицы мигом смыло всех: и конных и пеших. Только вдали, ничего не замечая, ничего не слыша, возились в снегу ребятишки. Рысак летел прямо на них.

Какой-то человек бросился наперерез, схватил рысака под уздцы, повис всем телом. Рысак поволок его по снегу, потом остановился, тяжело поводя боками.

Сбежались люди, обступили храбреца. Раздвинув толпу, протиснулся пристав.

— Господин Василенко, — басом отчеканил он. — Ваш поступок. Заслуживает. Одобрения. И награды.

— Такие похвалы! Право, я смущен, — отвечал Василенко, отряхиваясь от снега.

В тот же день приставу на зеленое сукно стола положили запрос: кто такой Василенко, каков его образ мыслей и поведение? Пристав, не раздумывая, полез в ящик, где у него были резиновые штемпели с ответами, достал тот, который был ему нужен, и оттиснул на бумаге: «Поведения хорошего».

Василенко вызвали в Иркутск — пришло время ему идти на военную службу. Но вскоре в Чите стало известно, что Василенко скрылся от призыва. Все недоумевали. Такой храбрый молодой человек! Неужели испугался отправки на фронт?

А случилось с Василенко вот что. В Иркутске он получил от Сони телеграмму: «Был гостях Охранкин жди письма».

Письма Михаил Васильевич дожидаться не стал. И так все ясно. Видно, зря он надеялся, что за Василенко вовсе нет слежки. Даже с Соней не условился, какими словами сообщать об опасности. Вот и пришлось ей заняться самодельной конспирацией... Милая Соня! Выросла здесь, в Сибири. И отец и мать — политические ссыльные. У Сони в семье привыкли, что надо кому-то срочно добыть документы, отдать всю теплую одежду, кого-то немедленно спрятать или собрать в дальнюю дорогу. Хорошо, когда есть такой друг, как Соня... Придумала Охранкина. Да хватило бы Цапкина или Гадючкина, чтобы догадаться.

...Поздно вечером Соня услышала осторожный стук в окно.

— Михаил Васильевич! Зачем вы вернулись? Я же написала. У вас в комнате был обыск, вас хотят арестовать.

— Я приехал попрощаться...

На другой день близкая подруга Сони в костюме сестры милосердия подсаживала в вагон поезда больного, закутанного в шубу. Всю дорогу больной пролежал лицом к стене.

До Москвы Михаил Васильевич добрался благополучно. Здесь его встретил давний друг, студент Павел Батурин, который жил, как домашний учитель, в семье богатого купца. Квартира в купеческом доме! Что может быть надежней...

Фрунзе смело расхаживал по Москве. Батурин помог ему разыскать сестру Клашу. Они встретились на бульваре, и Клаша все время оглядывалась по сторонам в тревоге за брата. А он как ни в чем не бывало пошел ее провожать, подсадил в трамвай и сам вскочил следом. И вдруг на следующей остановке в вагон вошли полицейские. Клаша обмерла. А брат галантно взял ее под руку, повел к выходу, сердито бросив одному из полицейских:

— Посторонись-ка, любезный. Видишь, дама...

Клаша опомнилась, когда трамвай уже укатил за дюжину поворотов:

— Боже, какой ты легкомысленный!

Это восклицание напомнило ему о Соне. Наверное, она волнуется за него, а он все еще никаких вестей подать не может. Да и знает ли он сам, где будет завтра, куда и с каким заданием пошлет его партия. Если бы на фронт... Нет, как только что-нибудь определится, надо непременно, сразу же сообщить Соне.

Меж тем в Чите полиция во все глаза следила за Соней. Куда ходит, с кем переписывается. Но ничего подозрительного заметить не удавалось. Не было вестей ни от Василенко, ни про Василенко. Как в воду канул. И у его невесты как будто глаза заплаканные. А по Чите уже слухи ползут: «Василенко убит».

Полиция ослабила надзор. И тут Соня исчезла из города.

ШУЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

За окнами вагона бежал низкорослый ельник. Громыхали под колесами мосты, перекинутые через тихие светлые речушки.

Михаил Васильевич вдруг узнал одинокую березу на краю ржаного поля. Жива! Он обрадовался этой березе, как родному человеку.

— Соня, смотри! Вон в том лесочке мы на маевку собирались. А у березы дозор караулил — наши дружинники...

Поезд шел в Шую. Вагоны были битком набиты солдатами, возвращавшимися с германского фронта. После Февральской революции никакие приказы Временного правительства уже не могли удержать их в окопах.

На Михаиле Васильевиче была такая же солдатская, видавшая виды шинель, как и на попутчиках, такая же выгоревшая гимнастерка под шинелью.

Бородатый солдат, свесившись с верхней, багажной

полки, спросил, приглядываясь к Михаилу Васильевичу:

— Вроде бы встречались мы, а не помню где... Ты с какой фабрики-то?

— Я? — Михаил Васильевич поднял голову, посмотрел на солдата, и в глазах его мелькнула озорная искра.

— А может, на одной фабрике мы работали? — раздумывал бородатый солдат. — Или где в окопе рядом быть довелось?..

— Довелось, — весело подтвердил Михаил Васильевич, — довелось нам с вами, дорогой товарищ, однажды вместе баррикаду оборонять на Садовой-Спасской.

Бородач кубарем слетел с верхней полки.

— Арсений! Ей-богу, Арсений!

— Степа! Каширин! Черт ты этакий, — приговаривал Михаил Васильевич. — Да и я ведь тебя не сразу узнал... С этакой бородищей-то...

— Бороду сбрею, — обещал Степа. — Вот приеду домой и сбрею. А потом в баню... Хватит, отвоевался...

— Ты на каком фронте был?

— На Западном, — отвечал Степа.

— И я на Западном. В 57-й артиллерийской бригаде на правах вольноопределяющегося. Вел политическую пропаганду среди солдат.

— Так мы ж по соседству с 57-й стояли...

— Соня! — спохватился Михаил Васильевич. — Познакомьтесь. Это мой старый товарищ — Степа Каширин. А это, Степа, жена моя, Софья Алексеевна.

— Очень приятно, — чинно поклонился Степа. — Разрешите вас поздравить... С семейным счастьем. Со счастливым возвращением.

— Спасибо, Степа. Вот именно, со счастливым...

Да, теперь он мог вернуться в Шую — не тайком, а открыто, вместе с женой. Они с Соней поженились в Минске, где он жил под фамилией Михайлова. Михаил Васильевич сам вручил новый паспорт своей жене, сам написал в нем: «Софья Алексеевна Михайлова-Фрунзе». Ведь в Минске, сразу же, как только стало известно, что царя свергли, Совет назначил Михаила Васильевича начальником милиции. Занятная тогда случилась история. Его отряд разоружил полицию, и Михаил Васильевич расположился в кабинете полицмейстера. Выдвинул верхний ящик письменного стола и увидел... срочное предписание: арестовать некоего Михайлова, проживающего там-то. Всего лишь на день опоздали шпики, а то встречать бы ему Февральскую революцию в тюрьме...

Минские товарищи не хотели его отпускать. Он был там членом комитета Западного фронта, депутатом Минского Совета, одним из редакторов большевистской «Звезды», делегатом от белорусских крестьян на Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

Но как раз на съезде, в Петрограде, в конце мая 1917 года он встретился с Лениным.

— Вам надо вернуться в Шую, — сказал Ленин. — Там почти никого не осталось из старых опытных работников.

— Да, разметало всех по тюрьмам, по ссылкам... А многих и в живых уже нет...

Вспомнилась ему тогда самая тяжелая утрата — Павел Гусев, вместе с ним осужденный на каторгу и отбывавший ее во Владимирской тюрьме, умер в тюремной больнице от чахотки.

Помнят ли в Шуе Гусева? А Арсения помнят ли? Столько лет прошло...

Сейчас поезд остановится у деревянного маленького вокзала, и откроется горбатая улочка, по которой когда-то батальон солдат и казачья сотня вели арестованного Арсения...

Честное слово, такой встречи Михаил Васильевич не ожидал! Вся площадь за вокзалом была полна народу. На двух палках колыхалось кумачовое полотнище:

ПРИВЕТ АРСЕНИЮ («ФРУНЗЕ»).

Здесь он опять был Арсением. Его настоящую фамилию в Шуе и в Иваново-Вознесенске еще долго писали вот так, в кавычках, а на всех собраниях и митингах привычно объявляли:

— Слово имеет товарищ Арсений.

Арсения выбрали председателем Шуйского Совета, председателем городской думы, председателем земской управы. В Петрограде еще правило буржуазное Временное правительство, а в рабочей Шуе во главе всех органов власти — новых и старых — стоял большевик Арсений. Город ткачей стал называть себя Шуйской республикой.

Шуйская республика готовилась воевать с Временным правительством. Двадцать тысяч солдат Шуйского гарнизона встали на сторону большевиков. В Совете шла запись в Красную гвардию. На городской площади Михаил Васильевич вел с красногвардейцами строевые

занятия. Степа Каширин, уже без бороды, в штатском полупальто, пришел как-то поглядеть на эти занятия.

— Откуда ты военной премудрости понабрался? — спрашивал он Михаила Васильевича. — Со стороны поглядеть, ты вылитый офицер, ваше благородие...

— В 57-й артиллерийской бригаде,— козырнув, отрапортовал Степе Михаил Васильевич,— и у орудий довелось постоять, и к штабным работам допускали. Жаль, что пришлось бежать из бригады через два месяца, — добавил он, — шпики по моим следам шли.

— Так ты своей охотой в окопы полез? — заинтересовался Степа.

— Признаться, да, — немного смущенно сказал Михаил Васильевич. — Я всегда любил военное дело. Но при царизме как-то стыдно было говорить об этом. А теперь, понимаешь, другое отношение. Теперь у нас своя Красная гвардия. Помнишь, как в нашем первом уставе боевой дружины... «Ядро будущей революционной армии восставшего народа».

— Помню, — кивнул Степа и деловито закончил: — Выходит, что не отвоевался я еще.

Назавтра и он пришел записываться в Красную гвардию — пришел во фронтовой шинели, с винтовкой.

— А это у тебя откуда? — спросил Михаил Васильевич, указывая на винтовку.

— Из окопов прихватил! — отозвался Степа.

— Ну и запасливый, — засмеялись все вокруг.

...Телеграммы, которые пришли в Шую на рассвете 26 октября, дежурный телеграфист вручил главе Шуйской республики Арсению. На желтых тонких листках

было торопливо нацарапано карандашом: Временное правительство низложено. Вся власть в руках Военно-революционного комитета.

Фрунзе бережно держал в руках тонкие легкие листки, снова и снова перечитывал короткое сообщение из Петрограда. А за окном уже светало. Пришел день, которого он ждал всю жизнь.

— На площадь! Зовите весь город на площадь к Совету!

ПЕРВАЯ КРЕПОСТЬ

В Шуе Советская власть победила без единого выстрела. Председатель городской думы Фрунзе распустил думу. Председатель земской управы Фрунзе объявил, что управа больше никому не нужна. Главной городской властью стал Совет во главе со своим председателем Михаилом Васильевичем Фрунзе.

А в Москве шли ожесточенные бои. Враги революции хотели захватить власть в Москве и потом двинуться на Петроград.

Вести из Москвы были тревожные и неясные. Телефонная связь работала плохо. Михаил Васильевич первым же поездом отправился в разведку.

В Москве пальба шла такая, как на фронте. Ухали пушки, бомбометы, слышались гулкие взрывы ручных гранат, захлебывались очередями пулеметы. На улицах, как в 1905 году, были сложены баррикады. А бывалые фронтовики, разобрав булыжные мостовые, вырыли окопы.

На площади перед Московским Советом горели ко-

стры. Солдаты раздавали с грузовика винтовки рабочим-красногвардейцам.

Фрунзе быстро взбежал по ступенькам парадной лестницы, на которых толпился народ. В одной из комнат он увидел несколько человек, склонившихся над картой Москвы. Остриями карандашей водили они по лабиринтам улиц и переулков.

— Вот здесь засели юнкера. А тут уже наши...

Фрунзе подошел ближе, склонился над картой, узнавая знакомые улицы, запоминая, где свои и где юнкера. И вдруг, глянув за зеленый обод Садовых улиц, Михаил Васильевич увидел исчерченный полустершимися карандашными пометками район Пресни, увидел, что есть отметина и на том самом месте, где он с дружинниками оборонял одну из последних московских баррикад.

И тогда он узнал эту карту — карту уличных боев 1905 года. Значит, кто-то берег ее двенадцать лет. Кто-то твердо верил, что она еще пригодится.

Внутри зеленого обода Садовых пестрели свежие пометки. Отряды красногвардейцев атакуют почтамт, телеграф, телефонную станцию. Надо как можно скорее вышибить юнкеров из этих важнейших пунктов. А главное — из захваченного юнкерами Кремля. Вот где сейчас решающий участок сражения!

Красногвардейцы из Шуи могли прибыть только через сутки, не раньше. Ждать в бездействии было не в характере Михаила Васильевича Фрунзе. Он узнал в Московском Совете, что самое напряженное положение сложилось у гостиницы «Метрополь». Юнкера, засевшие там, держали под огнем всю площадь между гостиницей и двумя театрами — Большим и Малым.

«Метрополь» был как последний заслон перед крепостью — Кремлем.

— Разрешите присоединиться к какому-нибудь из московских отрядов! — обратился Фрунзе к товарищам, склонившимся над картой.

Один из них поднял голову, взглянул удивленно. Фрунзе этот взгляд понял так: «А зачем еще спрашивать? Присоединяйтесь».

Придерживая хлопавшую по боку кобуру маузера, он выбежал на улицу. Перед Советом строился красногвардейский отряд.

— Михайлов? Вы ли?

Вот повезло! Красногвардейцами командовал молодой прапорщик, которого Фрунзе знал по Западному фронту.

Михаил Васильевич вместе с отрядом зашагал по Столешникову, по Петровке — к «Метрополю».

У Большого театра площадь была изрыта окопами. С чердака Малого театра по «Метрополю» бил пулемет. Ударили по разу пушки, стоявшие по обе стороны Большого театра. Начисто вылетели стекла из окон гостиницы, из широких угловатых витрин. Юнкера ответили огнем бомбомета.

— Уж который день бьемся, — говорил рабочий-красногвардеец, укрывавшийся вместе с Фрунзе в подъезде Малого театра. — Вон там, у лошадей, — он показал на колесницу Аполлона, венчавшую колоннаду Большого театра, — прямо под копытами наш пулемет стоял. Так эти гады обстреливать театр начали. Ну, наши и слезли. Жаль, если попортят такую красоту.

Узкими коридорами, переходами, лестницами Фрунзе добрался до чердака Малого театра. У пулемета, вы-

сунувшего шустрое рыльце в чердачное окно, лежали несколько солдат. Короткими очередями хлестали они по окнам «Метрополя».

— Вот что, — сказал Фрунзе солдатам, — сейчас пушки вовсю заговорят. А вы уж строчите без передышки. Чтоб никто и носа не высунул! Понятно?

— Чего уж понятнее, — ответил один за всех. Никто из лежавших у пулемета не спросил Фрунзе, кто он такой, почему командует. Как-то сами догадались, что пришел дельный человек, который собирается прижать юнкеров сильным огнем и под прикрытием пушек и пулемета атаковать гостиницу.

И те, что сгрудились внизу, у Малого театра, тоже без лишних слов признали, что командует ими не столько молодой прапорщик, с которым они сюда пришли, сколько тот человек, который присоединился к ним по дороге. Кто он, откуда, как его зовут — никто не знал. Одет он был как солдат и по всему походил на солдата— бывалого и обстрелянного.

По команде, поданной Фрунзе, пушки, стоявшие у Большого театра, начали бить по гостинице. Застрочил без передышки пулемет. Площадь окуталась дымом и едкой кирпичной пылью. Сразу заметно ослаб ответный огонь юнкеров.

— Пошли,— выдохнул Фрунзе.

Несколько шагов он и вправду шел как будто не спеша, а потом, не оглядываясь, почувствовал, что он не один, что за ним идут, и побежал вдоль стены Малого театра. Острая боль в ноге на какое-то мгновение заставила забыть обо всем. Нога, искалеченная в пятом году, подвернулась в колене. Превозмогая невыносимую боль, он побежал еще быстрее и первым очутился в проезде, что отделял гостиницу от Малого театра.

Фрунзе с разбегу вскочил в разбитую угловую витрину. За ним влетели сюда другие. А он опустился на пол, усыпанный осколками стекла, и, сморщившись, резко крутанул ногу. В колене что-то хрустнуло. Кажется, удалось вправить вывих.

Теперь, когда в здании гостиницы были свои, пушки уже не могли обстреливать «Метрополь», а юнкера пулеметным огнем отбивали тех, кто пытался повторить перебежку. Небольшой отряд под командой Фрунзе вступил в рукопашную схватку, пробился в коридор второго этажа. Юнкера отступили на третий. Бой шел за каждую комнату, за каждый лестничный пролет. И только когда юнкеров загнали под крышу, они подняли руки.

Несколько красногвардейцев вместе с Фрунзе выбрались на крышу «Метрополя». Отсюда виден был Кремль — зубчатая неприступная стена, башни, бойницы, а в глубине — соборы сказочной красоты. У тех, кто засел за старинными стенами, запасено патронов и продовольствия хоть на год. Попробуй выбей их оттуда.

Вдруг откуда-то сверху послышался странный звук. Будто в небе закрутилась детская трещотка. Фрунзе посмотрел вверх. Холодный осенний дождь только что кончился, но небо над Москвой было по-прежнему обложено низкими дымными тучами. Из туч вынырнул крошечный аэроплан, непрочное сооружение на зыбких крыльях. Над кабиной виднелась голова в шлеме, в очках. Аэроплан пронесся над Большим театром, над «Метрополем» и начал кружить над Кремлем.

— Наш,— определили красногвардейцы.— Разведывает...

Тотчас издалека прилетело тонкое комариное «з-з-з...». И оборвалось глухим разрывом. Это начали обстрел Кремля шестидюймовые орудия. Пришел час решительного штурма.

— Командуйте, — обратился к Фрунзе прапорщик, и на его безусом лице не было ни тени обиды, только искреннее восхищение. — Командуйте, у вас отлично получается.

Фрунзе вывел отряд к Никольским воротам Кремля. Тяжелые дубовые ворота были наглухо заперты и завалены ящиками. Солдаты из отряда Фрунзе выкатили пушки на площадь и начали прямой наводкой бить по воротам.

Со всех сторон Кремль уже был окружен отрядами рабочих-красногвардейцев и революционных солдат. Первым ворвался в старинную крепость через Никольские ворота отряд, которым командовал Михаил Васильевич Фрунзе.

Много лет спустя военные историки, изучая сражения, которые вел полководец Фрунзе, напишут, что у него был удивительный талант определять направление главного удара, угадывать, где будет самая жаркая схватка, и появляться именно там, в самый ответственный момент.

Так было и в дни московских Октябрьских боев.

Но даже тогда, осенью 1917 года, изведав радость первой победы, Михаил Васильевич Фрунзе, кажется, вовсе еще и не думал, что через год с небольшим он станет во главе армий и осуществит одну из тех сложнейших, смелейших, тончайших военных опе-

раций, за которые полководцам дают имя «великий».

Нет, не думал он об этом. Советская республика ни с кем не собиралась воевать, одним из первых ее декретов был декрет о мире.

Михаил Васильевич вернулся из Москвы домой: строить новую жизнь, новое государство рабочих и крестьян. Строить там, где он молодым, двадцатилетним начинал революционную работу. Осуществить все, о чем мечтали и он и его товарищи, сходясь тайком на собрания подпольных кружков, ради чего поднимались на стачки, шли на баррикады...

СРАЖЕНИЯ

БЫВШИЙ ПОДПОЛЬЩИК И БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ

Особняк одного из богатейших иваново-вознесенских фабрикантов заняли новые хозяева. В солдатских гимнастерках. В сатиновых косоворотках. В кожаных куртках. Здесь разместилось в 1918 году Управление военного округа.

День и ночь кипит работа в управлении. То и дело хлопает дверь бывшего хозяйского кабинета, где сидит теперь руководитель округа.

— Товарищ Новицкий! Телеграмма! Срочная. Из Реввоенсовета республики.

Немолодой человек в строгом военном кителе нет-нет да и вздрогнет при таком обращении. Соскользнут на стол стеклышки пенсне с золотой дужкой, и Федор Федорович Новицкий, близоруко похлопав ладонью по бумагам, изловит пенсне, начнет смущенно протирать стеклышки носовым платком.

Не привык он еще к новым словам: «товарищ», «Реввоенсовет». Ведь раньше к Новицкому обращались совсем по-иному: «ваше превосходительство».

Нет, он не жалеет о «добром старом времени», как называют всё, что было раньше, при царе, бывшие сослуживцы Новицкого, а также его бывшие друзья и даже бывшие родственники. Наоборот! Самым счастливым днем в жизни генерала царской армии Федора Федоровича Новицкого был тот декабрьский день 1917 года, когда солдаты 43-го армейского корпуса избрали его своим командиром. Сами избрали! Ни одна

боевая награда, полученная за германскую войну, не доставляла такую огромную радость, такую истинную гордость, как это солдатское доверие. И пусть отворачиваются все «бывшие». Генерал Новицкий готов служить революционной России.

С 1918 года Федор Федорович Новицкий руководит военным округом, формирует полки, которые рабочий Иваново-Вознесенск посылает на защиту молодой Советской республики. На юг — против Деникина. На запад — против Юденича. На восток — против Колчака. Фронтов хватает.

В один из августовских дней, когда Новицкий вел заседание окружного штаба, в кабинет вошел председатель Иваново-Вознесенского губисполкома Михаил Васильевич Фрунзе.

— Я ваш новый военный комиссар, — представился Фрунзе. И сразу же подсел к столу. — Продолжайте. Я постараюсь быстрее войти в курс дела.

Так бывший подпольщик и бывший царский генерал оказались за одним столом, за одним общим делом.

Новицкий был уже давно наслышан о легендарном подпольщике, ставшем теперь главой Советской власти в Иваново-Вознесенске. Да и можно ли, живя в городе ткачей, не узнать множества необыкновенных историй об Арсении!

Встретил Федор Федорович нового комиссара с уважением, но все-таки немного отчужденно: одно дело — революционная борьба и совсем другое — военная служба. И каково же было удивление Новицкого, когда он вдруг обнаружил, что комиссар совсем недурно разбирается в военной теории, читал в подлиннике

труды немецких, французских, английских, итальянских авторов.

При всей своей деликатности Новицкий не удержался, спросил:

— Где вы изучили итальянский? Бывали в Италии?

— Кроме Швеции, где прожил всего две недели, нигде за границей не бывал, — ответил с сожалением Фрунзе. — А языки... Знаете, их можно изучить дома, в России, если есть несколько лет абсолютно свободного времени.

Новицкий догадался, что значит «абсолютно свободное время».

В самой вежливой форме, исподволь, Федор Федорович «гонял» комиссара чуть ли не по всему курсу Академии генерального штаба. «Нет, это удивительно, — думал он. — Какая память, какое умение сразу выделить самое главное».

А самому ему приходилось порой туго — Фрунзе засыпал Федора Федоровича вопросами уже не по теории военного дела, а по управлению войсками, по организации штабной работы.

«Да, у него незаурядное военное дарование!» — размышлял Новицкий после бесед с комиссаром.

Близкой дружбы у них не было — такой, как у Фрунзе со старыми товарищами по революционной борьбе. Но все чаще оба с тревогой обсуждали, как складывается положение на фронтах. Особенно на Восточном, где Колчак уже перешел через Урал и теснил красных к Волге.

— Выпроситься бы на фронт! — возбужденно говорил комиссар. — Мне бы полчишко конной...

Новицкий уже не удивлялся. Видел он своего комиссара в седле: прирожденный кавалерист! Но зря

он скромничает. Ему не только полк можно доверить, а бригаду и, может быть, даже армию.

...Бывший царский генерал Новицкий был, пожалуй, первым, кто увидел в бывшем подпольщике Михаиле Васильевиче Фрунзе выдающегося полководца.

В Реввоенсовете республики Новицкому сказали:

— Вас назначаем командующим армией. Фрунзе — членом Реввоенсовета.

— Разрешите возразить? — отвечал Новицкий. — Фрунзе должен командовать армией, я согласен быть у него начальником штаба.

Не было еще такого в молодой Советской республике, чтобы командующим армией назначали человека, не имеющего военного опыта. «Пусть Фрунзе едет на фронт комиссаром», — настаивали в Реввоенсовете.

Фрунзе спорить не стал — комиссаром так комиссаром. Только бы отпустили на фронт.

Но совсем неожиданно для него в Центральном Комитете партии решили: Фрунзе назначить командующим.

26 декабря 1918 года приказом Реввоенсовета республики Михаил Васильевич Фрунзе был назначен командующим 4-й армией Восточного фронта, командармом-4, как тогда принято было называть.

С этого дня началась его действительная военная служба.

— Федор Федорович, — спросил он Новицкого, — не будем говорить обиняками. Скажите по-военному, по пунктам: почему вы отказались командовать армией? Почему настаивали, чтоб назначили меня?

Новицкий ответил, глядя прямо в глаза:

— Не решился взять на себя ответственность как бывший офицер царской армии, к которому бойцы будут относиться с недоверием. Это раз. Убежден, что вы отличный организатор. Это два. Верю в ваш военный талант. Это три.

КОМАНДАРМ-4

По частям 4-й армии Восточного фронта пронесся слух, что едет новый командующий, бывший царский генерал фон Фрунзе.

В ту пору по всему Заволжью разгулялись бураны. Морозы стояли такие лютые, что не нальешь воды в кожух пулемета — она сразу превращается в лед.

Никакого перемирия между красными и белыми, конечно, быть не могло, но все же военные действия временно приостановились, части засели по деревням и станицам. Красные больше по деревням, где жил народ победнее, а белые — по богатым казачьим станицам.

Бойцы отдыхали, дисциплина кое-где ослабла, и этим воспользовались кулацкие сынки, которых немало было среди мобилизованных в Красную Армию крестьянских парней.

Когда пришел приказ начать наступление на белых, в одном из полков 4-й армии вспыхнул бунт. Взбунтовавшиеся убили командира полка и комиссара. На переговоры с полком приехали товарищи из Реввоенсовета армии.

Они были зверски растерзаны...

Михаил Васильевич Фрунзе прибыл в штаб 4-й армии дней через десять после этих трагических собы-

тий. Вместе с ним приехал новый начальник штаба Федор Федорович Новицкий.

— В такой ситуации я вам не советчик, — признался Новицкий. — Во всем своем прошлом военном опыте не нахожу примера, как должен поступить военачальник, когда противник нажимает, а наша армия бурлит, митингует и совершенно не готова принять бой.

С немалым беспокойством ждал Новицкий, с чего начнет Фрунзе, как будет действовать в такой отчаянной, опасной ситуации. А новый командарм-4 всего лишь пару дней пробыл в штабе армии, стоявшем в Самаре. Выслушал сообщения штабистов и приказал закладывать сани: он поедет в Уральск.

— Не советую, — предупредил бывший начальник штаба. — Как раз в Уральске самые ненадежные, самые недисциплинированные части. Мало ли что может случиться...

— Я приехал командовать, а не заливать штаб слезами, — резко ответил Фрунзе.

Выехали без охраны, втроем: Фрунзе, Новицкий и адъютант командарма.

Ехали, завернувшись с головой в длинные косматые тулупы. На ночлег останавливались в селах. Михаил Васильевич подолгу расспрашивал хозяев о том, сколько у кого земли, сколько скота.

— Зачем вам все это? — спрашивал Новицкий.

— Надо знать условия, в которых воюем, — отвечал Фрунзе. — В этой войне придется брать не только высоты и водные рубежи. Гражданская война идет внутри каждой деревни. Кстати, вы обратили внимание? Все деревни здесь в низинах, а казачьи стани-

цы — на пригорках. Как крепости стоят; убежден, что у них сверху вся степь пристреляна.

В стороне от дороги они увидели занесенную снегом землянку с плоской крышей.

— Сюда заезжать не стоит, — сказал возница. — Здесь зимовка киргизов *.

— Почему же не стоит? — оживился Михаил Васильевич.

Сани свернули к зимовке. Навстречу кинулись злые тощие собаки. Приоткрылась дверь, запахло кислым молоком и овечьей шерстью. Выглянул хозяин, развел руками: мол, по-русски не понимаю.

— Аман ба? — приветствовал его Михаил Васильевич на киргизском языке, знакомом с детства.— Мал, джан аман ба? Кол, аяк тынш ба? **

— Аман, аман... — обрадовался хозяин зимовки и засуетился, захлопотал, приглашая в дом.

Михаил Васильевич долго разговаривал с ним. Про пастбища, про то, какую весну предсказывают старики.

В Уральск они приехали ночью. Нового командарма никто не встречал. По всему городу шла неугомонная беспорядочная пальба.

— С кем перестрелка? — спросил Фрунзе встретившегося красноармейца.

— Огонь по богу! — засмеялся тот. — Празднуем!

Новицкий ужаснулся.

— Послушайте, они же миллионы патронов за ночь выпустят!

Командарм и его спутники переночевали в гости-

---

* До революции киргизами называли и казахов.

** Здоров ли ты? Здоров ли твой скот? Все ли в порядке? (Обычные приветствия при встрече.)

нице. На другой день Фрунзе приказал вывести на смотр все части Уральского гарнизона.

В Уральске стояли две бригады. Командир одной из них, Иван Плясунков, был молод, всего 23 года, и имел привычки самые партизанские. Дисциплины не признавал и старался держаться с бойцами по-свойски, чтобы никак не походить на офицера — настрадался он сам от этих офицеров, когда служил в царской армии. Однажды случилась с Плясунковым даже вот какая история. Когда бригада стояла на отдыхе в одной из деревень, красноармейцы, чтобы размяться, затеяли «стенку» — жестокий кулачный бой. Плясунков и не подумал запретить «стенку». Наоборот, кинулся в самую гущу, чтобы показать и силу свою, и отвагу, и крепость кулаков.

При таком характере, конечно, человеку не очень по душе само слово «смотр». Какое-то старорежимное генеральское слово. «Похоже, — думал Плясунков, — что этот Фрунзе и вправду «фон» и вправду бывший генерал».

А назавтра Плясункова с утра взяла горькая обида. Он получил приказ отправить в штаб взятый им в бою у белых военный оркестр — голосистые сверкающие трубы, гулкий барабан, звонкие литавры. Пушку и ту было бы ему легче отдать, чем оркестр.

Мрачный выехал Плясунков во главе бригады на городскую площадь. Там ему указали место на левом фланге. «Почему на левом? — возмутился он. — А кто на правом стоит? Мы Уральск брали — нам и правый фланг».

Обида на обиду. И вот уже показалось Плясункову, что он целый час тут на площади, на лютом морозе стоит. А генерала нет и нет. Да чего его ждать!

Плясунков приподнялся на стременах, скомандовал своей бригаде:

— По квартирам марш!

Бригада ушла. Другие части остались на площади. В назначенный час появился командарм и приказал начать смотр. Части вразброд двинулись мимо сидящего на коне командарма.

После смотра Фрунзе собрал командиров:

— В частях нет порядка, нет дисциплины. Кто разрешил уйти одной из бригад?

Командиры смотрели на Фрунзе неприязненно: «Нечего заводить у нас старорежимные порядки, смотры и парады. Не царское время. В бою мы не подведем, а маршировать перед его превосходительством не желаем».

Плясункову, конечно, рассказали, что новый командарм им недоволен. На другой день к Фрунзе прискакал ординарец из бригады Плясункова, привез запечатанный пакет:

«Срочно. Секретно. Предлагаю прибыть на собрание командиров для объяснения по поводу ваших выговоров нам за парад».

— Передай, что ответа не будет, — сказал Фрунзе ординарцу.

Через два часа тот снова прискакал со второй запиской: «Требуем, чтобы командарм явился на собрание».

Командарм приказал седлать коней. Новицкому предложил остаться. С собой взял только адъютанта.

В городе продолжался беспорядочный огонь «по богу». У штаба бригады никто не встретил нового командарма. Адъютант привязал коней и следом за Михаилом Васильевичем поднялся на высокое крыльцо.

В большой комнате было накурено до синевы. Над единственной лампой поднимался столб копоти.

Когда Фрунзе вошел, все сразу замолчали. Плясунков не скомандовал «встать», не подошел с рапортом. Всем видом показал, что Фрунзе ему не командир.

Командарм сел на скамью.

— Кажется, я кого-то перебил? Продолжайте.

И тут как прорвалось. Закричали, перебивая друг друга:

— Мало вас учили! Царским генералам подчиняться не хотим.

Кто-то демонстративно тащил шашку из ножен, кто-то расстегнул кобуру револьвера. Плясунков со злорадной усмешкой следил за командармом: сейчас заюлишь, ваше превосходительство, запросишь прощения!

Адъютант на самом деле испугался за командарма. Черт их знает, кто там сидит по темным углам, с какими мыслями, с каким тайным заданием от белых. А Михаил Васильевич как нарочно подошел ближе к лампе — весь на свету.

— Я прибыл сюда не как командующий армией. Командующий на такие вызовы не является. Я пришел как коммунист. Пришел, чтобы сказать: самым беспощадным образом буду бороться за дисциплину. Без дисциплины — нет и не может быть армии!

Он помолчал. Тишина была напряженная. И тогда командарм, чуть подавшись вперед, закончил:

— Я в ваших руках. Можете сделать со мной что хотите. Но предупреждаю: если еще раз получу такое приглашение, как сегодня, буду считать это самым тяжким воинским проступком, заслуживающим самого сурового наказания.

Стало тихо. В такие мгновения люди раз и навсегда принимают решение. С кем они. За кого. Против кого. Во имя чего.

В такие мгновения испытывается и воля тех, кто берет на себя право распоряжаться судьбами, жизнями тысяч людей. Фрунзе это знал. Ради этого пришел сюда. Пришел, чтобы сразу дать бой анархии, разваливающей 4-ю армию.

Еще не было сказано в ответ ни слова. Но если прятался где-то в углу предатель, то час свой он упустил. Напряжение исчезло. Командарм по-деловому начал рассказывать, какое положение во всей стране, какое на Восточном фронте. Теперь Фрунзе говорил уже не резко, как вначале, а доверительно, спокойно и очень для всех понятно. Когда командарм кончил, какой-то голос, совсем мальчишеский, спросил:

— Кто вы? Генерал или коммунист?

Командарм засмеялся. Он не притворялся, что ему смешно, а хохотал от души, взявшись руками за ремень.

Мальчишеский голос настаивал, и командарм, чуть хмурясь, коротко рассказал о себе. Почему у него такая фамилия? По отцу, молдаванину. Где был в германскую войну? На Западном фронте. Где учился военному делу? На Пресне. Еще вопросы есть?

Вопросов не было. Командиры с восхищением смотрели на Фрунзе.

— Тогда до свидания, товарищи, — Михаил Васильевич пошел к дверям. Все вскочили, а Иван Плясунков отчаянно гаркнул: «Смирно!»

Фрунзе и его адъютант вернулись в штаб за полночь. Федор Федорович Новицкий выслушал рассказ

возбужденного адъютанта и пошел к Михаилу Васильевичу.

— Я старый службист, — начал Новицкий. — Для меня дисциплина — это все. Но откуда такое уважение к дисциплине у вас, у... — Новицкий замялся.

— Продолжайте... — кивнул с усмешкой Фрунзе. — У беглого каторжника?

И потом сказал очень, очень серьезно:

— В большевистской партии дисциплина посуровей и построже, чем военная.

...История эта будет неоконченной, если не рассказать, как жил дальше и как погиб отчаянный человек Иван Плясунков.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Ивана Плясункова, не встреться он с Михаилом Васильевичем Фрунзе. При таком горячем нраве мог бы Плясунков навсегда проститься с Красной Армией. Но Фрунзе никогда не вспоминал больше про дерзкую выходку молодого командира.

После Плясунков бывал еще во многих боях. В 1921 году часть, которой он командовал, очищала Тамбовщину от кулацких банд. Иван Плясунков попал в засаду и, окруженный бандитами, застрелился, чтобы не попасть им в руки.

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ 4-Й АРМИИ
№ 40/9

31 января 1919 г.

Приказом РВСР от 26 декабря 1918 г. за № 470 я назначен командующим 4-й армией...

Товарищи! Глаза тыла, глаза рабочих и крестьян всей Рос-

сии прикованы к вам. С замиранием сердца, с трепетом в душе следит страна за вашими успехами. Не для захватов чужих земель, не для ограбления иноземных народов послала вас, своих детей, трудовая Русь под ружье.

Здесь, на фронте, решается сама судьба рабоче-крестьянской России; решается окончательно спор между трудом и капиталом. Разбитые внутри страны помещики и капиталисты еще держатся на окраинах, опираясь на помощь иностранных разбойников. Обманом и насилием, продажей Родины иностранцам, предательством всех интересов родного народа они все еще мечтают задушить Советскую Россию и вернуть господство помещичьего кнута.

Они надеются на силу голода, который выпал на долю центральных губерний вследствие отторжения от богатых хлебом окраин. Напрасные упования!

Сильные духом и верой в правоту своего дела — рабочие и крестьяне России идут неуклонно своим путем, и они уже не одиноки в борьбе...

И это наше дело, товарищи, дело Рабоче-Крестьянской Красной Армии! Еще одно-два усилия, и враг будет разбит окончательно.

Под сень красных знамен социалистической Советской России вернутся все ее окраины, и работники города и деревни возьмутся за мирный спокойный труд. Страна жаждет исцеления от мук голода и холода, она ждет хлеба и мира от своей армии.

Вступая ныне в командование 4-й армией, я уверен в том, что сознание важности и святости лежащего на нас долга близко сердцу и уму каждого красноармейца.

Невзирая на все попытки черных сил посеять рознь и смуту в ее рядах, армия должна пробить дорогу к хлебу, хлопку, железу, нефти и углю, должна проложить тем самым путь к постоянному прочному миру. Я надеюсь иметь в каждом из вас верного товарища и сотрудника по исполнению этой великой задачи, возложенной на нас страной. Чем дружнее будет наш напор, тем ближе желанный конец.

Я надеюсь, что совокупные усилия всех членов армии не дадут места в рядах ее проявлениям трусости, малодушия, лености, корысти или измены. В случае же проявления таковых суровая рука власти беспощадно опустится на голову тех, кто в этот последний решительный бой труда с капиталом явится предателем интересов рабоче-крестьянского дела.

Еще раз приветствую вас, своих новых боевых товарищей, и зову всех к дружной, неустанной работе во имя интересов трудовой России.

Командующий 4-й армией, член Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, бывший окружной военный комиссар Ярославского военного округа Михаил Михайлов-Фрунзе.

НАЧДИВ-25

Из Москвы на имя командующего 4-й армией пришла такая бумага:

Прошение

Прошу Вас покорно отозвать меня в штаб 4-й армии... командиром или комиссаром в любой полк. Преподавание в Академии мне не приносит никакой пользы, что преподают, я это прошел на практике... Прошу еще покорно не морить меня в такой неволе... Я хочу работать и помогать Вам... Так будьте любезны, выведите меня из этих каменных стен.

Уважающий Вас Чапаев

О Чапаеве в 4-й армии говорили разное. Что он человек исключительной храбрости. Что он самодур и никакой дисциплины не признает. И Фрунзе колебался — вызывать или не вызывать Чапаева. Но потом согласился — пусть выезжает в 4-ю армию.

Признаться, он ждал, что увидит лихого чубатого рубаку. И когда однажды заметил в штабе сухощавого подтянутого командира лет тридцати, то никак не мог предположить, что именно этот командир через минуту войдет к нему и по всей форме отрапортует:

— Разрешите представиться. Чапаев. Прибыл в ваше распоряжение.

Фрунзе внимательно приглядывался к Чапаеву. А тот сел картинно, как перед фотографом, поставил меж колен отличную кавказскую шашку в серебре, положив руку на чеканный эфес.

— Вы были посланы в Академию генерального штаба? — расспрашивал Фрунзе. — Почему решили оставить академию?

— С науками справимся потом. Сначала с белыми. По моим расчетам, сейчас самое время наступать.

— А почему сейчас?

— Весна начинается. Распутица. Она Колчака придержит, особенно артиллерию. Тут можно ударить! — и Чапаев повел рукой, показывая, как славно можно ударить.

— Распутица в этих краях долгая! — оживился Фрунзе. — Местные жители говорят, что месяц, а то и больше. Хорошую обещают нынче распутицу...

— Значит, вы уже спрашивали... — усмехнулся в усы Чапаев.

Разговаривая с Чапаевым, Фрунзе все больше убеждался в том, что Чапаев и есть тот самый командир, который ему сейчас позарез нужен, которого он поставит в острие клина, разрубающего линию белых. И войдет этот клин в колчаковскую армию, как нож в масло...

Фрунзе назначил Чапаева начдивом — начальником 25-й стрелковой дивизии. А комиссаром к нему послал Дмитрия Фурманова, которого знал еще по Иваново-Вознесенску. Фурманов вместе с Михаилом Васильевичем работал в Иваново-Вознесенском Совете, а потом и в военном округе.

В Чапаевскую дивизию направил Фрунзе Иваново-Вознесенский рабочий полк. Бойцы в этом полку были необстрелянные, но Михаил Васильевич верил в своих ткачей. Для него рабочий полк был все равно что гвардия.

Чапаев со своими старыми боевыми товарищами — лихими кавалеристами встретил ткачей насмешками, уж очень потешно ивановознесенцы садились на коней. Но в первом же бою рабочий полк завоевал доверие и уважение начдива. Чапаевские лихие рубаки то устраивали митинги в окопах, то вступали в пере-

бранку с командирами. А у ткачей были четкий порядок и революционная дисциплина.

Поглядывая на ткачей, Чапаев начал подтягивать и другие полки. Именно на это и рассчитывал Фрунзе, когда давал Чапаеву рабочую гвардию.

А вскоре случилось, что с жалобой на Чапаева прискакал один из командиров 25-й дивизии:

— Чапаев застрелил бойца. Без суда. Во всех полках возмущены его самовольством.

Самовольство, самодурство Фрунзе ненавидел.

— Разыщите Фурманова, — приказал он адъютанту.

— Такой случай был... — взволнованно говорил по телефону Фурманов. — Повторяю... Был. Но с жалобой на Чапаева не согласен. Повторяю... Не согласен категорически! Боец не подчинился приказу. Во время боя!.. Чапаев потребовал. Боец вступил в пререкания. Вот-вот могли налететь белые. Чапаев был вынужден стрелять. Иначе из-за этого паникера и труса погибли бы сотни бойцов...

Михаил Васильевич вызвал командира, прискакавшего с жалобой на Чапаева:

— Все, о чем вы написали, вы видели собственными глазами?

— Да! — ответил тот.

Фрунзе испытующе посмотрел на командира:

— На месте Чапаева вы бы так не поступили?

— Разумеется! — воскликнул командир.

— Можете идти.

Командир вышел, уверенно позванивая шпорами. Фрунзе долго сидел один. Потом вызвал адъютанта.

— Доносчика и труса, который только что был у меня, из армии отчислить.

ПРИКАЗ 021

В Заволжье пришла весна — стремительная, как чапаевская конница.

Весна за несколько дней провела разведку — прочертила на белой карте степи черные линии дорог, обозначила проталинами все пригорки, обвела голубыми лунками деревца в небольших степных рощицах. А потом хлынуло обильное весеннее солнце, и вот уже ни пройти ни проехать по дорогам — распутица. Только по ночам топкое месиво сковывал ненадолго мороз, и тогда заледеневшая дорога звенела под конскими копытами как чугун.

Вот такой морозной безлунной ночью мчался по степной дороге всадник, закутанный казачьим башлыком по самые глаза. В его полевой сумке был подписанный Фрунзе приказ 021 — секретный приказ о решительном наступлении, с точными данными о расположении и передвижении всех частей.

Где-то у самой линии фронта его задержал разъезд красных:

— Кто такой? Куда торопишься?

— Комбриг-74, Авалов, — отрывисто бросил всадник.

Посветив спичкой, молодой командир просмотрел документы: все было законно, по форме — Авалов, командир 74-й бригады 25-й дивизии.

— Осторожней, товарищ, — сказал молодой командир. — Тут совсем близко белые.

Не знали красные конники, что при этих словах радостно вздрогнул комбриг Авалов.

Этот человек появился в штабе Фрунзе месяца два назад. Прибыл из Москвы с самыми лучшими рекомен-

дациями. Заявил уверенно, как о чем-то уже решенном там, в Москве:

— Возможно, мне вначале трудненько придется с 4-й армией, но обещаю вам, что не подведу.

— С 4-й армией? — задумался Фрунзе.

Он был тогда только что назначен командующим Южной группой войск и не решил еще, кому доверить свою 4-ю армию. Командиров не хватало — знающих, надежных, дисциплинированных.

Авалов был, бесспорно, знающим. Кадровый офицер царской армии. Уже год, как поступил в Красную Армию. Работал в штабах, командовал боевыми частями. Значит, доверить ему 4-ю армию? Нет... Что-то есть неприятное в этом человеке. Но что?

Михаил Васильевич никогда не отличался излишней подозрительностью. Он был, пожалуй, даже очень-очень доверчив. Умел доверяться самым разным людям, порою даже тем, кому другой на его месте ни за что бы не поверил.

Но вот Авалову Фрунзе сразу не поверил. Не потому, что тот был царским офицером. В штабе Фрунзе работало немало военных специалистов, прежде служивших в царской армии. Первый из них — Федор Федорович Новицкий. И все же Авалова Фрунзе не оставил при штабе и не поручил ему командование 4-й армией, а отправил в 74-ю бригаду, стоявшую в резерве.

Комбриг Авалов бежал в тот самый день, когда в бригаду пришел из штаба приказ о наступлении, державшийся до того в строжайшей тайне. Бежал к своим хозяевам — к белым, твердо веря, что они все равно победят, потому что за ними сила, за них все

правительства Европы, за них богатая Америка. Бежал, рассчитывая, что за выкраденный им приказ будет щедро вознагражден — чинами, карьерой.

В ночной тьме удалось ему проскочить мимо красных застав. И вот уже перед ним солдаты в суконных английских шинелях, в крепких сапогах, с отличными винтовками, с подсумками, полными патронов. Белые. И, вспомнив тех, от кого он бежал — оборванных, разутых, с патронами в обрез,— Авалов усмехнулся.

Его повезли в штаб Колчака. По дороге он видел катившие на запад воинские эшелоны, пушки на платформах, броневики. Штаб Колчака размещался в специальном поезде. На комфортабельных вагонах поблескивали новенькие таблички: «Кунгур — Уфа — Москва». У поезда был праздничный триумфальный вид. Казалось, он без всяких задержек пройдет по намеченному маршруту до самой Москвы.

В салон-вагоне у карты, разостланной на большом столе, офицеры разбирали доставленный Аваловым приказ Фрунзе. Чуть поодаль стояли иностранные советники Колчака — английский и французский генералы. Авалова подвели к ним. Он беседовал с иностранными советниками, а меж тем его тонкий слух опытного штабиста улавливал, что спор офицеров у карты становится все напряженней.

Генералы подошли к спорящим:

— Как складывается обстановка? О, это, кажется, очень опасно?..

Тревога из салон-вагона распространилась по всему поезду. Спешно писались и переписывались приказы. Отменялись вчерашние распоряжения, давались новые.

Пять дней оставалось до срока, намеченного Фрунзе для наступления, и колчаковский штаб спешил перебросить части туда, куда нацелился красный командарм.

Пять дней...

Стоя навытяжку перед Колчаком, Авалов без запинки отвечал на вопросы: как вооружены армии Южной группы, каков командный состав, сколько конницы, достаточно ли у красных обозов, чтобы продвигаться вперед.

Вбежал адъютант Колчака:

— Срочная депеша! Фрунзе начал наступление!..

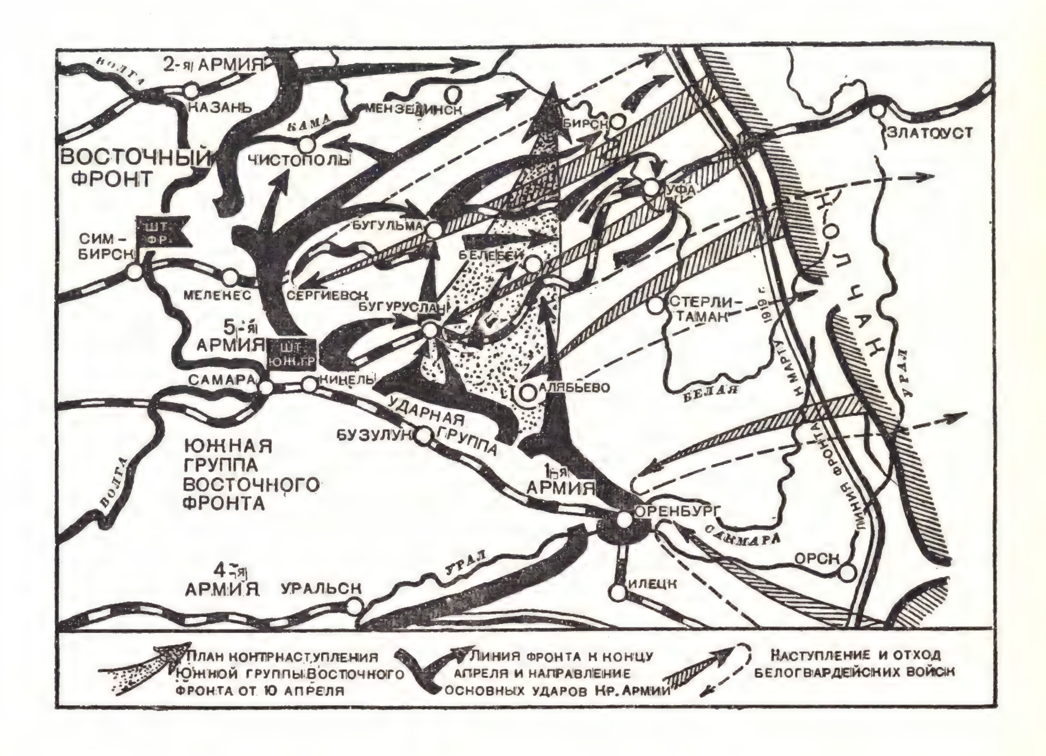
Вспыхнувшая с новой силой штабная суета вытолкнула на перрон уже никому не нужного Авалова.

Фрунзе начал наступление... Значит, обнаружил, что приказ 021 известен штабу Колчака. Торопится, пока белые не успели произвести перегруппировку войск. Начав наступление, Фрунзе выиграл пять дней. Нет, уже не пять, сегодняшний день не считается. Только четыре дня...

Но раз Фрунзе двинул свои войска — значит приказ 021 в основном не изменен. Фрунзе действует по тому самому плану, который лежит на столе у Колчака? Что это? Отчаянная авантюра? Смелый риск? Уверенность?

РАЗГОВОР У КАРТЫ

По карте, которая здесь дана, не воюют. Не такая была в штабе Фрунзе. Не такую поспешно вычерчивали в штабе Колчака. Те — настоящие военные

ВОЛГА
2-я АРМИЯ
КАЗАНЬ
КАМА
МЕНЗЕЛИНСК
БИРСК
ЗЛАТОУСТ
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
ЧИСТОПОЛЬ
УФА
БУГУЛЬМА
СИМБИРСК
ШТ. ФР.
БЕЛЕБЕЙ
МЕЛЕКЕС
СЕРГИЕВСК
БУГУРУСЛАН
СТЕРЛИТАМАК
5-я АРМИЯ
ШТ. ЮЖ. ГР.
САМАРА
КИНЕЛЬ
АЛЯБЬЕВО
БЕЛАЯ
КОЛЧАК
УДАРНАЯ ГРУППА
БУЗУЛУК
ЮЖНАЯ ГРУППА ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
ВОЛГА
1-я АРМИЯ
ОРЕНБУРГ
ЛИНИЯ ФРОНТА К МАРТУ 1919 г.
УРАЛ
САКМАРА
ОРСК
4-я АРМИЯ
УРАЛЬСК
ИЛЕЦК
План контрнаступления Южной группы Восточного фронта от 10 апреля
Линия фронта к концу апреля и направление основных ударов Кр. Армии
Наступление и отход белогвардейских войск

карты — очень сложны, без специальной подготовки в них не разобраться. А это общая упрощенная схема контрудара, нанесенного Южной группой войск Восточного фронта, которой командовал Фрунзе.

Многие военные специалисты считали тогда, что Красной Армии не под силу удержать Колчака, что надо отходить за Волгу — она и есть тот естественный рубеж, который остановит белых.

Уйти за Волгу? А как потом форсировать эту широчайшую из российских рек? Не станет ли она непреодолимым рубежом и для Красной Армии?

Фрунзе был убежден, что план отхода за Волгу неверен, что Красная Армия может нанести Колчаку решительный контрудар, нацелившись с юга против основных наступающих частей Колчака и вложив в контрудар все свои главные силы.

Замысел Фрунзе привлекал своей смелостью начальника штаба Федора Федоровича Новицкого. Но опытному штабисту казалось рискованным сосредоточивать главные силы на одном участке, ослабив все остальные.

— А если белые в это время захватят Уральск, Оренбург?

— Уральск и Оренбург продержатся! — отвечал Фрунзе осторожному начальнику штаба.

— Как? Вы же заберете оттуда основные силы.

— Уральск и Оренбург — рабочие, пролетарские города. С большими революционными традициями. Это крепости, которыми белым не овладеть.

— А почему вы решили нанести удар шестому корпусу белых?

— Разведка сообщила, что этот корпус состоит из

насильно мобилизованных крестьян. Они воевать не хотят.

...Революционные традиции городов. Настроение насильно мобилизованных крестьян. Все это Новицкий раньше назвал бы политикой, не имеющей никакого отношения к высокому искусству стратегии. Теперь же он понимал, что у него на глазах рождается новая стратегия — революционная.

28 апреля 1920 года Южная группа войск начала наступление.

Михаил Васильевич Фрунзе — невоенный человек, ведущий первое в жизни грандиозное сражение, знающий, что его планы известны врагу, — уверенно осуществлял свой стратегический замысел.

Посмотрите: на схеме боя стрелы летят точно в цель, повторяя направление главного удара, намеченное полководцем.

Победно была завершена Бугурусланская операция.

За ней — Белебейская.

Потом — Уфимская.

Не сдались рабочие крепости — Уральск и Оренбург...

К зиме Колчак был отброшен за Урал.

«Контрудар по Колчаку, осуществленный М. В. Фрунзе, — писал много лет спустя Ф. Ф. Новицкий, — представляется настолько искусным, а результаты его явились настолько большими, что, не будь впоследствии победных операций на Туркестанском и особенно на Южном фронтах, все равно за М. В. Фрунзе была бы обеспечена слава великого пролетарского полководца».

БОЙ ЗА УФУ

Из приказа войскам Туркестанской армии
№ 012
30 мая 1919 г., 22 часа 15 минут
Бугуруслан

«...25-й стрелковой девизии, выйдя на участок от устья р. Дема до Красный Яр, огнем батарей, прекратив всякое движение по реке и железной дороге в тылу города, стремиться взять Уфу с налета на плечах противника...»

Командующий Южной группой войск
и Туркестанской армией М. Фрунзе

По разъезженным степным дорогам Фрунзе на трофейном автомобиле ехал к чапаевцам. Автомобиль то и дело увязал в грязи. Фрунзе и его спутники выбирались из машины, дружно, с «Дубинушкой» тащили ее на руках.

Фрунзе уже знал, что 25-я дивизия захватила плацдарм на левом берегу реки Белой, у села Красный Яр. По ту сторону реки была Уфа. Там сосредоточены отборные офицерские части, вокруг города возводятся укрепления. Но самый трудный рубеж на подступах к Уфе — река Белая...

В штаб 25-й дивизии Фрунзе приехал 6 июня. Штаб стоял в деревушке Авдон, неподалеку от Красного Яра.

Чапаев доложил обстановку. Как всегда, без бумажки, на память, называл деревушки, дороги, число бойцов в каждом полку...

— Как понимаете свою задачу? — спросил Фрунзе.

— Форсировать Белую лучше всего у Красного Яра. Река после весеннего разлива еще в свои берега не вошла. Ширина у нее метров полтораста-двести. Нам удалось захватить небольшой пятачок на том берегу. Переправочных средств никаких не было. Решили было использовать подручные. Да, спасибо, выручили наши

кавалеристы. Захватили на реке два парохода. Значит, на пароходах и переправимся...

— Задачу свою понимаете правильно, — одобрил Фрунзе. — Какие новые данные есть у разведки?

— Да, полагаем, что белых тут, на Уфимском направлении, против нас тысяч сорок. Орудий у них полтораста, пулеметов не меньше как семьсот...

Чапаев докладывал не без хвастовства. А почему бы ему и не похвастать перед командармом? У кого еще такая разведка, как в 25-й стрелковой! И кто еще может преподнести командарму вот такую занятную штуку:

— А еще перехватили наши разведчики распоряжение Колчака: в случае, если белым удастся взять в плен командующего красных бывшего полковника генерального штаба Михайлова, по нынешнему прозвищу Фрунзе, то означенного Михайлова, изменившего присяге, данной царю, надлежит немедленно препроводить к самому Колчаку...

— Скажи-ка, — покрутил головой Фрунзе. — Это, значит, я, по их мнению, полковник генерального штаба? Лестно! Очень лестно!

К вечеру в штабе дивизии собрались командиры бригад и полков. Все до самой мелочи было обсуждено и взвешено на этом совещании.

— Начдив будет лично руководить переправой, — сказал Фрунзе. — Командовать полками за рекой назначен комбриг Иван Кутяков.

Ночью Фрунзе, Чапаев и Кутяков поехали на берег Белой. Дул холодный ветер, он гнал по темной воде светящуюся зыбь. Грозной тенью навис над рекой противоположный берег.

— На редкость удобная позиция у белых, — раз-

мышлял Фрунзе. — А у нас? Вся надежда — на неожиданность удара. Операция рискованная, но единственно возможная... Уфа — ключ ко всей Сибири...

Чапаев и Кутяков молча стояли рядом. Оба понимали — тем, кто первым высадится на том берегу, предстоит на рассвете вступить в неравный бой и стоять насмерть, чтобы смогли переправиться другие полки. Но ни Чапаев, ни Кутяков еще не знали об одном важном решении, которое принял в эту ночь Фрунзе. А решение складывалось очень последовательно. Сначала Фрунзе взял на себя командование Туркестанской армией, потому что она вышла на решающее направление. Затем отправился в 25-ю дивизию, потому что она была острием армии. Теперь он считал, что ему непременно надо самому быть на том берегу, на решающем участке битвы за Уфу, в самом кончике нацеленного на белых острия.

В ночь на 8 июня началась переправа через реку. А когда стало светать, артиллерия красных открыла огонь по проволочным заграждениям, по окопам белых.

Фрунзе, верхом на коне, следил в бинокль, как на том берегу вспыхивают разрывы снарядов. Но вот смолкли пушки. Цепочки красных бойцов поднялись, пошли в штыковую атаку. Белые бросили свои окопы, начали отходить к лесу.

Меж тем над переправой появились вражеские аэропланы. Свесившись за борт, белые летчики швыряли бомбы, стремясь попасть в пароходы. Реку заволокло густым дымом. Красным удалось переправить под его завесой пароходы с четырьмя броневиками на палубах, но броневики, съехав на рыхлый песчаный берег, опрокинулись вверх колесами.

— Эх! — махнул рукой стоявший рядом с Фрунзе Чапаев. — Подвели нас броневики. Белые сейчас придут в себя, двинут в атаку.

Фрунзе взглянул на часы: шесть утра. Пора и Кутякову и ему переправляться на тот берег.

Чапаев остался на переправе, а Фрунзе и Кутяков, ведя в поводу коней, поднялись на пароход, и вскоре Чапаев увидел обоих скачущими вдоль того берега в сопровождении ординарцев.

...Иваново-Вознесенский полк уже много раз пытался пойти в атаку, но свинцовый дождь прижимал бойцов к земле. Кончились патроны.

А белые пошли в контратаку. За цепью солдат шагали офицеры, они пристреливали каждого, кто отставал от цепи.

— Утопить красных! Сбросить в реку!

Командир и комиссар рабочего полка поднялись во весь рост:

— Ни шагу назад! Принять в штыки!

Но дрогнул рабочий полк. Ивановознесенцы начали отходить к реке.

Вдруг им навстречу из-за косогора вырвались всадники. На полном скаку спрыгнул один из них с коня, выхватил у кого-то из отступавших бойцов винтовку:

— За мной! В атаку!

Бойцы узнали командарма и со штыками наперевес повернули на белых. Впереди, чуть прихрамывая, бежал с винтовкой командарм.

Белые остановились, начали пятиться.

Кутяков видел, как Фрунзе с одним лишь батальо-

Командующий Восточным фронтом.

ном продолжал преследовать врага. Цепь бойцов скрылась за гребнем холма. Оттуда доносились крики «ура!», беспорядочные выстрелы.

Из-за гребня показался всадник. Кутяков по посадке издали определил: Фрунзе. А командарм подскакал веселый, разгоряченный, за плечами — две винтовки.

— Видал трофеи? — спросил он Кутякова. — Сам взял! — И тут же принялся торопить комбрига. — Почему не развиваете наступление?

— Подтягиваем резервы, — сурово отвечал Кутяков. Не хотелось ему показывать, как он тут переволновался за командарма. — Это надо же! С одним батальоном в штыки против целого полка!

Конечно, понимал комбриг, что не зря Фрунзе рисковал собой, не зря сам повел бойцов в штыковую атаку. Весь бой за Уфу переломился в тот миг, и повернулась военная удача к красным.

Фрунзе поспешил к переправе. Надо было торопить артиллерию скорее перебираться на правый берег, чтобы гнать отступавшего врага, не давая передышки.

Над переправой по-прежнему вились аэропланы белых.

Два аэроплана скользнули на бреющем полете навстречу командарму, скакавшему к реке в сопровождении ординарцев. Пудовая бомба ударилась о землю за спиной Фрунзе. Коня разорвало на куски, командарма взрывом отбросило в сторону.

Фрунзе, шатаясь, поднялся на ноги. Ему подвели другого коня. Подоспевший Чапаев не хуже доктора поставил диагноз: рана пустяковая, зато контузия сильная. Он с трудом уговорил командарма отпра-

виться в Красный Яр. Фрунзе в полубеспамятстве уверял, что ему надо быть здесь, надо оставаться в строю.

Еще сутки длился бой за Уфу. 9 июня, к исходу дня, полки 25-й стрелковой дивизии вошли в город. За Уфимскую операцию многие бойцы и командиры были награждены орденом Красного Знамени. Первый орден революции был вручен и Михаилу Васильевичу Фрунзе.

ДОРОГА В ТУРКЕСТАН

Две дороги открылись перед Красной Армией после победы над Колчаком. Одна — в Сибирь. Другая — в Туркестан. Был создан новый фронт — Туркестанский. Командующим фронтом назначили Михаила Васильевича Фрунзе.

Фрунзе вызвали в Москву, к Ленину. Владимир Ильич сказал ему, что теперь перед Туркестанским фронтом стоит новая задача — очистить Советский Туркестан от контрреволюционных банд, за спиной которых стоят английские империалисты.

...Поезд командующего Туркестанским фронтом шел в Ташкент. За окном вагона тянулись бескрайние заснеженные степи. Стучали колеса, вагон покачивало. На столе командующего лежали книги по военному делу, по истории Туркестана, записки путешественников и даже коран — священная книга мусульман.

Каждый день в вагоне командующего собирались товарищи, ехавшие в Ташкент на военную и мирную работу. Михаил Васильевич читал им лекции о Туркестане, рассказывал о народных обычаях. У карты

с указкой в руках разбирал он во всех подробностях походы Александра Македонского, Чингисхана, Тимура.

И вот уже позади заснеженные степи. За окном ташкентская зеленая, буйная весна.

Фрунзе вышел на площадку вагона, невольно сощурил глаза: отвык он от этой южной яркости красок! А ветер какой теплый! Ветер его детства. Где-то совсем близко родной дом. Сколько лет прошло, как он уехал отсюда? Шестнадцать? Почти половина всего, что прожито... И столько же лет не виделся с матерью. А она его не раз уже считала погибшим... После смертного приговора. После побега из ссылки, когда он под чужим именем был на Западном фронте и не мог ни строчки послать матери. Потом, в 1917 году, он написал ей из Шуи. Мать жила в Верном с младшей из дочерей — с Лидой. А Костя был в Пишпеке — доктор К. В. Фрунзе, всеми уважаемый и почитаемый. Но теперь где все они? Что с ними? Два года Верный был отрезан от центра. Два года ни туда, ни оттуда не доходили вести.

Ташкент встречал командующего со всеми военными почестями. Приложив руку к короткому козырьку фуражки, Фрунзе шел мимо бойцов караула, замерших в четком строю. Впереди стояла группа командиров. Но кто это рядом с ними?

Дрогнула поднесенная к козырьку рука, но командующий шагал все так же ровно, глядя в упор на человека, стоящего рядом с командирами. Костя! Старший брат!

Только приняв рапорт, только познакомившись с новыми ташкентскими товарищами, он сквозь окружившую его толпу прошел к брату:

— Где мама? Она приехала с тобой?

— Мама в Верном. И Лида с ней. Я не решился вызвать их в Ташкент. По нашим дорогам очень опасно ездить. Еще столько белых банд бродит...

Ты же знаешь, Верный все время был осажден белыми. Только недавно их отбросили. Сейчас говорят, будто атаман Анненков узнал, что в городе мать Михайлова-Фрунзе, потому так и рвался к Верному.

— А мама догадывалась, что ей грозит?

— Нет. Она считала, что ты в Шуе или в Иваново-Вознесенске. Я тоже так думал. Нам всем даже в голову не приходило, что ты можешь стать военным.

— Правда? — рассмеялся Михаил Васильевич. — Даже в голову не приходило?

Это ему очень понравилось. Воюешь, воюешь, а дома ничего не знают.

В вагоне командующего братья проговорили допоздна, заново привыкая друг к другу. Последний раз Константин Васильевич видел младшего брата на коротком свидании в сводчатой темной комнате Владимирской тюрьмы. Оба считали свидание прощальным. Константина Васильевича мучило ощущение своей вины перед матерью, перед покойным отцом. Они доверили ему воспитание маленького Миши, а он не уследил...

И вот теперь старший брат пристально и удивленно вглядывался в младшего. Что-то солдатское появилось во всем его облике: волосы ежиком, густые, с острыми кончиками усы кавалериста. Широкие плечи обтягивает гимнастерка грубого сукна с красными поперечными полосами. Движения скупые, речь короткая — видно, привык, что любое распоряжение испол-

няется сразу. Да, полководец. Знаменитый. Говорят — великий! Но у полководца Мишкины глаза, все такие же ясные, доверчивые. Честное слово, сейчас даже озорные. Вот Мишка снимает со стены ружье — славное охотничье ружьецо. Оказывается, специально вез в подарок старшему брату.

— Я уже привык жить в вагоне, — радуясь встрече, рассказывал Михаил Васильевич. — Никогда не надо укладываться. Всегда все с собой. И в любую минуту можно отправиться в путь... Вот кончим воевать, а я по-прежнему буду жить на колесах. Хорошо!

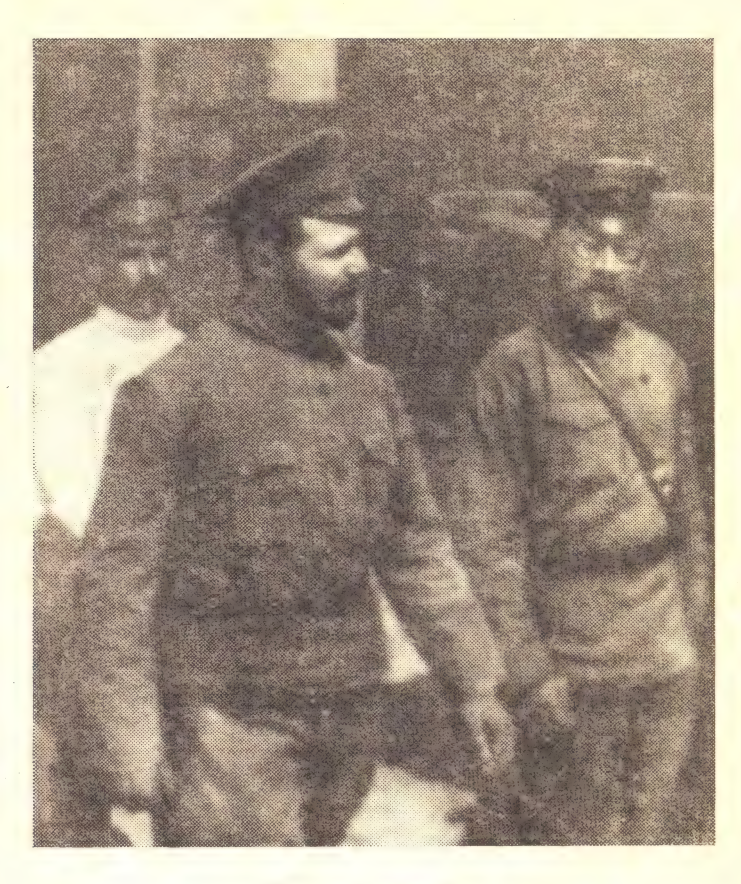
Старший брат молча кивнул головой. Подумал, что настоящего, обжитого дома у Мишки не было с десяти лет. Конечно, можно привыкнуть и к вагону.

А потом Михаил Васильевич сел за письмо к матери. С чего же начать? Как объяснить ей все?

«Дорогая мама! Пишу тебе в первый раз после долгого, долгого перерыва. Ты уже, конечно, знаешь, что я в Ташкенте и состою в роли командующего армиями Туркестанского фронта. Как видишь, я был вынужден силой обстоятельств подвизаться на военном поприще...»

Михаил Васильевич писал, пряча в усах смущенную улыбку. Он уже видел, как мама идет с этим листком к соседкам, чтобы все теперь знали — ее Миша не пропал, не сгинул без вести, а вот каким стал человеком. Красным генералом! Мечтал в детстве генералом быть — так и вышло.

Милая мама... Длинный же путь выбрал твой сын к своей детской мечте. А меч полководца ему вложила в руки революция — только она одна.

Фрунзе и Новицкий.

РАЗВЕДКА БОЕМ

С ташкентского вокзала отправлялся необычный поезд. Впереди — две платформы, обложенные кипами спрессованного хлопка, заменявшими броню. За платформами — бронеплощадка со стальными бортами, в проемы которых глядели дула орудий и пулеметов «максим». К бронеплощадке был прицеплен паровоз. За ним вагон командующего. Замыкали поезд еще две платформы, обложенные кипами хлопка.

Начальник штаба фронта Новицкий, провожавший командующего на вокзале, оглядел поезд неодобрительно.

— Не доверяете этой броне? — спросил Фрунзе, стукнув кулаком по кипе хлопка. — Напрасно. Я пробовал — пуля не пробивает.

— Броня как броня, — проворчал Новицкий. — Но по всему поезду видно, что вы собираетесь угодить в самое пекло.

Фрунзе смущенно покашлял. Проницателен Новицкий. Ничего от него не укроется.

Поезд командующего двинулся в дальний путь. Через цветущие оазисы, через жаркие пески...

Исколесив весь Туркестан, Фрунзе увидел, что и кишлаки и небольшие города жили в черном страхе перед басмачами. Конные отряды басмачей прятались в горах, в глубине пустынь. Они налетали внезапно с пронзительным кличем: «Ур-р! Ур-р!» Грабили, убивали, жгли и снова исчезали. И не каждый скажет — сколько их было, куда ускакали. Знали все — долгая, злая память у басмачей. Отыщут хоть под землей и отомстят...

Гнездовьем басмачей была Ферганская долина, са-

мая богатая в Туркестане. Отсюда тянулись нити и за границу, и в горы Киргизии, и в пески Туркмении.

...Поезд командующего от станции Урсатьевская повернул на восток — к Ферганской долине.

Наманган остался позади. Фрунзе казалось, что он узнает эти места. Не тем ли ущельем спустились когда-то с гор гимназисты, путешествовавшие по заданию географического общества?

Поезд командующего шел все медленнее, медленнее. Машинист пристально вглядывался вперед. На передней платформе уже никто не сидел поверх кип хлопка. Настороженно поворачивались дула пулеметов.

Из раскрытого окна вагона Фрунзе в бинокль осматривал долину. Он увидел совсем близко развалившуюся глиняную муллушку, заросшую бурьяном. «Вот где каракуртов-то уйма», — вспомнилось давнее приключение.

Муллушка по обычаю стояла близ дороги, но эта дорога была почему-то совсем безлюдна. Еще недавно можно было увидеть из окна вагона то старика, пылившего на арбе, то целую ораву смуглых ребятишек, взгромоздившихся на ишака. А тут никого. Словно все попрятались, почуяв что-то неладное.

Стук. Стук. Все тише, все реже постукивали колеса. И вдруг легкий толчок — поезд остановился.

— Впереди разобран путь, — доложили командующему.

Он спрыгнул со ступеньки вагона, пошел по краю насыпи. Бинокль на тоненьком ремешке болтался на груди. У пояса висел маузер.

Путь был разобран совсем недавно. Вывернули рельсы и столкнули их под откос. Придавленные рельсами маки еще не успели завянуть.

— А это что?

Впереди, метрах в ста, стояло на небольшом пригорке длинное одноэтажное здание из красного кирпича с выбитыми стеклами и следами огня на стенах.

— Путевая казарма, — пояснил машинист. — Говорили, что вчера еще целая была.

— И рабочие здесь жили?

— Нет. Тут по всей линии никто не живет — боятся.

— Если нельзя отремонтировать путь, придется возвращаться, — решил командующий.

— Пусть кто-нибудь на задней платформе станет, — попросил машинист.

Поезд покатил назад. Осторожно, как слепой, бредущий на ощупь.

Стук... Стук... Казалось, колеса выстукивают шепотом.

Боец с задней платформы засигналил шапкой. Машинист рванул тормоз.

И с этой стороны рельсы уже были выворочены. Поезд попал в западню. А вокруг по-прежнему было пусто — никого.

Вдруг на горизонте замаячило несколько всадников. Басмачи. На пике развевается зеленое знамя. Всадники в синих и бурых халатах, перехваченных пестрыми кушаками. Головы повязаны красными платками. Это, конечно, разведка. Сейчас появится весь отряд.

Фрунзе спросил красноармейцев из охраны поезда:

— Кто хорошо знает дорогу в Наманган?

— Я! — шагнул вперед один.

— Назначаю вас старшим. Возьмете с собой еще двоих. Ваша задача добраться до Намангана, вызвать подмогу.

Трое по-пластунски поползли в сторону от поезда, скрылись за бугром. Теперь вся надежда на них — чтобы добрались до Намангана.

Фрунзе приказал машинисту двинуть вперед — до самой путевой казармы. Он рассчитывал, что этот маневр очистит дорогу трем гонцам. Ведь басмачи во все глаза следят за поездом и сразу же кинутся за ним.

Так и вышло. Только тронулись — и с той стороны, откуда следил за поездом конный дозор, выкатилась лавина всадников, помчалась наперерез. Разом заговорили пулеметы поезда, несколько басмачей вылетели из седел, рухнули в траву. Весь отряд на мгновение остановился, потом круто повернул и умчался обратно в степь. Там они выстроились для новой атаки. Строй был правильный — такие применялись в царской кавалерии. Фрунзе заинтересованно взялся вновь за бинокль. В пестрой толпе басмачей он разглядел человека в белом кителе с золотыми погонами, в офицерской фуражке. Значит, верно говорят, что среди басмачей немало царских офицеров.

Басмачи опять ринулись в атаку. Уже без бинокля можно было разглядеть искаженные злобой лица, разинутые в крике рты.

«Ур-р! Ур-р!» — накатывался истошный вой басмачей.

— Подпустить поближе! — приказал Фрунзе, оглядывая бойцов, стоявших рядом с ним на бронеплощадке. Он заметил, как побледнели многие из них. Страшная слава была у басмачей. Ведь не просто убьют. Сначала отрубят уши, выколют глаза, вырвут язык.

— Огонь!

Ударили все пулеметы. И снова, круто развернув-

шись, умчалась обратно лавина всадников. Сколько их? Не меньше двухсот. А сначала было около сотни. Собирают силы, потому пока не очень настойчивы в атаках. Только разведывают, как вооружен поезд. Знают, что он от них все равно не уйдет.

Взгляд Фрунзе остановился на толстых кирпичных стенах путевой казармы.

— Пулеметный взвод — за мной!

Он повел пулеметчиков от поезда к казарме. Отсюда, с пригорка, долина была как на ладони. И можно было держать под огнем все подступы к поезду.

Снова атаковали басмачи. И снова откатились, оставив в степи убитых.

Фрунзе увидел, как пулеметчик озабоченно ощупал кожух старого «максима». Жарко. И ствол пулемета накаляется сразу. Хватит ли воды? Хватит ли патронов? И дойдут ли те трое — может, их уже перехватили по пути басмачи...

...В банде, напавшей на поезд, было теперь человек триста. Появился всадник в зеленой чалме, в богатом халате, так и сверкавшем на солнце.

— Курширмат, — вздрогнул боец, стоявший рядом с Фрунзе у окна путевой казармы.

— Кто он такой?

— Главарь этих бандитов. Курбаши по-ихнему. Кривой Ширмат — вот как его имя на русский переводится. У него еще до революции банда была. Конокрад известный. За коней ему глаз-то выбили...

Фрунзе навел бинокль на Курширмата. Увидел медно-красное широкое лицо, багровый рубец на месте глаза, перекошенный рот. Увидел, как Курширмат взмахнул камчой, вытянул по спине одного из басмачей.

«Ну, сейчас он их погонит в атаку!» — подумал Фрунзе.

Басмачи озверело мчались на поезд. Степь была усыпана телами в синих и бурых халатах, конскими трупами. И в каждый наскок басмачей все ближе к насыпи, ближе к поезду падали синие и бурые.

И тогда загудел паровоз. Машинист звал на помощь. Сюда! Сю-да! Ско-рей! Ско-рей! Далеко по степи слышен был, наверное, этот страшный крик паровоза. Он заглушил вопли басмачей, заглушил выстрелы...

Солнце скатывалось все ниже. Вот-вот скроется оно за кромкой дальних гор. А ночь отдаст все преимущества басмачам.

...Еще одна атака. Басмачи ринулись разом со всех сторон, беря поезд в кольцо. Оно сжималось все теснее, теснее. Но вдруг лопнуло, рассыпалось. Отчаянно нахлестывая коней, басмачи удирали в степь. Исчез в клубах пыли сверкающий халат Курширмата, исчез белый офицерский китель.

Это было так неожиданно, что все оторопели.

И тут с той стороны, где садилось огромное расплавившееся за день солнце, показалась скачущая во весь опор красная конница. Значит, добрались те трое до Намангана!

Бойцы высыпали в степь — собрать брошенное басмачами оружие. Принесли и свалили грудой старинные сабли, кинжалы, английские винтовки, с прикладов которых еще не сошел лак. Фрунзе поднял винтовку, повертел в руках. Вспомнились ленинские слова о том, что контрреволюция в Туркестане опирается на помощь англичан. Что ж, помощь явная, без стеснения.

РАЗГОВОР У КАРТЫ

Огромную территорию занимала Туркестанская советская республика. В нее входили нынешний Узбекистан, Таджикистан, Туркмения, Киргизия и часть Казахстана.

Белых из Туркестана к 1920 году уже выгнали. Последним уходил с советской земли атаман Анненков. Он отступал к границе, уничтожая по пути все села и аулы. А у самой границы, в узкой горной долине атаман выстроил свое войско:

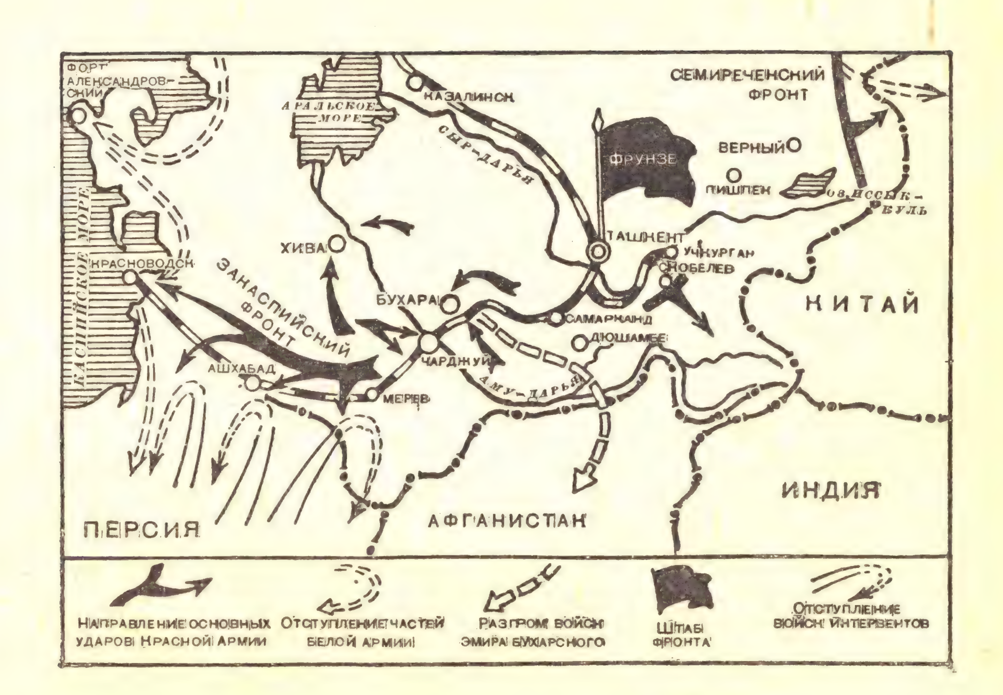
— Кто хочет — пойдет со мной. А кто не хочет — может вернуться домой. Кладите оружие и ступайте с богом.

Многие из тех, кто служил в атамановом войске, решили идти по домам. Чего им, семиреченским казакам, делать на чужой земле! К тому же знали казаки, что командующий Фрунзе обещал прощение каждому, кто придет с повинной. А Фрунзе их земляк, тоже семиреченец. В листовке, попавшей в атаманово войско, так и было написано: «...как командующий всеми вооруженными силами Республики в пределах Туркестанского фронта и сам сын Семиречья... объявляю...»

Для тех, кто не силен был в политике, очень много значило само имя Фрунзе, их земляка. И они решили идти к нему...

Михаилу Васильевичу рассказывали, как все это происходило.

В узкой горной долине, у Джунгарских ворот, ведущих на чужую землю, атаманово войско начало медленно разделяться, раскалываться. К одному краю становились те, что пойдут с атаманом. К другому —

ФОРТ АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
КРАСНОВОДСК
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
КАЗАЛИНСК
СЫР-ДАРЬЯ
СЕМИРЕЧЕНСКИЙ ФРОНТ
ФРУНЗЕ
ВЕРНЫЙ
ПИШПЕК
оз. ИССЫК-КУЛЬ
ТАШКЕНТ
УЧКУРГАН
СКОБЕЛЕВ
ХИВА
БУХАРА
ЗАКАСПИЙСКИЙ ФРОНТ
САМАРКАНД
ДЮШАМБЕ
ЧАРДЖУЙ
АМУ-ДАРЬЯ
АШХАБАД
МЕРВ
КИТАЙ
ИНДИЯ
ПЕРСИЯ
АФГАНИСТАН
Направление основных ударов Красной Армии
Отступление частей белой армии
Разгром войск эмира бухарского
Штаб фронта
Отступление войск интервентов

те, что вернутся по домам. Все прибывало и прибывало тех, которые решили идти по домам. И совсем мало осталось казаков возле атамана.

— С богом, — сказал атаман на прощание тем, которые уходили от него.

Сотни людей — кто верхом, кто на бричке, кто пеший — двинулись на запад, к родным станицам. Дорога привела их к тесной горловине. Справа — скала. Слева — скала. И когда люди приблизились, с обеих скал застрочили вперекрест пулеметы. Ни спрятаться, ни убежать. Живым от Анненкова никто не ушел.

Такие волчьи повадки были у всех главарей последних белых банд. Курбаши вели войну жестокую и подлую. И постоянно грызлись меж собой: кто сильнее, кому быть амир лашкар баши — главнокомандующим над всеми басмачами. Зарились на этот пост, кажется, все до единого курбаши. И особенно рьяно двое из них — старый грабитель Халходжа и одноглазый Курширмат — тот, что напал в Ферганской долине на поезд Фрунзе. Но у этих двух было уж слишком бандитское прошлое. Англичане повели переговоры с курбаши Мадамин-беком, ему дали и оружие и деньги. И он обещал им взамен весь Туркестан отдать под протекторат Англии на семьдесят пять лет. Это значило, что вся огромная территория, населенная многими народами, должна была стать фактически английской колонией. Так Мадамин-бек получил титул амир лашкар баши.

Война с басмачами была войной без линии фронта, которую можно нанести на карту. Была другая линия, невидимая, она проходила через всю республику. Для боевых действий в этих условиях надо было выработать совершенно новую тактику.

Бессмысленно было гоняться за мелкими подвижными отрядами басмачей по горам и пустыням. Басмачи отлично знали местность, они умели исчезать бесследно, а потом появляться там, где их вовсе не ждали. Но зато в открытом бою они были слабы. В этом Фрунзе убедился на собственном опыте, когда немногочисленная охрана поезда отбилась от банды Курширмата.

Стоило поставить в городе небольшой гарнизон пехоты — и город превращался в неприступную крепость. Такие гарнизоны Фрунзе разместил по всему Туркестану. Во всех городах, на всех железнодорожных станциях были созданы коммунистические отряды. Бедняки кишлаков объединялись в отряды «красных палочников». Они поначалу и в самом деле вооружены были только палками и самодельными пиками. Огнестрельное оружие «красные палочники» добывали в боях с басмачами.

Летучие кавалерийские отряды начали теснить басмачей из плодородных долин в горы и пустыни. Все чаще красная конница планомерно прочесывала целые районы, где, по сведениям разведки, могли скрываться басмачи.

Случалось, что курбаши, как прежде, налетали внезапно на какой-нибудь поселок или кишлак. И тогда коммунистический отряд, заняв круговую оборону, втягивал басмачей в длительный бой, а вызванная на подмогу конница окружала их с тыла и уничтожала всю банду.

Эти небольшие стычки, вспыхивавшие то здесь, то там, сливались в непрерывное сражение, которое вели в 1920 году войска Туркестанского фронта.

Пустовали хлопковые плантации, стояли заводы

и фабрики, бездействовали нефтяные промыслы. Многонациональный Туркестан устал от войны.

Вот почему, одержав первые победы над басмачами, оттеснив их в горы и в пески, командующий Туркестанским фронтом предложил всем курбаши начать мирные переговоры.

И одним из первых принял его предложение Мадамин-бек.

МАДАМИН-БЕК

Тут надо рассказать, что за человек был амир лашкар баши.

Юношей Мадамин-бек очутился в Сибири, в каторжной тюрьме. Его осудили за убийство, и никто не захотел даже выслушать, что он не виновен. В Туркестане царская полиция, чтобы не утруждать себя поисками настоящих преступников, частенько хватала кого-нибудь из местных жителей — и концы в воду.

Эта давняя жестокая обида и привела Мадамин-бека к басмачам. Для него не было разницы между старой царской Россией и новой, советской.

Мадамин-бек добивался, чтобы весь Туркестан признал в нем нового Чингисхана. Он воскресил древний обычай — собирая всех курбаши, располагался на ханской белой кошме. И торжествовал, видя, как завистливо косятся курбаши на белую кошму.

Года два наслаждался Мадамин-бек своей властью, а потом произошла с ним резкая перемена. Другие курбаши продолжали грабительские налеты на кишлаки и города, а Мадамин-бек затих.

Фрунзе заметил, что Мадамин-бек как будто ищет

Командующий Туркестанским фронтом.

перемирия. Может быть, ему опостылело быть наемником англичан? Может быть, он понял, что дело все равно проиграно?

Стало известно, что Мадамин-бек готов начать переговоры.

Все знали, как опасно вступать в переговоры с басмачами. Уже не раз случалось, что курбаши приглашал к себе на мирные переговоры красного командира, угощал пловом, занимал цветистой льстивой беседой, а в это время к командиру неслышно подкрадывался один из басмачей и всаживал в спину нож.

Несмотря на это, Фрунзе решил, что поедет на встречу с Мадамин-беком сам. С собой он взял только двух сопровождающих, предупредив их, чтобы никакого оружия у них не было.

Мадамин-бек явился на условленное место в сопровождении целой оравы вооруженных басмачей. Он был в английском офицерском френче, в ферганской тюбетейке — черной с белым. На боку висела сабля в золоченых ножнах, на пальце сверкал крупный бриллиант.

Рассказывают, что Мадамин-бек не сразу определил, который из трех ехавших навстречу всадников — все в одинаковых выгоревших гимнастерках, в фуражках с алыми звездами — знаменитый русский сардар * Фрунзе.

Но рассказывают и другое...

До сих пор живет в Узбекистане легенда, будто при встрече Фрунзе и Мадамин-бек узнали друг друга. Будто были они знакомы по Иркутской или Алексан-

---

* Сардар — военачальник, главнокомандующий.

дровской пересыльной тюрьме, где Фрунзе однажды защитил каторжника-узбека от конвойного.

— Я не сомневаюсь, что месяц или два вы еще повоюете, — по-восточному медленно говорил Фрунзе Мадамин-беку. — Но у вас нет поддержки в народе. Вас всего лишь боятся. Как только люди почувствуют, что мы можем их защитить от вас, — никто не даст басмачу и лепешки. Народ хочет мирно трудиться. Мы установим мир в Туркестане. И когда придет для народа счастливая пора, никто добром не вспомнит ваше черное имя. Пока не поздно — складывайте оружие. Я обещаю вам полное прощение...

Михаил Васильевич закончил по-киргизски, зная, что Мадамин-бек поймет:

— Даже если сидишь криво, говори прямо.

В ответ Мадамин-бек коснулся ладонью английского кителя — там, где было сердце.

— Клянусь жизнью, что буду честно служить Советской власти.

«Хитрит он или говорит правду? Согласен сложить оружие или просто прикидывается раскаявшимся, а потом опять повернет свой отряд против Советской власти?» — думали спутники Фрунзе.

— Я вам верю! — сказал Фрунзе Мадамин-беку. — Приводите свой отряд в Наманган.

Фрунзе и двое его спутников прошли мимо басмачей, смотревших исподлобья, вскочили в седла и выехали на дорогу.

Спутники поглядывали на Михаила Васильевича: не прибавить ли ходу? Черт их знает, этих басмачей, вдруг вдогонку полетят пули. Но Фрунзе не торопил коня. Он не лгал Мадамин-беку. Он на самом деле поверил басмачу.

И Мадамин-бек понял, что ему поверили. Понял по открытому взгляду Фрунзе, по тому, как спокойно уезжал этот непонятный ему, безоружный, доверчивый русский сардар.

С доверием Мадамин-бек встретился впервые. Англичане искали своей выгоды. Курбаши обманывали и предавали.

Мадамин-бек привел свой отряд в Наманган. Фрунзе назначил его командиром красного конного полка.

Англичане назначили нового амир лашкар баши — Курширмата. Но вскоре новый амир лашкар баши прислал гонца к красному командиру Мадамин-беку, сообщил, что тоже решил сложить оружие, и пригласил на мирные переговоры.

Встреча была назначена в кишлаке Вуадиль.

На переговоры Мадамин-бек поехал с комиссаром полка Сергеем Суховым. Их сопровождал небольшой отряд.

— Вуадиль, если перевести, значит чистое сердце. Там святые места, — говорил Мадамин-бек по дороге комиссару. — Тот, кто назначил переговоры в Вуадиле, не посмеет обмануть.

Сухов молчал. Не очень доверял он и самому Мадамин-беку. Все-таки бывший басмач. Кто его знает...

Они ехали крутой горной дорогой. Впереди показались низкие дома с плоскими крышами.

У самого кишлака навстречу отряду высыпала толпа дервишей — нищих странников по святым местам. Дервиши исступленно крутились в дорожной пыли, что-то выкрикивали. Сухов придержал коня, чтоб не сбить ненароком кого-нибудь из этих полусумасшедших людей — в коросте, в грязных лохмотьях. Мадамин-бек ехал так, словно перед ним была чистая

дорога, и дервиши сыпали ему вслед визгливые проклятия.

Улочка небольшого горного кишлака была безлюдна. Вдоль нее тянулись высокие глиняные дувалы.

Отряд двигался теперь гуськом. И когда он весь втянулся в узкую улочку, из-за дувалов выскочили прятавшиеся там басмачи.

Завязалась рукопашная схватка. Красноармейцы пробились к ближнему двору, засели за дувалом. Сухов пересчитал — осталось двадцать шесть бойцов. Двадцать седьмой — он сам. Двадцать восьмой — Мадамин-бек.

В конце улочки показался верхом на коне новый амир лашкар баши Курширмат.

— Выходи! — крикнул он Мадамин-беку. — Тебя не тронем!

Мадамин-бек выстрелил мгновенно, почти не целясь. Конь Курширмата рухнул в пыль. Одноглазый басмач с руганью выбрался из-под коня, спрятался за угол дома.

Красноармейцы шашками просверлили в дувале бойницы, чтобы отстреливаться. Бой продолжался неравный. И не было никакой надежды, что кто-нибудь придет на выручку.

Их оставалось все меньше. Был ранен пулей в плечо Мадамин-бек. Сухов оторвал край своей рубашки, перевязал Мадамин-бека.

— Береги последнюю пулю, — хрипло сказал тот.

Сухов понял, о чем хотел напомнить Мадамин-бек. Живым нельзя попадаться в руки басмачей.

Кончались патроны. Не было ни глотка воды. А солнце пекло нещадно.

Теперь их осталось только трое — командир, ко-

миссар и боец Орехов, которого Мадамин-бек всегда особо отличал, потому что Орехов был земляком Фрунзе, тоже родом из города Верного.

Комиссар и Мадамин-бек сражались рядом, плечом к плечу. Последняя пуля не понадобилась Сухову. Он упал, сраженный насмерть. Его последнюю пулю Мадамин-бек расчетливо выпустил по басмачам и уронил суховскую винтовку из ослабевших рук. Жажда жгла его как огнем. В глазах у Мадамин-бека темнело, но он еще увидел, как Орехов поднялся во весь рост и — окровавленный, в истерзанной гимнастерке — пошел к реке, к сверкающей ледяной воде.

Басмачи не посмели тронуть Орехова. Он дошел до реки и упал мертвый у самой воды.

Быть может, в эту минуту Мадамин-бек подумал с отчаянием, что не осталось теперь никого, кто мог бы рассказать всю правду. Мог бы прийти к товарищу Фрунзе и, глядя в его светлые доверчивые глаза, поклясться памятью матери, счастьем детей своих — самыми сильными клятвами, что Мадамин-бек не предал, не обманул, бился с басмачами до последней пули...

Время для последней пули уже пришло. Мадамин-бек нажал на спусковой крючок своего маузера.

Ворвавшиеся во двор басмачи пинали сапогами его тело, плевали в застывшие глаза. Злейший враг — Халходжа клинком отрубил голову Мадамин-бека и надел на пику.

А Курширмат послал своих людей по кишлакам распускать слух, будто Мадамин-бек снова с басмачами. Об измене Мадамин-бека заговорил весь Туркестан.

Прошло немало времени, пока кто-то из попавших

в плен басмачей рассказал о том, как погибли комиссар Сухов, боец Орехов и Мадамин-бек. А после стало известно, что голову Мадамин-бека таскают на пике басмачи Халходжи. Долго еще мертвая голова Мадамин-бека сопровождала отряд Халходжи, пока старый бандит не выкопал однажды награбленное золото и не подался с ним через горы к границе. Там, в горах, под снежной лавиной сыскал Халходжа свой конец.

ШТУРМ БУХАРЫ

Фрунзе не раз приходилось проезжать землями Бухарского эмирата, вклинившегося в Туркестанскую республику. И всегда было ощущение, словно попадал он из сегодняшнего дня в далекое прошлое.

Бухара уже давно была частью России, но царскому правительству было удобно, чтобы правили Бухарой эмиры. Под властью эмира Сеид-Алим-хана народ жил, как тысячу лет назад. С бедняков собирали непомерную дань. Ослушников били палками. Врагов эмира вешали, сажали на кол. Под огромными конюшнями эмира помещалась огромная, всегда переполненная тюрьма, куда сверху, из конских стойл, сочились нечистоты.

Но ни тюрьмами, ни пытками нельзя было удержать в Бухаре прежние порядки: рядом жил по-новому Советский Туркестан.

Из Бухары в Ташкент потайными путями пробирались гонцы молодой, только что организовавшейся Бухарской коммунистической партии. Они приходили к Фрунзе за советом — и как к командующему Тур-

кестанским фронтом и как к опытному подпольщику. Говорили о явках, о листовках, о том, что народ Бухары готов восстать против власти эмира.

Эмиру Сеид-Алим-хану удалось захватить руководителей бухарских коммунистов. Палачи применили самые зверские пытки, но коммунисты не назвали ни одного имени. Эмиру не удалось разгромить партию.

Фрунзе обратился к Сеид-Алим-хану с просьбой освободить арестованных. Эмир отмалчивался.

Фрунзе понимал, что эмир уже давно выжидает удобного момента, чтобы напасть на Советский Туркестан. Это через него, через Сеид-Алим-хана англичане снабжают басмачей оружием и золотом. Это к нему прислали англичане своих военных инструкторов — обучать многотысячную армию эмирских сарбазов. Это ему доставили из Индии на боевых слонах современные скорострельные пушки...

Из Индии на боевых слонах. Когда Михаилу Васильевичу принесли это сообщение разведки, ему на минуту показалось, что он читает страницу древней рукописи. Как при Александре Македонском, бредет горными дорогами караван серых медлительных великанов... Но за этим караваном, пришедшим из далекой сказочной Индии, — хитрые планы врагов революции.

Фрунзе приказал перевести штаб фронта из Ташкента ближе к Бухаре — в Самарканд.

Ничего не изменилось в Самарканде с той поры, когда Фрунзе побывал тут гимназистом. Среди старинных куполов, высившихся над городом, он отыскал глазами голубой купол мавзолея Гур-Эмир, где была гробница Тимура...

Товарищи, сопровождавшие Михаила Васильевича,

невольно заговорили шепотом. Провожатый поднес свечу к темно-зеленому полированному камню.

Все было так, как когда-то... О чем размышлял, оставшись тут на всю ночь, гимназист Миша Фрунзе? Кажется, о чем-то романтическом. А если бы кто-нибудь сказал ему тогда, что он придет сюда, в Самарканд, во главе армии, что здесь он будет разрабатывать планы освободительного похода на Бухару, планы штурма этой древнейшей из крепостей. Разве поверил бы гимназист? Он мечтал тогда совсем о другом. Он думал о путях, какими пойдет Россия... Но что-то все же привлекало его в Тимуре, в Железном Хромце...

Лето было на исходе. Мелели арыки, небо из голубого стало пепельно-серым, на раскаленных глиняных крышах Самарканда сушили оранжевый урюк, темно-красный виноград, тонкие сахарные ломти дынь.

Несмотря на гнетущую жару, командующий жил в вагоне. Он ждал вестей, готовый немедленно тронуться в путь.

Августовским днем примчались в Самарканд два запыленных, усталых гонца из Бухары.

— Эмир казнил руководителей Бухарской коммунистической партии. Весть о казни возмутила всю Бухару. Народ восстал! Идут бои с сарбазами эмира. От имени народа Бухары просим Туркестанскую республику о помощи.

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ТУРКЕСТАНСКОГО ФРОНТА
№ 00204/пш

Самарканд

28 августа 1920 г.

В ряде местностей Бухары вспыхнуло революционное движение. Настал час решительной схватки подавленных и порабощенных трудящихся масс Бухары с кровожадным правительст-

вом эмира и беков. Полки нарождающейся бухарской Красной Армии двинулись на помощь родному народу. Красные полки Рабоче-Крестьянской России обязаны стать подле них. Приказываю всей нашей вооруженной мощью прийти на помощь бухарскому народу в этот час решения.

Командиры, комиссары! На вас смотрит сейчас вся Советская Россия и ожидает от каждого исполнения его революционного долга!

Вперед, за интересы трудящихся Бухары и России!

Да здравствует возрождающийся бухарский народ!

Да здравствует нарождающаяся Бухарская Советская Республика!

Командующий Туркфронтом — Михаил Фрунзе
Член РВ Совета — Ибрагимов

29 августа красные полки подошли к степам Бухары.

Позади был трудный путь через раскаленные пески, через долины в путанице садов, арыков, извилистых дорог, глухих дувалов.

В солнечном зыбком мареве встала перед глазами красноармейцев древняя крепость. Стены восьмиметровой высоты и почти такой же толщины были сложены из глины, окаменевшей за века. А за ними поднимались купола мечетей и узкая башня минарета Калян.

Старинная крепость была заново оснащена дальнобойной артиллерией, пулеметами. Но не менее сильным было древнейшее оружие бухарских эмиров. По обычаю всех восточных властителей они держали в своих руках ключи от воды — владели головным сооружением, откуда бежала вода по всем большим и малым арыкам Бухарского оазиса. А теперь эмир защелкнул этот тысячелетний замок — и высохли сразу все арыки вокруг крепости, и для красных полков зеленый оазис стал как безводная пустыня.

Фрунзе предвидел этот маневр, и по его приказу наступавшие части взяли с собой запас воды. Но запаса было в обрез.

В ночь на 1 сентября Фрунзе приказал начать штурм Бухары. Это был один из немногих в истории всех войн штурм крепости, когда осаждающих было вчетверо меньше, чем осажденных. Красных частей не хватало, чтобы окружить крепость. По плану командующего они взяли Бухару в клещи, штурмуя одновременно трое ворот.

Снаряды ударялись в глиняные стены, но вышибали лишь легкие облачка пыли. Сарбазы эмира, обученные английскими инструкторами, палили из орудий и пулеметов. Но все же красным удалось прорваться под самые стены, куда не доставал артиллерийский и пулеметный огонь. Саперы начали вырубать в крепостной стене штурмовые ступени, по которым могла бы подняться пехота. Окаменевшая глина не поддавалась. Сверху на саперов летели гранаты.

А солнце поднималось все выше. Зной был нестерпимый. Губы бойцов потрескались и сочились кровью. Особенно тяжело было командам броневиков. На солнце стальная обшивка до того накалилась, что нельзя было прикоснуться к броне — обожжешься. А внутри было как в печке. Но броневой отряд продолжал штурмовать ворота крепости.

Снаряды красной артиллерии били в одну точку. Стена начала крошиться, появились широкие черные трещины. Наконец образовалась брешь. Красноармейцы готовы были ринуться в атаку. Но сарбазы заставили мирных жителей заделывать брешь. Подгоняемые ударами прикладов, люди таскали камни, глину. А когда сарбазы отворачивались, кто-нибудь вместо того, чтобы починять стену, кетменем выламывал кусок глины. Видно было, что пригнаны сюда бедня-

ки, сочувствующие Красной Армии. И красная артиллерия перестала бить по пролому в крепостной стене.

Штурм затягивался. Наступила ночь.

По всей долине светлячками горели костры. И слышно было бойцам, лежавшим у костров, как гортанными голосами перекликаются на стенах крепости сарбазы.

Зорко поглядывали кругом сарбазы. Но не уследили за десятком красноармейцев, которые ползком подобрались к самой стене, таща за собой плоские деревянные ящики с динамитом.

А на рассвете ударили взрывы. Крепость окуталась желтой едкой пылью. И когда пыль рассеялась, красноармейцы увидели пролом в крепостной стене. Не дожидаясь, пока опомнятся сарбазы, красные ворвались в город.

Но и это еще была не победа. Темные, узкие, запутанные улочки старой Бухары разделили сражение за город на тысячи боев. Так арыки делят мощный поток на тысячи ручейков.

Бои шли за каждую улочку, за каждый двор. Рядом с красными бойцами сражались бедняки Бухары. Над городом полз удушливый дым. Это сарбазы по распоряжению эмира подожгли все запасы хлопка.

Бой приближался к центру Бухары. Отряду кавалеристов передали приказ Фрунзе: «Разыскать главный распределительный канал!»

Кавалеристы метались по лабиринту улиц, стучались в дома. Немногие жители Бухары знали тайны воды. Это доверялось лишь избранным. Наконец нашли чиновника эмира, который указал им, где головная магистраль. Ту часть Бухары сарбазы защищали с осо-

бой яростью. Шашками расчистили кавалеристы дорогу к распределительным щитам, гранатами сбили замки.

Вода хлынула по арыкам, и кавалеристам, вставшим на карауле у щитов, казалось, что они слышат, как смолкает гул боя там, куда добежала вода.

Бой и вправду затихал. Город и его окрестности были в руках красных войск. Последние защитники эмира засели в бухарской цитадели — Арке. Это была крепость в крепости. Штурм Арки длился несколько часов. Наконец на одной из ее башен повис белый флаг и из распахнувшихся ворот начали выходить сарбазы.

Самого Сеид-Алим-хана в Арке не оказалось. Он успел удрать с кучкой приближенных, оставив и казну свою, и обоз, и дареных боевых слонов.

В Бухаре была провозглашена народная республика. К Михаилу Васильевичу Фрунзе явилась делегация жителей города.

— За братскую помощь в освобождении, — сказал глава делегации, старик с длинной и узкой белой бородой, — вручаем тебе меч, достойный воина.

И тотчас вошли двое юношей, неся на шелковых платках меч и кинжал работы искуснейших бухарских мастеров.

Михаил Васильевич смутился: не принять нельзя, кровная обида. Он взял в руки меч, потом кинжал и залюбовался — до чего же хороши! Его восхищенный взгляд не укрылся от зорких глаз старого мастера-оружейника.

— Меч, достойный воина, — повторил старик.

Командующий Южным фронтом.

ПРИКАЗ АРМИЯМ ЮЖНОГО ФРОНТА

27 сентября 1920 г.

Приказом Революционного военного совета республики я назначен командующим армиями Южного (врангелевского) фронта.

Вступая ныне в исполнение своих обязанностей, с первой мыслью и первым словом я обращаюсь к вам, товарищи красноармейцы.

Прежде всего передаю вам привет наших боевых товарищей только что оставленного мною Туркестанского фронта, где красные полки этого фронта, славно выполнив свои боевые задачи, стоят ныне грозной стражей рабочей России в далеких степях, пустынях и горах Азии, у самого преддверия Индии.

Передаю вам привет и от имени верховного органа Российской Республики — Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов, а также от имени высшего командования Красной Армии.

Товарищи! Вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом нашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но по-прежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля.

Это тот самый барон Врангель, который, несмотря на крушение контрреволюционных затей своих черносотенных предшественников — адмирала Колчака, генералов Корнилова, Юденича, Деникина и др., все еще продолжает пробивать себе дорогу к царскому трону через горы рабочих и крестьянских трупов.

Это тот Врангель, который запродал всю Россию — все железные дороги, рудники и другие богатства — французским ростовщикам и тем купил их подлую, кровавую помощь против родной страны.

Это тот Врангель, который в последние дни глубоко вонзил свой разбойничий нож в спину России, сорвав победный марш армий Западного фронта и наш мир с Польшей. В тот момент, когда наши красные полки стояли под Варшавой, когда белая Польша готова была подписать с нами мир, когда требовалась хотя небольшая поддержка с нашей стороны, дабы славно закончить борьбу, — в это самое время крымский разбойник наносит удар с юга, отвлекая все силы и средства страны,

лишает нас возможности поддержать Западный фронт в решающий момент и тем вновь приводит к затяжке борьбы.

Борьба с Врангелем приковывает внимание не только России, но и всего мира. Здесь завязался новый узел интриг и козней, при помощи которого капиталисты всех стран надеются подкрепить свое шатающееся положение. Успехи Врангеля окрылили их надеждами и поддерживают бодрость в борьбе с надвинувшейся вплотную волною пролетарского движения в их собственных странах.

На нас, на наши армии падает задача разрубить мощным ударом этот узел и развеять прахом все расчеты и козни врагов трудового народа. Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счеты труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты; очередь за вами, товарищи.

Мне известно, что эту задачу нам придется разрешать в тяжелой обстановке разного рода недочетов и нехваток.

Это известно и всей России, напрягающей последние усилия, чтобы помочь фронтовикам. И тем не менее мы ее должны разрешить.

Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта.

Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары! Именем Республики обращаюсь к вам с горячим призывом дружно, как один, взяться за работу по устранению всех существующих в частях недочетов и по превращению их в грозную, несокрушимую для врага силу. Обращаюсь ко всем тем, в ком бьется честное сердце пролетария и крестьянина; пусть каждый из вас, стоя на своем посту, выявит всю волю, всю энергию, на которую только способен. Шкурников, трусов, мародеров, всех изменников рабоче-крестьянскому делу — долой из наших рядов! Долой всякое уныние, робость и малодушие! Победа армии труда, несмотря на все старания врагов, неизбежна. За работу, и смело вперед!

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях и командах.

Командующий армиями Южного фронта и член
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета — Михаил Фрунзе-Михайлов

Член Реввоенсовета
Южного фронта — Сергей Гусев

Это карта самого последнего и, быть может, самого трудного из больших сражений гражданской войны.

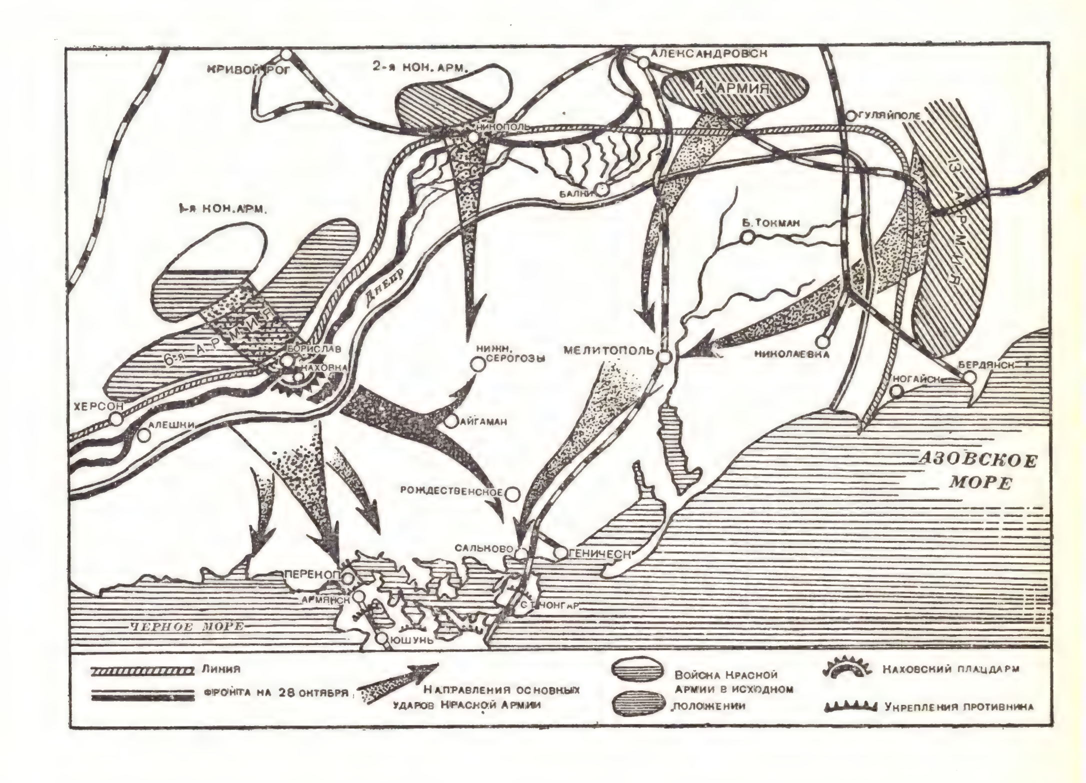
На севере — Каховка, крепость красных.

В шестидесяти километрах от Каховки — Перекоп, крепость белых.

За Перекопом, в Крыму, готовилась к нападению на Советскую республику армия «черного барона» Врангеля.

Врангель был из молодых царских генералов. В военном деле он оказался человеком далеко не бесталанным. Реорганизовал белую армию, доставшуюся ему от Деникина. Создал «бронированную конницу», придав кавалерийским частям танки, броневики, аэропланы. Оружием и боеприпасами его щедро снабжали и Франция и Англия. Врангель был последней надеждой интервентов. Французские военные инженеры помогли Врангелю создать в Крыму мощные оборонительные сооружения. Главным из них был Турецкий вал на Перекопском перешейке — земляная насыпь, которой некогда загораживались от России крымские ханы. Турецкий вал был заново укреплен, забетонирован, защищен рядами колючей проволоки, весь утыкан орудиями и пулеметами. Французские инженеры заявили, что Перекоп неприступен.

Летом 1920 года Врангель вылез из своей крепости. Его стратегический план был основан на действиях «бронированной конницы». Врангель рассчитывал разбить по частям силы красных до подхода подкреплений, а потом ударить конницей по подкреплениям, которые начнет перебрасывать командование Красной Армии.

КРИВОЙ РОГ
2-я КОН. АРМ.
АЛЕКСАНДРОВСК
4. АРМИЯ
ГУЛЯЙПОЛЕ
НИКОПОЛЬ
13. АРМИЯ
БАЛКИ
1-я КОН. АРМ.
Б. ТОКМАК
Днепр
6-я АРМИЯ
БОРИСЛАВ
КАХОВКА
НИЖН. СЕРОГОЗЫ
МЕЛИТОПОЛЬ
НИКОЛАЕВКА
БЕРДЯНСК
НОГАЙСК
ХЕРСОН
АЛЕШКИ
АЙГАМАН
АЗОВСКОЕ МОРЕ
РОЖДЕСТВЕНСКОЕ
САЛЬКОВО
ГЕНИЧЕСК
ПЕРЕКОП
АРМЯНСК
СТ. ЧОНГАР
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ЮШУНЬ
Линия
фронта на 28 октября
Направления основных ударов Красной Армии
Войска Красной Армии в исходном положении
Каховский плацдарм
Укрепления противника

Под натиском отлично вооруженных врангелевских войск красные отступали.

Вот в эту самую пору по настоянию Ленина Михаил Васильевич Фрунзе был срочно вызван из Туркестана и назначен командующим Южным фронтом.

Перед отъездом из Москвы Фрунзе виделся с Лениным. Доложил, что считает главной задачей Южного фронта разбить Врангеля в степях Таврии, не дать ему уйти в Крым.

Сообщил, что разрабатывает планы штурма Крыма — на случай, если Врангелю все же удастся ускользнуть. Из военной истории известно, как брал Крым двести лет назад русский фельдмаршал Ласси. Он не стал атаковать в лоб Турецкий вал, а прошел по Арабатской стрелке и ударил по войску хана с тыла...

Ленин сказал:

— Главное — не допустить зимней кампании. Мы не можем обрекать народ на ужасы и страдания еще одной военной зимы. Если не победим Врангеля в этом году, весной он начнет новый поход... Как вы полагаете, когда вы сможете закончить операцию по разгрому Врангеля?

— К декабрю все будет кончено, — отвечал Фрунзе.

За действиями Врангеля он пристально следил, еще находясь на Туркестанском фронте. Противник был ему известен. Когда Фрунзе воевал с белоказаками в уральских и оренбургских степях, то с юго-запада его частям приходилось удерживать Кавказскую армию белых, рвавшуюся на соединение с Колчаком. А командовал Кавказской армией генерал Врангель...

Было это в 1919-м. А теперь на исходе 1920-й. Трудно живет Советская республика — бедно, голодно.

Фрунзе, Буденный, Ворошилов.

И Красная Армия все так же плохо одета и скудно вооружена. Конечно, лучше, чем в 1919-м, но по-прежнему во много раз скуднее, чем белая армия. Зато какие боевые части дает Красная Армия Южному фронту. Семен Буденный и Клим Ворошилов ведут с Западного фронта Первую Конную. Из Сибири прибыла легендарная 51-я стрелковая дивизия — начдив 51-й Василий Блюхер первым в республике был награжден орденом Красного Знамени за лихой партизанский рейд по тылам Колчака.

В осенних, пожелтевших степях Северной Таврии сошлись в боях многотысячные армии. И одновременно начался невидимый поединок. С одной стороны — барон Врангель, воспитанник Академии генерального штаба, имеющий опыт русско-японской войны и рус-

ско-германской. А с другой стороны — большевик Михаил Фрунзе.

Фрунзе начал готовить фронт к решительному наступлению. Местом сосредоточения основных ударных сил Фрунзе выбрал Каховский плацдарм. Командующий был уверен, что Врангель не пойдет к центру России через рабочий Донбасс, а предпочтет сельские районы Украины.

В СТЕПЯХ СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

Штаб Южного фронта разместился в Харькове. В сущности, никакого штаба накануне еще не было. Фрунзе, приехав в Харьков, заново создавал всю систему управления фронтом.

Верный своим походным привычкам, он жил в вагоне. На запасных путях станции Харьков формировался целый поезд командующего: в вагонах поселялись и сразу же брались за дело командиры, вызванные Фрунзе на работу в штаб.

Невнимательному наблюдателю показалось бы, что командующий фронтом действует уж очень неторопливо, слишком спокойно. Врангель наступает, 29 сентября белые заняли Мариуполь, они явно прорываются в Донбасс!.. А тут, в штабе, чертят карты, разрабатывают какие-то дальние планы, пишут приказы о переброске войск — не к Мариуполю, а к Каховке, у которой сейчас затишье.

Нелегко давалось командующему его спокойствие. Как всегда бывает, отступление породило бесчисленные слухи об измене. Настроение в частях было вовсе не боевое. Свежими резервами фронт не располагал.

«Чувствую себя со штабом фронта окруженным враждебной стихией», — писал Фрунзе Владимиру Ильичу Ленину 3 октября 1920 года. Но с прежним упорством не вводил в бой группу войск, сосредоточенных на правом берегу Днепра, у Каховки.

А на левобережье Днепра, прикрывая Донбасс, билась 13-я армия красных.

В Харькове, в штабном вагоне, Фрунзе за сотни километров от линии боев пытался определить направление ударов белых частей.

— «...следует ожидать, что противник обрушится сосредоточенными силами на части 9-й стрелковой дивизии...» — телеграфировал он командарму-13.

И через день приходило сообщение, что 9-я дивизия ведет ожесточенные бои с бешено рвущимся вперед противником.

Фрунзе понимал, что, угадывая замыслы врангелевского штаба, он шаг за шагом вырывает у него из рук инициативу.

13-я армия не пустила белых в Донбасс.

6 октября Фрунзе телеграфировал Ленину: «...Угрозу Донбассу можно считать ликвидированной... в общем ходе борьбы перелом наметился и мы можем без излишней нервозности продолжать подготовку решающего удара...»

По-прежнему, с виду неторопливо, на деле напряженно, работал штаб Южного фронта. Фрунзе знал, что все будет зависеть от тщательной подготовки операции и твердого управления ею.

А неподалеку от Перекопа, в Джанкое, разрабатывал свои планы штаб Врангеля. «Черного барона» не очень беспокоила неудача наступления на Донбасс.

Главный удар он готовился нанести совсем не там. Не там...

8 октября белые войска начали переправу через Днепр у острова Хортица. По расчетам врангелевского штаба здесь, на правом берегу Днепра, должны были стоять незначительные силы красных: «бронированная конница» разобьет их и выйдет в тыл Каховскому плацдарму.

Медленно пересекали осенний туманный Днепр понтоны и лодки белых. Еще не просвистела ни одна пуля. И шашки еще лежали в ножнах, но сражение Врангелем было уже проиграно. Фрунзе предугадал планы белых и ждал решительного наступления именно здесь. Именно здесь, у Никополя, стояла наготове Вторая Конная армия.

...Неожиданным, ошеломляющим был для Врангеля удар Второй Конной. Выйти в тыл Каховке не удалось. Врангель отдал приказ своим частям атаковать Каховку в лоб. «Бронированная конница», танки, авиация — все отлично снаряженное войско должно было исправить промах врангелевского штаба.

Несколько дней белые штурмовали Каховку, но красная крепость устояла. А потом защитники Каховки перешли в наступление. Армия Врангеля покатилась назад, к Перекопу. Наперерез белым ринулась Первая Конная.

...Ровная степь простиралась от Каховки до Перекопа. Ровная как стол.

Фрунзе склонился над картой Северной Таврии. Стрелки к Перекопу, стрелки к Чонгару. Ворота в Крым надо захлопнуть перед самым носом у белых.

Судя по донесениям передовых частей, врангелевцы отступают образцово, по всем правилам военной науки. Когда-нибудь отступление Врангеля можно будет рекомендовать для подробного изучения в Академии Красной Армии. Когда-нибудь. А сейчас надо гнать Врангеля, гнать без передышки. Не дать ему опомниться...

3 ноября на исчерченную стрелками карту Северной Таврии лег листок со срочным сообщением: неся колоссальные потери, врангелевцы разорвали кольцо, пробились к Чонгарскому перешейку, ушли в Крым...

Поезд командующего шел на юг. Догорали степные станции. Пути были забиты вагонами, паровозами. По сторонам дороги валялись повозки, орудия, сотни конских трупов.

На маленькой станции Фрунзе вышел из вагона. В облаке черной гари плыл сладкий запах, будто где-то неподалеку пекли хлеб. Михаил Васильевич оглянулся. Горели вагоны с зерном, подожженные отступавшими белыми. Десятки вагонов! Вот откуда шел запах печеного хлеба.

Жгут хлеб! А в Москве, в Иваново-Вознесенске голодают дети. Показать бы этот хлеб бойцам. Они с голыми руками на любую крепость пойдут. Станция давно осталась позади, а Михаил Васильевич не мог успокоиться. Все время стояли перед его глазами вагоны с горящим зерном.

Пути были разрушены, поезд застрял. Дальше ехали на автомобилях. У разбитого моста работники штаба оставили автомобили, переправились на лодках, по-

шли пешком, обгоняя колонны красноармейцев. Узнавая Фрунзе, бойцы кричали:

— Даешь Крым!

Настроение у всех было веселое. Боевое настроение наступающей армии.

— В Крыму будем отдыхать, — шутил с бойцами Михаил Васильевич.

— Переобуемся в английские ботиночки! — отвечали ему.

Красноармейцы шли по замерзшей грязи, по колючей степной траве в разбитых сапогах, из которых торчали пальцы. У многих и сапог не было. Шли в лаптях, в самодельной обуви из сырой кожи, содранной с убитых лошадей.

«Остановить их не смогла бы теперь ни одна армия в мире, — думал Фрунзе. — Наступление — это тоже часть военной силы, которой мы сейчас располагаем».

ПЕРЕКОП

Бурая степь, выжженная солнцем, оголенная осенними ветрами, к утру стала седой. Трава и чахлый кустарник — все оделось хрустящим инеем. В седой степи темнели лишь островки незамерзшей земли. Они остались там, где вповалку, чтобы теплее было, проспали эту ночь бойцы — не зажигая костров, не позволяя себе даже закурить, чтобы ни единой вспышкой не выдать своего пребывания белым.

Штаб Фрунзе стоял в селе Строгановка на берегу Сиваша — Гнилого моря. От Сиваша тянуло болотным запахом. Ветер гнал воду на восток, обнажались топкие серые отмели.

Командующий не спал уже несколько суток. В штабе рождался план штурма последней крепости белых. Первоначальный замысел Фрунзе — прорваться по узкой Арабатской стрелке — оказался невыполнимым. Песчаная полоса Арабатской стрелки была под огнем артиллерии белых. А Таганрогская красная флотилия, орудия которой могли бы подавить артиллерию белых, оказалась из-за ранних морозов в ледовом плену.

Оставалось одно — штурм. Прямая лобовая атака Перекопских и Чонгарских позиций. И удар в тыл врангелевцам, обороняющим Перекоп, — через Сиваш, на Литовский полуостров, единственное уязвимое место Крымской крепости.

Подъезжая к Перекопу, Фрунзе издалека увидел длинный вал, поднявшийся над степью метров на двадцать. Перед валом тянулся широкий ров, и вся степь заросла паутиной колючей проволоки. И все подступы к валу белые заминировали. И вся равнина перед валом простреливалась из их орудий и пулеметов. Кроме обычных орудий, на Турецком валу стояли дальнобойные, морские, снятые с военных кораблей. К тому же крейсировавший в Каркинитском заливе флот белых тоже мог обстреливать весь перешеек.

51-я дивизия, преследовавшая врангелевцев от самой Каховки, уже пыталась с ходу ворваться на Турецкий вал. Но после нескольких неудачных атак отошла. Впереди остались только части боевого охранения.

Начдив-51 Блюхер доложил командующему, как будет организован штурм. Сначала пойдут саперы и гранатометчики, они сделают проходы в проволочных заграждениях. За ними двинется основная цепь пехоты. А за нею — еще три цепи. Словом, штурмовать Ту-

рецкий вал будет пять волн. Сейчас бойцы обучаются расправляться с колючей проволокой.

В Строгановке, в штабной хате Фрунзе беседовал с Иваном Ивановичем Оленчуком, местным жителем, добытчиком соли.

— Сколько верст от Строгановки до того берега? — спрашивал Фрунзе Оленчука.

— В узком месте верст десять, — отвечал Оленчук. — Если на Литовский полуостров держать.

— Вот, вот, на Литовский, — сказал Фрунзе, измеряя по карте, — и у меня получается восемь верст. Проведете наших красноармейцев через Сиваш?

— Можно, — согласился Оленчук. — Был бы ветер западный, чтобы воду в Азовское море согнал. Тогда пройдем. Отчего же не пройти.

Он топтался, неловко размахивая руками, хотел, чтобы Фрунзе поверил, что он, Оленчук, надежный и расторопный проводник. Но где-то в глубине души прятался страх. Гиблое место этот Сиваш. Да и на Литовском белые сидят — не пряниками встретят.

Ветер дул с запада. Все больше обнажалось серое дно Сиваша. Мороз подсушивал топь. В ночь на 6 ноября Оленчук с саперами начал ставить вешки вдоль брода.

— Главное дело, — говорил Оленчук, — чтобы в прогноину не угодить. Враз засосет.

Черные ямы — прогноины — попадались все чаще. Кто-то, вскрикнув, провалился по горло.

— Тихо! — цыкнул шепотом командир. Они были уже под самым носом белых.

В этот самый час Фрунзе выехал из Строгановки в штаб 51-й дивизии. Подъезжая, услышал отчаянную пальбу.

— Нервничают белые,— докладывал командующему начдив Василий Блюхер. — Темно, так они кусты за цепи красных принимают и давай палить. Снарядов-то у них хватает.

Насчет снарядов было сказано неспроста. Боеприпасов у красных бойцов, как всегда, недоставало. Не помнил Фрунзе такого сражения, чтобы вдосталь было у его армий и снарядов и патронов. И тут еще застряла где-то в степях Таврии тяжелая артиллерия, а без хорошей артиллерийской подготовки ни один военачальник не решится идти на штурм. Но артиллерия застряла безнадежно, Фрунзе видел сам, что белые, отступая, разрушили все железнодорожные пути, взорвали все мосты. Значит, надо было начинать теми орудиями, что смогли подтянуть.

Фрунзе собрал командиров частей, стоявших перед Турецким валом. Он сказал слова, каких еще никогда не говорил перед боем:

— Или я увижу вас на валу, или не увижу совсем.

Один из командиров ответил за всех:

— Мы будем на валу.

Наступило 7 ноября. На 7-е Фрунзе назначил штурм. Он знал, что в день третьей годовщины революции бойцы будут биться беззаветно.

Штаб фронта оставался в Строгановке, откуда должна была начаться переправа через Сиваш.

В десять часов вечера Фрунзе вышел из штабной хаты. Был он в кожаной куртке, в любимой туркестанской папахе. Ветер швырнул ему в лицо снежные иглы. Зима. Никогда не приходила она так рано в Крым.

С митинга в честь третьей годовщины Октября бойцы уходили к Сивашу. Шел с ними и Оленчук. Под ногами похрустывал тонкий лед. Над Сивашем сгущался серый туман. Передние скрылись в туманной мгле. Они уже ступили на илистое дно Сиваша.

Бойцы двигались узкой колонной, орудия тащили на руках. Ночь была морозная, а с бойцов градом лил пот. Запрещено было курить, разговаривать. Под ногами чавкала грязь. Сквозь дыры в обуви соль жалила стертые в походе ноги. Над головами бойцов в тумане путались лучи прожекторов — белые настороженно прощупывали Сиваш. Время от времени их пулеметчики посылали в туман длинные очереди. Одна очередь случайно полоснула по колонне бойцов. Раздался приглушенный стон.

— Умирать, не вскрикнув! — полетел по рядам приказ.

Передние уже подходили к Литовскому полуострову. В воде стояли колья, опутанные проволокой. На проволоке были подвешены пустые консервные банки, они предательски загремели, и сразу же сюда, как огромный меч, опустился луч берегового прожектора. К нему сбежались другие лучи. С берега ударили орудия. Снаряды рвались, взметая столбы соленой жижи.

Бойцы резали проволоку, закидывали ее шинелями. Падали на гнилое дно и снова поднимались в атаку.

К двум часам ночи Фрунзе получил донесение: выбрались на берег Литовского полуострова, выбили белых из укреплений, залегли, ожидая подмоги. Теперь, когда завязался бой в тылу у врангелевцев, надо было решительно атаковать Турецкий вал. Фрунзе сел в автомобиль, сказал шоферу:

— На Перекоп.

...Утром все пушки, какие были, начали обстреливать Турецкий вал. Саперы подорвали первые линии проволочных заграждений. Цепи бойцов поднялись в атаку. Ураганный огонь противника отбросил их назад. Еще одна атака. Еще! Когда откатывались назад, пулеметчик Ермаков потерял курок своего кольта. А без курка куда он годится, пулемет. Ермаков под пулями пополз искать. Его ранило в руку, но он упрямо шарил по траве и нашел курок. А когда нашел, отодрал лоскут от нижней рубахи, смочил его собственной кровью, поднял на палке и пошел во весь рост, крича в сторону белых:

— Эй вы, паразиты! Убейте меня, но красного знамени вам никогда не убить!

Красного знамени не убить. С этими словами сражались и умирали дружинники Пресни. Святые бессмертные слова! Они напомнили командующему, как давно начата война, которую он должен нынче завершить победой — окончательной и бесповоротной.

...Все яростнее атаковали Турецкий вал полки 51-й дивизии. С каждой атакой отчетливей обозначались ходы, пробитые в оборонительных укреплениях белых.

В штаб Блюхера позвонили из Строгановки:

— Где командующий?

Телефонист протянул Михаилу Васильевичу накалившуюся в кулаке трубку.

— Ветер переменился! Вода прибывает! — сообщили из Строгановки.

— Сейчас выезжаю к вам, — сказал командующий.

Автомобиль командующего летел на предельной скорости. Вот показалась Строгановка, а за ней Сиваш.

...По дну Сиваша с шорохом ползла вода. Она зато-

пила брод, по которому продолжали двигаться к Литовскому полуострову узкие колонны бойцов. Части, сражавшиеся там, могли оказаться отрезанными.

— Связь с Литовским есть? — спросил Фрунзе.

— Есть, — ответили в штабе. — Связисты стоят в воде, держат провод в руках. Иначе нельзя — соль его съест.

— Передайте на Литовский. Высылаю им на подмогу конницу из своего резерва.

Конница спустилась в Сиваш. Кони шли по брюхо в соленой жиже. Вода продолжала прибывать, но попрежнему живыми вешками стояли от Строгановки до Литовского связисты.

По приказу командующего из ближних сел потянулись к Сивашу телеги с соломой. Мужики начали возводить поперек Сиваша преграду наступавшей воде. Но долго ли простоит их преграда.

— Что на Литовском?

— Белые нажимают. У наших боеприпасы на исходе. Подвозить их все труднее. Вода уже по грудь человеку.

Фрунзе приказал вызвать по телефону штаб Блюхера.

— Сиваш заливает водою. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Необходимо захватить вал во что бы то ни стало.

— Будет исполнено, товарищ командующий, — коротко ответил Блюхер. Много тяжелых, жестоких боев прошел он со своей дивизией. Но такого жестокого еще не было. Старые товарищи — с кем вместе партизанил, с кем брал Пермь, с кем отвоевывал Сибирь, кого пуля, казалось, и взять не могла, — погибли на его глазах, на узкой просоленой полосе земли под назва-

нием Перекоп. Но начдив знал: еще два-три часа безуспешных атак, и тогда неизвестно, кто возьмет верх, красные или белые. И он отдал приказ своим полкам идти на приступ, на последний и решительный, как поется в «Интернационале».

Ночной плотный туман опустился на землю. Красная артиллерия смолкла, боясь обстрелять своих же бойцов. Белые били вслепую, и от этой ночной слепоты, от страха все сильнее и сильнее становился их пулеметный огонь. А командирам даже не видно было, кто упал из красных бойцов, а кто еще идет.

Перед цепью бойцов, идущих на правом фланге, открылась черная глубина — ров. Они скатились в ров и поняли, что здесь нет никакой возможности выбраться на вал. Стены были крутые, выложенные плотно кирпичом. Пошли по дну рва к морю. Не увидели, а почуяли по сгустившейся сырости, что выходят к воде. Залив был у берега опутан колючей проволокой. Красноармейцы брели по пояс в воде, пока не кончилась колючая изгородь, и тогда свернули на огонь вражеских батарей, в тыл Турецкому валу. Мокрые, закоченевшие вылезли на берег метрах в ста позади вала. С хриплым «ура» пошли в штыки. Гранатами глушили блиндажи. Вырвались на вал. А там уже шла рукопашная схватка. Бились с белыми те, кто поднялся на вал по штурмовым лестницам, по ступеням, вырубленным саперами, по плечам товарищей... В ночной тьме красные бойцы узнавали своих по хриплому: «Даешь Крым!»

* * *

В 3 часа 30 минут 9 ноября Фрунзе вручили донесение: «Турецкий вал взят. Противник отходит к Юшуньским позициям».

С того времени, как полки спустились в Сиваш, прошло двадцать девять с половиной часов. Сутки и еще пять с половиной часов. Самые трудные часы в жизни Фрунзе.

В штабной хате стояла широкая деревянная лавка. Фрунзе лег на лавку, укрылся с головой шинелью. До рассвета оставалось совсем немного. И никто не знает, заставил ли он себя уснуть на короткие эти часы, как заставлял когда-то в камере смертников, тоже на рассвете.

Когда за окнами посветлело, командующий вышел, одетый в дорогу. Он поехал на автомобиле к Чонгару. Там, под огнем противника, шла подготовка к переправе. Саперы вязали к уцелевшим сваям сожженного белыми моста зыбкие мостки в два бревнышка. У берега стоял тяжелый плот, обложенный мешками с песком.

Чтобы окончательно сокрушить Врангеля, нужно было ворваться в Крым и отсюда, через Чонгар...

МОСКВА. В. И. ЛЕНИНУ
№ 0097/пш

16 ноября 1920 г.

ст. Джанкой

Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован.

Командюжфронтом — Фрунзе

Михаил Васильевич знал, что длиннее писать не надо. Он обещал Ленину кончить к декабрю, не допустить зимней кампании. Так и вышло. И совершила это армия, какой не было еще ни у одного полководца. Совершили бойцы, которые под пулями и снарядами шли на Турецкий вал, переправились через Сиваш,

пробились через Чонгар, рубили белую конницу в крымских степях, вонзали клинки в амбразуры бронепоездов, сутками не спали и не ели, но рвались вперед, вперед...

ПРИКАЗ
ВОЙСКАМ ЮЖНОГО ФРОНТА
№ 226 (00105) пш

гор. Симферополь

17 ноября 1920 г.

...Боевые товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, ценою ваших героических усилий, ценою дорогой крови рабочего и крестьянина взят Крым. Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников — заграничных капиталистов. Отныне красное знамя — знамя борьбы и победы — реет в долинах и на высотах и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с момента образования Южфронта; за этот короткий срок благодаря нашей стойкости и энергии была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым.

Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам Революции и освободителям трудового народа.

Особо отмечаю исключительную доблесть 51-й и 15-й стрелковых дивизий в упорных боях под Юшунем, героическую атаку 30-й стрелковой дивизии чонгарских переправ, лихую работу 1-й и 2-й Конармий, выполнивших задачу вдвое скорее поставленного срока, и всех многих героев, давших новую великую победу нашей Советской Республике.

Да здравствует доблестная Красная Армия!

Да здравствует конечная мировая победа коммунизма!

Приказ прочесть во всех ротах, командах, эскадронах и батареях.

Командюж — М. Фрунзе
Член Реввоенсовета Южфронта — Смилга

«Объявляется постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских депутатов от 25 ноября 1920 г. о награждении почетным революционным оружием:

командующего Южным фронтом тов. Фрунзе Михаила Васильевича...

Из приказа РВСР № 607 от 30 декабря 1920 г.

Фрунзе — народный комиссар.

ЭПИЛОГ

Гражданская война кончилась, а Михаил Васильевич Фрунзе так и остался военным человеком. Надо было растить и закалять молодую Красную Армию.

Фрунзе был назначен народным комиссаром по военным и морским делам, наркомвоенмором, как тогда называли. На этом посту он многое успел сделать для того, чтобы наша армия стала сильной и непобедимой.

Михаил Васильевич Фрунзе был одним из тех, кто создавал в те годы советскую военную науку. Наркомвоенмор заботился о том, чтобы у Советской страны была быстрая авиация, мощный морской флот. Много внимания уделял Михаил Васильевич военной академии, которая теперь носит его имя.

Рассказывают, что в те годы Михаил Васильевич, как и раньше, любил жизнь походную — на колесах, в вагоне. По-прежнему носил простую гимнастерку. Лишь изредка надевал он все свои боевые награды. Так было, например, когда его позвали в гости пионеры.

— Только приходите не просто так, — попросили ребята, — а с орденами, с саблей!

Михаил Васильевич уважил просьбу, приехал к ребятам при полном параде.

По-прежнему дружил он с ивановскими ткачами. Однажды в Иваново-Вознесенске была партийная конференция. Пора было начинать, а президиум мешкал.

— Почему не начинаете? — кричали из зала.

— Ждем Арсения, — отвечали из президиума.

Зал ответил громовым хохотом:

— Да он давно уж пришел! Сидит со старыми друзьями!

Фрунзе с детьми Таней и Тимуром.

И правда. Наркомвоенмор уже был в зале. Пришел с вокзала пешком. Пышности он не любил.

Рассказывают, что как-то к наркомвоенмору явился на прием молодой круглолицый командир. Ему недавно сравнялось двадцать лет, а по документам было видно, что он в гражданскую войну командовал полком. Впрочем, в то время молодостью нельзя было удивить. Самому наркомвоенмору еще не было сорока.

Молодого командира только что уволили из армии. Не годился он для военной службы, потому что после контузии у него кружилась голова и темнело в глазах.

— Только вы не подумайте, что я прошусь обратно в Красную Армию, — сказал молодой командир. — Не гожусь — и точка. Отвоевался. Но очень нужен мне для будущей жизни ваш боевой приказ.

Имя этого командира сейчас знают все ребята. Это был Аркадий Гайдар. Он всю жизнь считал себя военным человеком и говорил, что прикинулся писателем из военной хитрости, а на самом деле готовил краснозвездную крепкую гвардию.

Есть у Гайдара книга, которую все любят: «Тимур и его команда». Писателю нравилось это необычное мальчишечье имя. Своего сына Гайдар тоже назвал Тимуром. И сделал так потому, что Тимуром звали сына Михаила Васильевича Фрунзе.

У Михаила Васильевича и Софьи Алексеевны было двое детей — Таня и Тимур. Таня родилась в Ташкенте в 1920 году, а Тимур в Харькове в 1923-м. Есть славная фотография, на которой Михаил Васильевич снят с ними обоими. Это одна из последних его фотографий.

Наркомвоенмор Михаил Васильевич Фрунзе умер 31 октября 1925 года после тяжелой операции. Его смерть была очень большим горем всей нашей страны.

Фрунзе любила партия, любила армия, любил весь народ.

Именем его был назван город, где он родился.

Названы корабли, фабрики, школы...

Встали бронзовые памятники великому полководцу в городе Фрунзе, в Иваново-Вознесенске, в Шуе, в Каховке...

Но самым лучшим памятником великому полководцу были и будут заложенные им боевые традиции, которые помогли нашим воинам побеждать в Великую Отечественную и живут во всех сегодняшних взводах, батальонах, полках...

Есть одна авиационная часть, где каждый день на поверке называют:

— Лейтенант Тимур Фрунзе.

И юношеский взволнованный голос отвечает:

— Погиб в боях за Советскую Родину.

Годы идут. Разные голоса отвечают на поверке за Тимура Фрунзе. Но он по-прежнему в строю — Герой Советского Союза летчик Тимур Фрунзе, погибший 19 января 1942 года в боях с фашистами, не дожив до девятнадцати лет...

Отец гордился бы им...

Есть дом в Москве — обыкновенный жилой дом. Здесь живет Татьяна Михайловна Фрунзе, доктор химических наук. Сюда к ней приходят пионеры, и Татьяна Михайловна рассказывает им об отце и о брате.

Тысячи пионерских отрядов и дружин носят сейчас имя Михаила Васильевича Фрунзе. Они идут дорогами его жизни, дорогами борьбы и сражений.

СОДЕРЖАНИЕ

Юность

Борьба

Сражения

Стрелкова Ирина Ивановна.
МЕЧ ПОЛКОВОДЦА. (Повесть о Михаиле Фрунзе). М., «Молодая гвардия», 1968.
192 с., с илл. (Пионер — значит первый).
Р2

Редактор В. Трусова
Художник И. Овасанов
Худож. редактор В. Плешко
Техн. редактор В. Майоров

Сдано в набор 2/VII 1968 г. Подписано к печати 12/IX 1968 г. А05476. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 2. Печ. л. 6 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 65 000 экз. Цена 33 коп. Т. П. 1968 г., № 84. Заказ 1010.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

33 коп.

11
выпуск

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ФРУНЗЕ